

приют окаянных

Сергей Малицкий
Достояние
павших

16+

Приют окаянных

Сергей Малицкий
Достояние павших

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Малицкий С.

Достояние павших / С. Малицкий — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Приют окаянных)

Они не были близки, но, помогая друг другу, вырвались из пыточных застенков и унесли две великие ценности. Одна из них – ребенок. Ценой собственной жизни им удалось спасти его. Но он все еще в опасности. История мальчика, которому было больно. На обложке гравюра Улисса Альдрованди из книги «История чудовищ».

Содержание

Пролог. Нож	5
Часть первая. Дрохайт	15
Глава первая. Егерь	15
Глава вторая. Нюхач	24
Глава третья. Майстра	34
Глава четвертая. Байрел	45
Глава пятая. Дойтен	56
Глава шестая. Ийле	71
Глава седьмая. Алаин	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пролог. Нож

Собственных детей весельчак Фомх заиметь не успел. Возился в кузнице жилистый мальчишка лет десяти, но чужая кровь являла себя с первого взгляда; никак не мог щуплый черныш с длинным носом и печальными глазами оказаться сыном рыжего и коренастого весельчака-кузнеца. Тем более что рано умершая и не оставившая Фомху детей жена тоже была рыжей и широкой в кости. Да и появился подопечный у кузнеца не сразу, а года через два после начала его вдовства. Вовсе еще мальцом спрыгнул видно с какого-то обоза, отбил от табора или еще как, но зашел в кузницу, стряхивая с ветхой одежки снег, поклонился, буркнул что-то, подождал секунду-другую, взялся заледеневшими от мороза пальцами за веник, чтобы подмести земляной пол, за совок для углей, за мусорную корзину и только потом попросил кусок хлеба. Сгрыз его, запивая холодной водой из бадьи, и полез сметать паутину со стен, не обращая внимания на вылупившего глаза Фомха, да так и прирос, хотя вроде и разговора о приюте с ним никакого не было. Прикорнул тут же на связке болотного ивового прута, а уж на второй день Фомх сам его в дом отнес. Еще ведь и слезы глотал, когда ощутил, взяв на руки мальчишку, что и веса-то в нем никакого нет. А тому до собственной немощи словно и дела не было; как в первый день за веник ухватился, уже считай, что и не выпускал его, и другой работы не чурался, да так, что даже время для отдыха у кузнеца образовалось, а ведь по первости малыша и видно не было из-за наковальни. Так что чужой человек, конечно, неразумный малолеток к тому же, но все одно – добрый напарник. Во всяком случае, к Фомху он обращался не иначе как «господин кузнец», а в ответ слышал обычно или веселое: «Держи хвост торчком, заморыш!» – или нетерпеливое: «Где ты, Тис, раздери тебя демон?» Впрочем, выкрикивал все это Фомх для собственного увеселения, потому как и заморышем худой и гибкий мальчишка вскоре перестал быть, и искать его не приходилось – вот он, всегда под рукой и на виду, а если не на виду, то на слуху – третий год позвякивает малым молотом или скрипит коромыслом мехов в кузнице.

Нельзя сказать, что Фомх вовсе отказался от мечты обзавестись собственными детьми. Каждую вдовушку, коих немало встречалось на оживленном тракте, привечал с радушием, да то ли неумемная веселость жениха их отпугивала, то ли близость Лиственной топи, что звенела гнусом за пригорком, но семейная жизнь у Фомха не складывалась. После очередной неудачи кузнец задумчиво скреб в затылке, разводил руками, вздыхал, а потом хлопал в ладоши и принимался посмеиваться над самим собой, успевая при этом и всякую конягу подковать, и проезжающую телегу по спросу подправить, а то и соорудить необходимый крестьянский или ремесленный инструмент. А уж сколько гвоздей и скоб он перековал для строительных нужд – тому и счету не могло быть.

С другой стороны – седины в рыжих вихрах кузнеца пока что лишь пробивались, здоровьем его боги не обидели, крыша над головой имелась, да и работа кипела, потому как немудрящих заказчиков не убывало. Так что, как ни прикидывай, а особых причин смывать с конопатого лица радостную ухмылку пока не наблюдалось. К тому же и тревоги вроде бы никакой не ожидалось ни со стороны дороги на Эайд, ни со стороны разворота на Ашар и близкого городишки Слаута, ни со стороны столичного Фиона и уж тем более от непроходимой Лиственной топи, как бы ни пугали ею друг друга в окрестностях. А то, что холод вдруг пробрал до костей в весеннюю теплынь, так мало ли тому могло быть причин? Может, просквозило ненароком?

И все-таки, если бы Фомх держал кузницу в городе, а то и в столице, а не в крохотной, приросшей к придорожному заведению деревеньке, его семейные затруднения разрешились бы куда быстрее. В проезжей-то кузнице хоть все пальцы обстучи, и на локоть земли в городе не заработаешь. Тем более весной и на исходе распутицы, когда дальние обозы до кузницы еще не доползли, а ближние не успели поиздержаться. Какие уж тут планы на лучшую жизнь.

Впрочем имелась у кузнеца по поводу лучшей жизни одна лелеемая задумка и как раз сегодня пришел черед ее применить.

Поклонившись сияющему в небе весеннему солнцу, а также зеленым холмам, покосившемуся плетню, десятку бродивших возле плетня кур и гнилой телеге, подпирающей стену дома, Фомх осенил пузо священным кругом, повел плечами, стряхнул непонятный озноб, подтянул бечеву на портах, расправил рубаху, накинул на плечо холщевую суму и, крякнув, огласил двор праздничным рыком:

– Где ты, Тис, раздери тебя демон?

– Здесь я, господин кузнец, – высунул мальчишка из кузницы перепачканный сажей нос.

– Опять уголь переводишь? Смолу зачем брал? Одно баловство на уме. Смотри у меня! – погрозил было приемышу Фомх, но тут же расплылся в улыбке и с некоторым сомнением добавил. – Ладно. Будет у меня к тебе... один разговор. Но позже... – Кузнец похлопал по суме. – Я пока отойду на часок, надо в трактир заглянуть. Если там заедет кто или нужда какая... Ну, ты знаешь, что делать.

Тис перевел взгляд с как будто виноватого лица Фомха на его суму, но видно собственные заботы интересовали юного подручного больше, чем поход кого бы то ни было в трактир, поэтому мальчишка кивнул и исчез, вымолвив привычное: «Да, господин кузнец» – уже из кузнечного сумрака.

– «Господин кузнец», – довольно пробормотал Фомх и зашагал в сторону трактира, не в силах избавиться от ощущения, что впервые в жизни он делает что-то если и не подлое, то уж точно не вполне приличное даже для обычного придорожного кузнеца.

Деревенька Лиственница изначально была хутором, а если и вовсе не грешить против былого – трактиром. Наверное, предок нынешнего трактирщика прикинул, что сорок лиг от Слаута в сторону Эайда и Эдхара и есть тот самый утомительный дневной переход, в конце которого всякий путник захочет остановиться в уютном заведении, пропустить один-другой кубок хорошего вина, набить живот приличной стряпней да уснуть в мягкой постели. Насчет любви к мягким постелям хозяин заведения обманулся, поэтому в итоге ему пришлось довольствоваться стряпней и торговлей напитками, что, впрочем, позволило не только сводить концы с концами, но и «присоседить» к трактиру добрый десяток старателей, которые и образовали за десятилетия ту самую деревеньку. И веселый кузнец Фомх считался в ней если не старожилом, то уж точно одним из самых уважаемых людей. А то, что однажды он приютил мальчишку-сироту, этого самого уважения к нему только добавляло. Жаль только, что ни достатка, ни удачи от уважения не скапливалось. Даже на немудрящую кобылку не удавалось собрать, и это в то время, когда некоторые седлают такую красоту, что глаз не оторвать!

То и дело замедляясь, но все-таки протопав по взбитому в пыль проселку пару сотен шагов, кузнец остановился напротив трактира, пригляделся у коновязи к трем ухоженным жеребцам, сбруе которых мог позавидовать если и не каждый представитель конского племени, то уж без сомнения всякий всадник, второй раз окинул взглядом окружающие холмы, дома, марево над близкой топью, задрал голову к небу и на миг почувствовал, что видит все это в последний раз. Захотелось развернуться, броситься в кузницу, подхватить под мышку Тиса и бежать, куда глаза глядят. «Наверное, так и придется сделать, – решил он после недолгой запинки. – Но чуть позже. Где-нибудь через полчаса. Если все сладится».

Трактирщика в обеденном зале, который занимал половину древнего бревенчатого пятистенка, не оказалось. Окна были открыты, в проемы влетала весенняя свежесть, на полу прела разбросанная трава, из глубины дома доносился сладкий запах жареного лука и раздавалось звяканье посуды. Лавки блаженно сохли после недавней мойки. Все шло, как было заведено годами, даже двое молодых приказчиков, вполголоса высмеивающих кого-то за ближним из пяти столов, – не казались в диковинку, в придорожных трактирах менялись только лица, раз-

говоры звучали одни и те же. Впору было выдохнуть и даже выкликнуть трактирщика, чтобы наполнил прошлогодним вином кубок, если бы не важное дело. Но и о деле Фомх умудрился на миг забыть.

За дальним столом сидела женщина. Одна, без сопровождения, одетая по-мужски, не богато, но и не бедно. На поясе у нее, скользя ножнами по лавке, висел небольшой меч, свернутый плащ лежал рядом, светлые волосы были стянуты в тугой узел на затылке. Она сидела ко входу спиной и, судя по движениям рук и головы, ела. «Лет двадцать-двадцать пять, не больше», – с проснувшимся интересом оценил прямую спину и тонкую талию Фомх, но тут же осекся, потому как незнакомка повернулась и вроде бы приветственно махнула ему рукой. Хотел было подумать кузнец, что старше женщина собственной спины, но не успел, – другая мысль вдруг втемяшилась ему в голову – «Мать Тиса». Втемяшилась и не отпускала, ни пока он отвечал кивком на взмах руки, ни пока проходил к столу и садился напротив, отмечая, что хоть и были тонки черты лица незнакомки, но ничем она не напоминала мальчишку, и в первую очередь не совпадала с ним цветом глаз и волос.

«Небо на золоте», – с непонятной тоской подумал Фомх о масти незнакомки, которая уже отодвинула блюдо и вытерла губы белой тряпицей, поэтому спросил ее грубо, как бы храбрясь: – Ты – Алаин? Так ты женщина, что ли?

– Алаин, – поправила она, рассматривая кузнеца так, как рассматривают вещь, которую не собирались покупать, но уж больно низкая цена выставлена, как тут не взять? – Для кого-то и женщина... Где он?

– Кто? – не понял вопроса Фомх, взглядываясь в собеседницу, которая одновременно казалась и странно юной, и уже зрелой.

– Товар, – сузила взгляд женщина.

– А деньги? – заставил себя произнести нужные слова Фомх.

– Деньги? – как будто удивилась женщина. – Ах, деньги... Вот.

Она сняла с пояса кошель, развязала его и наклонила над плохо очищенным от пищи блюдом. Золотым ручьем потекли в жир и обглоданные кости монеты, поднимаясь горкой немислимого богатства.

«Как это? – Оцепенел Фомх. – Как все это золото вместилось в маленький кошель? Или она из рукава сыплет? И где трактирщик? Не увидел бы, а то сразу вспомнит о моих долгах. И почему приказчики даже головы не поворачивают в нашу сторону? Неужели не слышат звона? Неужели не видят?»

– Где он? – повторила вопрос женщина, возвращая кошель на пояс. – Думаешь, я не могла перекусить в Слауте? Или заехала в вашу вонючую Листвянку из любопытства? Или полагаешь, что мои приказчики просто так объезжают окрестности?

«Точно, один из этих приказчиков тогда и был. Толстый, видать, пожрать мастак, и шрам у него на роже приметный. Да и второго встретишь – уже не забудешь, один клык поверх нижней губы. Значит, эти двое с ней. И лошадей три. Все сходится. А я один. Вот ведь, засада какая! Надо было позвать кого-нибудь из деревни... Коновала или пекаря... Но тогда делиться бы пришлось».

– Не ты ли сказал на днях, что у тебя есть то, что мне нужно? Вот деньги. Тысяча золотых. Где товар?

– Здесь, – с трудом разомкнул губы Фомх. – Но товар не мой...

– Не твой? – подняла брови женщина. – Впрочем, конечно не твой. А чей?

– Одного парня, – с натугой прокашлялся Фомх, не сводя взгляда с горы золота. – Конечно, если это – то самое... Ну, в смысле, древний нож с черным каменным диском на гарде тот самый. Если то, тогда я... поговорю с ним. Думаю, он согласится его продать. Я уговорю его... За тысячу золотых. Я ему другой... я ему десять таких ножей смастерю! Я хороший кузнец! Таких поискать...

- Показывай, – процедила сквозь стиснутые зубы женщина.
- Конечно, – заторопился Фомх. – Сейчас-сейчас.

Он сдвинул дрожащими руками суму на живот и достал продолговатый сверток. Развязал узлы на шнуровке, сдернул промасленную льняную тряпку, развернул неровный лоскут свиной кожи, стал осторожно снимать кожу потоньше – ветхую, плохо выделанную, потрескавшуюся на сгибах, с запахом тлена.

– Так я и знала, – прошептала женщина. – Своей плотью прикрыл. Как раз перед смертью. Поэтому я не могла проглядеть.

– Где вспыхивал, там и нашелся, – раздался чей-то сухой голос. – Любопытство их обычно и губит.

Фомх вздрогнул, вспомнил о трех лошадях, оглянулся, но никого не увидел; и приказчики все так же в отдалении болтали о чем-то, и трактирщика все еще не было за стойкой; и откинул последний лоскут. Взгляду предстал на первый взгляд обычный, чуть кривоватый нож. Разве только сталь короткого, в ширину ладони, лезвия была странно темна, да и между ним и удобной костяной рукоятью, точно над усиками гарды в стальном пазу имелся диск из черного камня.

– Вот, – положил нож на стол Фомх. – Этот?

– Он! – выдохнула женщина.

– Он самый, – с удовлетворением произнес сухой голос, и нож вдруг поднялся со стола и стал медленно покачиваться и переворачиваться в воздухе. – Голодный...

– Что это? – в ужасе прохрипел Фомх, показывая на нож.

– Нож это, пока только нож... – успокаивающе прошептала женщина и перевела затуманенный непонятым блаженством взор на кузнеца. – Откуда он у тебя?

– Мальчишка, – помимо своей воли зачастил Фомх. – Приблудный. Лет девять ныне. Или чуть больше, или чуть меньше. Попросился в кузню года два назад. Мимо проходил... От голода падал. Зимой... Замерз бедолага. Родители погибли вроде, потом старик какой-то. Дед или кто – тоже погиб или умер. Мальчишка стал сиротой. Ну я и взял. Малыш же. Он еще говорил, что отец его кузнецом был. Да, может кое-что. Но все одно – малец еще. Меч себе выковать хотел. Говорил, что секрет знает. Какой там секрет? Ну, железо какое-то от утопших телег из топи тянул, чугулки перекаленные выискивал, больше года в кузне возился, а все одно – кроме ржавой полосы ничего не выковал. И то ведь, дитя. Но молотом ловко орудует. Хотя, что тот молот? Так, молоток. А нож при нем был, выходит. Я его один раз и развернул только. Не так давно. Тайком, мало ли, а то очень малец волновался, втолковывал мне, что нельзя отцовский нож разворачивать, о каких-то демонах твердил, но какие там демоны? Тысяча золотых, и никаких демонов. И забудем мы об этом ноже. Что он нам? Мы люди простые...

– Имя? – спросила женщина.

– Мое что ли? Или его? Тисом его зовут, – тряхнул головой, чтобы смахнуть со лба пот, Фомх, руки отчего-то не слушались кузнеца, – да его тут все знают. Шустрый малец. Отзывчивый. Только не смеется никогда. Да и в кости узковат.

– Не увидел его в кузнице, – раздался сухой голос. – Но это и хорошо. Если может закрываться, значит, все получилось. И он ведь сам по себе почти так же ценен как и нож, Алаин.

– Никто из нас не стоит и тысячной доли этого ножа, – выдохнула женщина.

– Из вас, – засмеялся голос. – Но Тис – это обманка. Другое у него имя.

– Да какое другое? – не понял Фомх. – Тис он. И кто это говорит?

– Закрой рот, – обожгла взглядом Фомха женщина и снова повернулась в пустоту. – А если убежал? Может, послать Гирека и Дурупа по свежему следу?

– Не спеши, – ответил голос. – Забудь о своих обидах. Хотя бы на время. Теперь главное – ничего не напортить. Хватит уже... портить. Теперь с ним нужно нежно. Какой бы меч он ни выковал, он уже воин. А может, и больше, чем воин. Он и так нам слишком дорого обошелся.

– Теперь я от него не отстану, – втянула воздух через стиснутые зубы Алаин. – Если бы я знала раньше... Ведь Глик увел Мэтт больше десяти лет назад. Интересно, догадывался ли, что она понесла? Уж не знаю, чем она его околдовала. Мы их искали шесть с половиной лет. Когда они погибли, ребенка с ними не было. Я вообще не была уверена, что он появлялся на свет. Файп был с нами! Он ничего не почувствовал!

– Только это тебя и извиняет. Взяла бы их живыми, и ребенок бы никуда не делся.

– Не удалось, – скривила губы женщина. – Мы и так потеряли многих в той схватке.

– Многих? – стал почти беззвучным голос. – А не всех ли? Лучших воинов!

– Я и сама была ранена, – побледнела женщина. – И никогда не забуду погибших, даже если мстить придется отпрыску Глика и Мэтт. Но Мэтт была едва ли ни лучшей в Ардане!

– Лучше тебя? – добавил ехидства в тон голос.

Замерла Алаин, скрючила пальцы, словно ловчая птица, вцепившаяся в рукавицу сокольника, задохнулась от ненависти. Прошептала чуть слышно:

– А Глик был мне братом!

– Так и мне сродни. Ты забыла? Или у тебя только один брат?

– Я все помню, – она смахнула со лба выступивший холодной пот. – Все помню и родство поперек дела не ставлю. Глик предал круг и семью. Он был обречен на долгое заточение и пытки. И все равно бы не избежал казни. По-другому развязаться не могло. Даже если он был под дурманом.

– Глик и под дурманом? – удивился голос. – Лучший мастер круга, который никогда не ошибался ни на волос? Который выковал для меня то, что выковал? Не ищи оправданий, Алаин. В них залог будущего поражения. Лучше оставить вопрос без ответа, чем обманывать саму себя. Глик-Глик... Никогда не пойму, отчего ты возжелал покоя...

– Не было времени расспросить, – женщина закатилась сухим звенящим смешком. – Да и покоя ли он хотел? Как бы ни наоборот. Но не на то он поставил, не на то... Хотя, надо признать, если бы нож не блеснул, искала бы я его до сих пор.

– Ардана велика, но не беспредельна, – заметил голос. – На старика ты ведь тоже вышла благодаря ножу?

– Но ребенок и тогда ускользнул, – заметила женщина.

– Ускользнул? – голос стал вкрадчивым. – Не ты ли упрячилась, что нет никакого ребенка? Думала, что кто-то передал нож старику, и тот спрятал его. Или выронил, но какое укрытие не вечно, та же плоть истлеет, и мы найдем священное достояние. Разве не так?

– Так, – скрипнула зубами женщина. – Но как я могла допустить существование отпрыска Глика и Мэтт? Два года прошло после их гибели. Старик закрылся в своей башне изнутри. Мы с трудом вышибли дверь. Да и ребенку не могло быть и восьми лет. И он не оставил следов? И даже выбрался из Бейнского леса? Кому из взрослых это под силу?

– Многим. И оказаться за две тысячи лиг в том числе. Но подумай, если он спасся в семилетнем возрасте, на что он будет способен взрослым?

– Теперь ему почти десять... – женщина закрыла глаза. – И здесь не Бейнский лес, а тихая Фиона. Но если он опять ушел...

– Нож у нас. Поэтому мальчишка никуда не денется. Куда бы он ни отправился. Впрочем, хватит об этом. Надеюсь, он и в самом деле сын Мэтт, а не приемыш какой-нибудь. Нам даже его тайное имя не понадобится. Ты знаешь, что надо делать.

– Знаю, – кивнула женщина, вытащила из ножен узкий клинок, коснулась лезвия основанием ладони и вытянула руку над полуистлевшей тонкой кожей. – Но я сомневаюсь...

– Не сомневайся, – проговорил голос, когда несколько капель крови пропитали кожаный лоскут. – Теперь вот так.

Нож снова взлетел над столом, перевернулся и резко пошел вниз, пробив смоченную кровью кожу и уйдя в стол на половину лезвия.

– Есть, – раздался тихий смех. – Вот ты и попался, малыш. Он самый. Не приемыш. Все идет так, как должно. Сосуд наполнится тем, что нам нужно. Надеюсь, что твой братишка, Алаин, снимал эту кожу не с собственной груди?

– Но ведь не он отец ребенка, – прошептала женщина.

– Твой брат его отец перед престолом, – продолжил смеяться голос. – Он принял его как своего сына. Он перенес муки за него, как за своего сына. Он отдал за него жизнь, как за своего сына. Он влюбился в его мать не просто как в женщину, хотя Мэтт была этого достойна, но и как в мать ребенка, которого он принял. И ответила ли она ему взаимностью – неважно. Это, пожалуй, никак не меньше кровного родства, и твоя кровь свидетельствует об этом. Но, главное не в этом. Сдирая с себя кожу, он бросил зарок сохранения на ребенка и этим связал себя с ним. Плохо он учил правила сопряжения и проникновения магических соответствий, кузница его влекла сильнее. С другой стороны, если бы он не унес нож, мы бы нашли их куда быстрее... Но принесло бы ли это пользу?

– Где мальчишка? – спросила женщина.

– Где-то не слишком далеко, – ответил голос. – Пока еще закрывается, но мы только что взяли его на крючок. Накормим нож свежей плотью и прикуем малыша к нему стальной цепью. Соблазним его сладостью и силой. Припугнем его невыносимой болью, искусство извлечения которой неведомо даже лучшим пыточным мастерам. И если этот Тис даже успел прикусить краешек мудрости, надолго его не хватит. Откроется. А не откроется, призовем... соглядатая. Того самого, Алаин, того самого. Он уж его не упустит...

– Ты думаешь, что пора? – замерла женщина.

– Нет еще, – прошептал голос, – но разве дерзкая вылазка помешает большой войне? Будущей большой войне...

– А если он сдохнет, – спросила женщина. – Если этот Тис сдохнет?

– Вполне возможно, – как будто задумался голос. – Такой исход вероятен и, пожалуй, наиболее вероятен. И мы к нему готовы, глупо было бы ставить все на мальчишку. Надеюсь, ты не сочтешь, что я развязываю тебе руки? Не забывай, Алаин, это не твоя игра. Точнее так, эта маленькая часть большой игры – не твоя игра. Поняла? Ты одна из мелких фишек на столе, а не за столом. Лучше отыщи в себе родственные чувства и пожалей племянничка.

– Так ты не хочешь, чтобы я выкорчевала этот росток? – с недоумением спросила женщина. – Глика тебе было не жаль, а этого мальчишку жаль? К чему эти игры? Не понимаю. Тебе нужно было только вернуть нож? Чего ты ждешь от меня?

– Мудрости, – прошептал голос. – Мудрости и спокойствия. Всего того, что ты проявляла до сего дня в полной мере. Нож у нас, еще одна великая ценность, которую ты не нашла ни в доме Мэтт, ни на Бейнской заветри, ни в башне того старика, и, думаю, не найдешь и здесь, еще окажется у нас, и твоя боль будет утолена. Однажды придет черед и мальчишке. Он уже на поводке. К тому же несколько лет у нас еще есть.

– Подождите! – наконец смог овладеть одеревеневшими губами и онемевшей глоткой Фомх. – О чем это вы говорите? Что вы задумали?

– А ведь он неплохо слышит меня, – заметил голос. – И смог преодолеть твой наговор.

– Да что там было наговора? – сдвинула брови женщина. – Щелчок пальцев? Кстати, еще один довод в пользу того, что всякий, кто находится рядом с фиром долго, – пропитывается его силой.

– Посмотрим еще, какой из этого малыша фир, – проговорил голос. – Займемся пока утолением жажды ножа. Все-таки, несколько лет без глотка крови... К тому же, соглядатай одним глотком не обойдется. Думаю, вся деревенька пойдет в дело.

– Да что тут... – попытался встать на ноги Фомх, но нож вдруг покинул стол, взлетел и клюнул кузнеца в горло. Шею Фомха защемило. Во рту стало сухо. Ноги обмякли. И уже теряя опору, и начиная заваливаться на спину, кузнец успел разглядеть, что блюдо на самом деле

пусто, под вторым столом валяется труп трактирщика, и кровь его стоит на усыпанном травой полу лужей, и за этой лужей тянутся кровавые следы, и женщина еще старше, чем показалось сначала, а рядом с ней стоит полупрозрачная фигура старика с облепленным кожей черепом. И с ножа в руке призрака капает его – Фомха – кровь.

– Поспеши, – долетел откуда-то издали голос. – Слишком много нашей магии, слишком, зритель может почувствовать ее.

– Зритель? – не поняла женщина. – Опять эта напасть? И к чему нам его бояться? Он же пустое место! Ты же вроде убил его!

– Может быть, и убил, – услышала она в ответ. – Расстояние было слишком велико, и во что-то сравнимое с ним я все-таки попал. Да и раньше я уже убивал его. Но он настырный А настырность опаснее и отваги, и умения, и пустоты... Да и время прошло...

– И что он мне? – спросила женщина.

– Ты все еще самодовольная девчонка, – усмехнулся череп. – Со зрителем может справиться не всякий. А уж дважды... Он учится... И не забывай, меня рядом с тобой нет. А что касается мальчишки – делай, что должно, но не слишком усердствуй. Не все тебе ведомо, Алаин...

Тис дождался, когда Фомх уйдет со двора, в нетерпении отбросил в сторону кусок мешковины, замер, медленно взял в руки узкий и длинный клинок, отсвечивающий в полумраке кузницы узорчатыми искрами по граням словно алмазное ожерелье на шее грязной нищенки, еще раз провел по клинку пучком болотного хвоща, полюбовался на блеск, шмыгнул носом и словно очнулся. Засуетился, надел на штырь крохотную чашку гарды, повернул ее, защелкивая, затем перехватил клинок тряпичей, опустил штырь меча в котелок с булькающим варом и, отступив, снял с верстака и с усилием насадил на положенное место длинную, чуть изогнутую рукоять.

– Я смог, – прошептал Тис, взметнул клинок над головой, сделал несколько резких движений, обращая меч в сияющее жало, замер, изогнувшись над земляным полом кузницы, медленно выпрямился и негромко засмеялся, словно порадовался окончанию долгого и тяжелого пути. Еще несколько секунд мальчишка всматривался в оружие, кажущееся чужеродным в бедной придорожной кузнице. Затем подхватил простенькие деревянные ножны, спрятал в них клинок, завернул драгоценность все в ту же мешковину, метнулся к выходу, сорвал с воротины подгнившую тростниковую циновку, закатал в нее меч и крепко перевязал сверток бечевой. В следующую секунду Тис нырнул под верстак, чтобы вытащить оттуда второй меч, похожий на невзрачного, но более широкого в кости старшего братишку первого. Вновь зашипел вар и еще одна рукоять отыскала должное место.

– Все, – проговорил Тис, рассматривая простенький, пусть и хорошо прокованный клинок из обычного железа. – Прости меня, Фомх, за обман. Но так будет луч...

Он осекся на середине слова, замер, прислушался, скривился, словно хотел зареветь, в самом деле выпустил слезы из глаз, одним движением вонзил меч в земляной пол, чиркнул руками по его граням, присел, скорчился, сжался в комок и уже кровотоющими ладонями, мазнув себя по скулам, обхватил собственные плечи. И почти сразу – через секунду или две – в солнечных лучах у входа заколыхался силуэт. Невысокий мужчина со страшным, словно мертвым лицом встал дымным столбом и начал медленно обшаривать кузницу взглядом. Скользнул по горну, мехам, верстаку, свернутой в рулон циновке, торчащему в земле мечу, но задержался не на скорчившемся в комок мальчишке, а на попячивающемся над пламенем котелке, после чего развернулся и то ли растаял, то ли удалился. Мальчишка просидел недвижимо еще пару минут, дождался, когда внезапный холод рассеется, и только потом вскочил, забрался на бочку, вытянул из-за стропила спрятанный туда мешок, спрыгнул, схватил циновку, выдернул из земли меч-поделку, выполз из кузницы через лаз за горном и пригибаясь, через кусты, побежал к топи. Еще через несколько минут он уже шагал по зеленому месиву, отталкиваясь жер-

диной от едва отмеченных вешками твердых мест, пока в укрытии на небольшом островке его не настигло жжение в левом предплечье, на котором появилось черное пятно и откуда начала расплзаться скручивающая тело боль. И уже там, вжимаясь в зеленый мох, он дал волю слезам и, рыдая, принялся смазывать зловещую порчу собственной кровью и шептать то ли заклинания, то ли жалобы на судьбу...

Тис выбрался с островка через три дня, когда стала привычной ноющая боль в левой плече и во всем теле, долгие судороги ослабли до мелкой дрожи, перестал подниматься дым над деревней, утихли крики людей и ржанье лошадей. Когда у него кончилась в припасенной бутылки вода, а лицо опухло от гноса. Прихрамывая, мальчишка поднялся на взгорок и увидел пепелище на месте кузницы, трактира и всех деревенских домов и большую могилу у дороги. В свежий земляной холм был забит кол с укрепленным на нем выкрашенным охрой тележным колесом. По тракту полз обоз. Возницы испуганно крутили и качали головами. У почерневшей, но уцелевшей телеги близ сгоревшего дома Фомха была привязана оседланная лошадь. У сожженной кузницы стоял человек. Обернувшись, он мгновение взглядывался в нежданного визитера, затем обнажил меч и пошел в сторону Тиса. Сил убежать у мальчишки уже не было. Он сбросил с плеч мешок, циновку, вынул из ножен сверкающий клинок и встал так, как учил его последний наставник.

Человек оказался молодым парнем лет двадцати. На боку у него болтались немудрящие жестяные ножны, и меч у него был простецким, да и одежда его была почти ветхой, следы починки на ней, во всяком случае, бросались в глаза. Разве только лицо его не было простым. И не потому, что словно следы татуировки бледными, едва заметными линиями расчерчивали его. Оно казалось мордой хищника, который не прыгает только потому, что видит – жертва и так в его власти.

– Стой, – предупредил его Тис. – Не подходи!

– Да ну? – удивился незнакомец, сделал неуловимое движение рукой, и меч Тиса подлетел вверх словно для того, чтобы умелый воин поймал его за рукоять.

– Ты смотри... – расширил глаза незнакомец осматривая пойманный меч, вдыхая запах не успевшего окаменеть вара. – Свежий и чистый... И зарубка-то на моем клинке, а не на этом. Почти настоящий айльский клинок, да еще и в Талэме. Давно не видел такой работы. Кто ковал?

– Я, – процедил сквозь зубы Тис, пытаюсь отодвинуться от выставленного незнакомцем клинка, который покачивался возле его шеи.

– Ты? – удивился незнакомец. – Что, и молот сам поднимал? Чем ты еще можешь удивить меня, порождение тьмы?

– Я не порождение тьмы! – выкрикнул Тис и замер, чувствуя холод стали возле собственного горла.

– Ты не можешь знать, – негромко засмеялся незнакомец. – Ладони покажи!

– Зачем? – не понял мальчишка.

– Ладони покажи! – отчеканил незнакомец, втыкая меч Тиса в землю.

Тис вытянул руки перед собой и закрыл глаза, чувствуя, как сталь касается его кожи, а твердые пальцы незнакомца ощупывают его ладони.

– Странно, – пробормотал незнакомец через минуту.

– Все? – зажмурился Тис. – Только быстро. Пожалуйста.

– Успею еще, – убрал свой меч в ножны незнакомец.

– Что я сделал? – прошептал Тис, открывая глаза.

– Пока еще ничего, – оглянулся на дорогу незнакомец, затем развернулся и приложил к глазам ладонь, взглядываясь в топь.

– Что я могу сделать? – спросил Тис.

– Когда четвертая тень ляжет поверх трех, – чуть нараспев произнес незнакомец, – когда четвертый слуга поднимется из золы, на нашу погибель в гневе и ярости придет бог, если его не остановит мастер из мглы.

– Плохие стихи, – прошептал Тис. – И бессмыслица. Мастер из мглы. Мастер состоит из мглы? Или вышел из мглы?

– Ты разбираешься в стихах? – удивился незнакомец.

– Мама читала мне, – объяснил Тис. – Хорошие баллады и не очень хорошие. И сравнивала.

– Тебе повезло с мамой, – кивнул незнакомец. – И я не спрашиваю, где она. Мне все равно. Стишки и в самом деле дрянь. Только это не стишки, а пророчество. Пророчество не правят. Оно приходит, как приходит.

– Я не бог, – выдохнул Тис.

– Ты не бог, – согласился незнакомец. – Боги не прячутся на болотах. Но ты можешь оказаться слугой или тенью. Не знаю, кого из тебя готовят, но ты выковал на удивление хороший меч. И ты из мглы. Что бы это ни значило.

– Из мглы? – не понял Тис. – Готовят?

– Не ломай голову, – понизил голос незнакомец. – Это надо видеть. Ты мог бы сам разглядеть кого-то, но разглядывать себя почти невозможно. Нужен взгляд со стороны. Хотя ты молодец. Хорошо прятался. Я и то не смог тебя приметить, хотя набрасывать на себя пелену ты явно не рискнул. Умеешь ведь? Должен уметь. Глубину не спрячешь. Ты видел Олса?

– Олса? – не понял Тис.

– Лысый и худой, похожий на мертвеца был здесь? – спросил незнакомец. – Если был – в каком виде? Топтал землю или плыл дымным столбом?

– Дымным столбом, – хрипло ответил Тис.

– Тогда понятно, почему ты уцелел... – кивнул незнакомец, развернулся и пошел прочь. Но прошел он немного, остановился, постоял несколько секунд, словно обдумывал что-то, и зашагал обратно.

– Не в моих правилах, – сказал он, вернувшись, – но если Олс споткнулся о тебя один раз...

– Кто он? – спросил Тис.

– Не перебивай! – Вдруг оскалил зубы незнакомец, но тут же понизил голос. – То может споткнуться и еще раз. И никакие твои умения тебе не помогут.

– Я помечен, – испуганно прошептал Тис после короткой паузы. – У него нож власти с зарокон на кровь моего отца. Нож Дайреда. Отец говорил, что этот зарок нельзя снять.

– Ты не помечен, а связан пуповиной, и не с тем лоном, которое тебя выносило, а с тем, которое продолжает вынашивать, – незнакомец встряхнул рукой и из-под рукава на его запястье соскользнул браслет, собранный из изогнутых зубов какой-то твари. – Держи, надень и не снимай никогда. Пока он на тебе, никто из колдунов Черного Круга и даже Олс не будут знать, где ты. Но боль твоя не утихнет. Она не в моей власти. Я не могу за тебя вырасти, набраться ума и избавиться от боли. Всего, чего ты хочешь, ты можешь добиться только сам. Главное помнить, что божье отрицается божьим, но зло не уничтожается злом, а лишь умножается им. Мне нечем помочь тебе, а до того, что тебе поможет, тебе никогда не добраться, и это и есть добро, поскольку ты бы добрался до собственной смерти, так как возможное избавление непосильно для смертного. Да и зачем тебе? Привыкнешь, начнешь получать удовольствие. Хотя в нем как раз и кроется твоя настоящая погибель. Но разорвать эту связь... как перестать дышать... Тупик.

Он развел руками.

– Я не хочу этим дышать, – прошептал Тис.

– Задохнешься, – тоже шепотом ответил незнакомец, выпрямился и произнес уже громко. – Ты отлично защищался. Кажется, тебя учил умелый воин. Не твоя вина, что противник оказался мастером фехтования. Повторяй эти движения каждый день и будет толк. Да, и насчет браслета. Даю на время, в следующий раз встретимся – заберу. И вот еще что – если хочешь выжить, ищи Гантанаса – он поможет.

– Гантанаса? – вздрогнув, переспросил мальчишка.

– Да, – кивнул незнакомец. – Если кому и можно доверять без сомнений, то ему. В первую очередь ему. Скажешь, что тебя послал Ним или Нимни. Это одно и то же. Мы встречались как-то.

– Кто он? – спросил Тис.

– Дурак, – скорчил гримасу незнакомец. – Наивный дурак... Как и все прочие, конечно. Но он может стать тебе другом. Он помогает таким, как ты...

– Каким? – не понял Тис.

– Тем, на кого охотятся те, кто сотворил это... – окинул взглядом пепелище незнакомец. – Тем, кто, как он думает, сможет противостоять этой мерзости. Хотя, суета все это...

– Где его найти? – спросил Тис.

– Иди на северо-запад, – ответил незнакомец и пошел к лошади. – Не ошибешься. На левом берегу Курсы, у Рэмхайнских гор найдешь его...

– Кто ты? – крикнул вслед незнакомцу Тис.

– Смотритель, – бросил незнакомец через плечо. – Присматриваю тут... За такими, как Олс...

– Возьми меня с собой! – закричал Тис.

– Не могу, – ответил смотритель.

– Почему?! – не понял Тис.

– Меня иногда убивают...

Часть первая. Дрожайт

Глава первая. Егерь

Со стороны гор наплзли черные тучи, но не исторгли долгожданный снег, а понесли его дальше, на юг. Из оврагов и буреломов вместе с холодным туманом выбралась мгла и затопила лес, скрадывая единственную дорогу в этом краю. Вместе с мглой пришла тишина; все как будто замерло, даже ветер стих, но трое укутанных в плащи путников уверенно продолжали путь, словно видели в темноте или полагались на бодрость и чутье сноковских лошадок. Однако, когда едва различимая тропа выбралась на лысый холм, одна из них недовольно всхрапнула и оступилась. Ее всадник тут же натянул уздцы, не слишком ловко спрыгнул на землю и наклонился к лошадиным ногам.

– Что там, Клокс? – окликнул его спутник, вытягивая из чехла длинное ружье, которое в пластах подступающего к взгорку тумана напоминало кривое весло.

– Не пойму что-то, – проворчал под капюшоном, судя по голосу, старик и, кряхтя, выпрямился. – Пакость какая-то. А ну-ка глянь, Дойтен. А ты смотри, за дорогой, Мадр, смотри.

– Смотрю, – чуть слышно обронил третий всадник, замерший мутным силуэтом в пяти шагах.

– Чуть к вечеру пошло, а уже не видно ни демона, – спрыгнул на землю обладатель ружья. – А я ведь рассчитывал, что мы засветло до заставы доберемся. В животе уже урчит. Что там?

– Вот, – протянул Дойтену находку Клокс. – Не попадалось такое? Едва лошадь не покалечил...

– Это же диргский шип! – удивился, ощупывая находку, Дойтен. – Нередкая забава в окрестностях Нечи, особенно к западу. Степные разбойники бросают их на дорогу, когда уходят от погони после приграничного грабежа. Хотя дирги-то свою пакость из проволоки гнут, а эта из полосы нарублена. Диковина, однако...

– Отсюда до твоей Нечи больше двух тысяч лиг, – заметил Клокс, пытаясь разглядеть в наплзающем сумраке разверстую на четыре шипа колючку. – Откуда тут дирги? Не мели чушь. Мы хоть и в глуши, но в Сиуине пока. До Нечи всю Ардану надо пересечь...

– Подержи-ка, – сунул старику в руки ружье Дойтен и, опустившись на колени, начал шарить широкими ладонями по мерзлой земле. – Может, случайность? До Нечи, твоя правда, далековато, хотя непроходимых кордонов поперек Арданы нет. Да и дурная наука, где хочешь, приживется. Не переступай, раздери тебя надвое! Чушь, говоришь? Вот еще... И еще... Зазубренные! И за спиной, чтоб мне лопнуть! Не иначе как благоволят нам боги, давно должны были напороться. Или они здесь погуще пошли? Проклятье, кажется, я присадил еще одну такую же каблуком. Мадр, уводи лошадь на обочину! Неужели на каждом шагу? Не пожалели... Не, это не диргские... Надо взять с собой, присмотреться. Не отравленные?

– Нет, – сбросил капюшон Клокс, втянул ноздрями холодный воздух, взьерошил короткую бородачку, покрутил головой. – Я бы почувял. И наговора тоже нет. Не нравится мне все это. Не признак ли это большой беды?

– Разбойничьи шипы всегда признак большой беды, – сплюнул Дойтен, выпрямляясь. – А прикинь, если снег упадет? Тут уж смотри – не смотри, покалечишься.

– Не будет снега в ближайшие дни, – пробормотал Клокс. – Башку ломит, значит, обойдемся пока без снега. А вот мороз может случиться. Еще и гарью какой-то тянет. Не сходится что-то... Какая тут может быть погоня? Глухая сторона: ни сел, ни деревень, кроме одной у самого острога. До развилки еще с десяток лиг, до заставы и того больше, на Стебли как раз в

эту пору никто лошадей не правит, до зимней охоты еще неделя, и то, если лед встанет. Добавь неделю на подготовку к торгу. Вот тогда и обозы пойдут, и одиночные подводы, но не теперь. Путников здесь сейчас быть не должно, к Дрохайту главный путь водный или по тэрской гати, с другой стороны. А если это связано с нашим делом? Кто-то охотничий городок от званных гостей огораживает?

– Или незванных не пропускает, – прошелестел, спрыгивая в мерзлую траву, Мадр. – Про себя думай, Клокс. Говори тихо. Засада.

– Да ну? – насторожился старик.

Дойтен подхватил ружье и звякнул пороховой меркой. А ведь прав был защитник, сверлил спину чужой взгляд. Да как бы еще и не один.

– Не сомневайся, – в голосе Мадра прорезалась сталь. – Птицы молчат. Или не посвистывали шелкуны лигу назад в ельнике? Это не воронье, они галдеть не будут. Можешь прибрать ружье, Дойтен. Все одно перезарядиться не успеешь. Их не меньше десятка.

– Одного пристрелю, остальные разбегутся, – процедил Дойтен, чувствуя выступивший на спине холодный пот. – Я картечью зарядил!

– Я бы не поручился насчет «разбегутся», – наклонился Мадр, высматривая что-то на склоне взгорка. – Тут и картечь не поможет. Однако, если бы захотели, уже давно стрелами нас утыкали. Конечно, если есть у них луки. Если не убивают сразу, выходит, вызнать что-то хотят. Или не на нас охоту держат...

– Люди? – перехватил уздцы Клокс.

– Не знаю, – выпрямился Мадр. – Но пакость по дороге человеческая рассыпана. Может, все же скажешь, что случилось в Дрохайте? Какая нужда была гнать в этот забытый богом край старателей Священного Двора? Или майстру забыть не можешь?

– Говорил же, – понизил голос Клокс. – Сам не знаю. На месте все выясним. Здешний сэгат уже ждет нас. Но секретность великая...

– Добраться бы еще до места... – оглянулся Мадр. – Мнится, что не только мы охочи до того секрета.

– О какой майстре речь? – приложил ружье к плечу Дойтен. – О ведьме что ли какой?

– Если бы, – хмыкнул Мадр. – Я сначала подумал, что твоя подруга тоже граброкская майстра, все-таки намертво приворожила тебя, а потом посмотрел – нет, обычная баба, пусть и хорошая. А майстра это... – Мадр прерывисто вздохнул, – совсем другое дело. Ты ружье-то спрячь в чехол и понапрасну глаза не ломай, все равно не разглядишь ничего. Мы же не черные егеря. Я и сам не глазами их вижу. В зарослях они таятся. И похоже, что выжидают... Но если не на нас эта снасть, то время пока у нас имеется. Давай-ка прикинем... По дороге пути нет, на востоке засада. А вот с запада и в самом деле горелым тянет. Только не гарью, а дымом из печной трубы. И как бы ни сытным варевом с манящей приправой.

– Мне бы такое чутье, я б ни одного трактира не упустил, – вполголоса пообещал Дойтен.

– А так ты их отпускаешь, что ли? – удивился Мадр и повернулся к Клоксу. – Ты ведь хорошо знаешь эти места, судья? Вроде и без меня здесь рассекал? Здесь же где-то егерская заимка должна быть? Только не тяни, говори быстро. Удача может ведь и иссякнуть.

– К западу отсюда лесное подворье, – нащупал эфес меча Клокс. – Рядом, можно сказать. Больше дымком неоткуда тянуть. Да и егеря я знаю. Заглядывал к нему как-то. Только мы уже лиги две как поворот на егерскую тропу миновали. Это ж лысый взгорок. В ясный день с него озерную гладь видно.

– Зачем нам сейчас озерная гладь? – не понял Дойтен. – И ты что, защитник, хочешь нас к егерю через бурелом вести?

– Продеремся, – кивнул Мадр. – Лес осенний колюч, но редок. Есть, правда, опасность, что эта мерзость как раз с поворота на заимку и рассыпана, чтобы всякого путника к егерю заманить, это нам повезло лишь на взгорке оступиться, но выбора не остается. Слышишь жур-

чание? Мы четыре года назад на этом взгорке лошадой поили. Помнишь, Клокс? Родник в полусотне шагов к западу на склоне. Где родник, там и ручей. Вряд ли егеря стал бы рубить дом в стороне от воды.

– У ручья он и есть, – скрипнул зубами Клокс. – А если нет егеря на месте? Я уже лет шесть у него не столовался. Если ворота его закрыты? Их и тараном не вышибешь. От заимки до озера болотина непроходимая. Нет там другой тропы, все одно на дорогу возвращаться придется. Дальше-то что?

– Посмотрим насчет дальше, – прошептал Мадр. – Дымок-то точно от стряпни какой-то тянется. Тянется, да так и тянет к себе. Манит, можно сказать. Значит, и варщик на месте. Попробуем договориться. Нам бы под крышу на ночь. И до утра продержаться. В эту пору лес далеко на прогляд берется, днем будет проще. К тому же глазом жгут нас пока только с востока. С запада их нет. Пока нет.

– А если загоняют? – спросил Дойтен.

– И что с того? – скривился Мадр. – Ты же не волк, от тряпок или других охотничьих придумок шархаться не станешь? В ловчую яму не полезешь? В капкан ногу не сунешь?

– Слишком хитро, – пробормотал Клокс. – Но спорить не стану. В ночную пору и дружина не устоит против лихих людей. Давай, Мадр. Твой нюх тоньше прочих. Веди. Здешний егеря никого не боится. И от нас страх отгонит. И дом у него прочный, считай, что крепость. Из тяжелого дерева, такой, чтобы запалить, маслом надо залить. И конюшня к нему пристроена. Знал бы ты, какие лошади у этого егеря!

– Заодно и посмотрим, – тут же двинулся в туман Мадр, негромко бросив через плечо. – Лес почти сразу за родником. И поначалу ореховые кусты. Берегите глаза и не отставайте, если пойдут за нами, да еще увидят заимку, могут напасть сразу.

Дойтен вел свою кобылу последним. Ружье он хоть и снарядил, но сунул его обратно в чехол. И меч тянуть из ножен не стал, толку от него в густом лесу, да еще и в темноте. Собственных рук не увидишь, не то что противника. Нет, в тесной стычке одна надежда – на хороший нож с крепкой рукоятью и прочным лезвием. С упругим шнуром, наброшенным на запястье, чтобы не потерять рубило ненароком, да с дужкой с зазубренным краем, чтобы по нужде и зубы зверю или противнику пересчитать. По длине считай кинжал, только кривой, а по ширине что небольшая лопата, в степи закопаться можно. Удобная железка, по диргскому образцу сиуинский кузнец ковал забаву для усмирителя Священного Двора, конечно, не меч, но тоже оружие, хотя и на порезку окорока или сытного каравая диковинный ножик тоже годился. Главное, не сплеховать, если пакость какая и вправду следом кинется. Вроде и не слышно за спиной ни треска, ни топота, а все одно чужой глаз спину прожигает, так и хочется обернуться да что-то высмотреть в кромешной тьме. И вот ведь как – ноги уже мокрые, сапоги в грязи, лицо побито ветвями, а в голове все одно – теплое тело подруги из Граброка. Напомнил Мадр, чтоб ему... Есть так не хочется, как снова мягкую плоть ощутить. На неделю уговорил усмиритель заехать в городишко Клокса, обещал молоком опоить, да сметаной закормить старика, а пробыли там всего пару дней. Прилетел голубь к сэгату, и не домой отправилась троица, а в окраинный Дрохайт. Что за нужда такая, выбираться из-под бока красавицы-молочницы, да тащиться в дикую сторону в предзимний месяц? И почему Клокс помрачнел, словно еще раз о смерти собственных родителей узнал, если сам толком не ведает, о чем тревога? Гиблое место этот Дрохайт? Или чует судья что-то? И что за история с какой-то майстрой? Напустят туману, а ты разбирайся. А ведь не тот уже возраст, чтобы байками насытиться... Все они чуют что-то... Клокс вечно угадывает, куда та или иная беда раскручиваться станет, магию на вдох определяет, а Мадр – людей насквозь взглядом сверлит. Или вот как теперь, в лесной тьме выглядывает и счет ведет. По запаху гарь от печного дымка делит. А какое умение у тебя, Дойтен, кроме склонности к дородным селянкам? Ничего-ничего, молочница, будет и на нашей улице празд-

ник. Сколько займет эта морока? Неделю? Две? Месяц? По-разному случалось. Другое дело, что никогда не угадаешь. Побystрее бы разделаться и в храм, выпрашивать отпуск. Может, опять через Граброк удастся поехать? Будущая хозяйка ждет. И ведь дождется, пусть не его самого, так подарочка какого или гостинца. Нечасто так бывает, чтобы обычная вроде баба частью самого себя казалась да так, что ни вздохнуть без нее толком, ни выдохнуть. Эх, Дойтен, Дойтен... Ты выживи сначала, недоумок, потом жениться начнешь. Сорок семь лет уж, а все еще всякая дурь в голову лезет.

Они вырвались из чащи через час с небольшим, потрепав и одежду, и лошадей, и с облегчением разглядели на закутанной туманом опушке мутный фонарь в руке коренастого если не великана, то рослого незнакомца перед распахнутыми воротами, да крохотные светящиеся оконца в сложенном из тяжелых стволов рэмхайнского кедра доме.

– Сюда! – замахал фонарем и зарокотал баском незнакомец. – Добро пожаловать в егерское зимовье! Как же вас угораздило, добрые люди? Я уж думал, стадо кабанов по ручью идет, ветвями трещит, хотел было так и принять их всех в конюшню, закоптить с чесноком, а вы вроде бы гости из Сиуина? Да еще, судя по перевязям и бляхам, – в важных чинах?

– Толку от тех чинов, – сплюнул Клокс, заводя вслед за Мадром отчего-то забеспокоившуюся лошадь в просторную, пусть и тонущую в полумраке конюшню. – А куда ж делся Акойл? Прежний егерь где? И почему в твоей конюшне, великан, собственной лошади нет? Дойтен! Успокой свою кобылу! Посмотри, может все-таки поймала шип копытом? Мы храмовые старатели, а ты кто? А? Что скажешь, приятель?

– Ну уж точно то, что не приятель я тебе, – хмыкнул великан и запахнул тяжелые ворота так легко, словно они были калиткой в заборе, да водрузил на кованые крючья тяжелый засов. – Вот выпьем да перекусим, может, и стану приятелем. А пока я простой егерь по имени Краба, сменивший вашего Акойла. Не молод он уже был, так что... не обессудь. А лошади у меня нет, потому что не родилась еще лошадь, чтобы выдержать мою тушу. Видишь, беспокоятся? Любой спину переломить могу. Ну вы что, стоять будете, или в дом пойдете? Не знаю, кто за вами гнался, но этих стен даже медведь не свернет. Я уж знаю, что говорю. Пошли в дом.

– Мадр, – окликнул защитника Клокс. – Задай лошадям корм, оглядись тут. Я вижу, и сено, и овес в ларе имеются? И вода в кадучке? И не волнуйся, без тебя потчеваться не станем.

– Не задерживай слишком, – хохотнул Краба. – А то у меня брюхо, что твое ведро. Чуть упустишь, и потчеваться нечем будет.

– Я поспешу, – пообещал Мадр, втягивая в узкие ноздри ползущий в конюшню из двери пряный аромат и почему-то озираясь с тревогой.

В просторном и жарко натопленном доме было светло от полудюжины масляных ламп и большой беленой печи в углу, в топке которой мерцали угли. Дом наполнился сладковатым ароматом явно сытного варева, отчего желудок Дойтена тут же сжался от голода. Жилище егеря состояло из одной большой и высокой горницы, и расставленные по ее стенам широкие и тяжелые скамьи казались от этой величины убогими лавками. Краба сбросил с плеч латаный тулуп и показался Дойтену еще выше ростом и шире в плечах, чем в воротах конюшни. На его округлом добродушном лице сияла улыбка, подобная тем, что происходят от силы и ни от чего больше. Оно и понятно, этакому здоровяку легко быть добрым, мало кто захочет причислить себя к его обидчикам.

– А что, усач, без ружья никак? – подмигнул великан Дойтену, который присел рядом с Клоксом на широкую лавку. – Зачем его в горницу потащил? Со страху или по службе? Хорошо хоть вместе с чехлом, а то я уж сам готов был испугаться. Не на постоялом дворе, не обманут. Тем более тех, на ком бляхи Священного Двора. А я ведь первый раз вижу храмовых старателей. Ты, похоже, палач? Чего к старику жмешься? Боишься меня?

– Усмиритель он, – буркнул Клокс, запуская левую руку в ворот и ожесточенно почесывая грудь. – И уж поверь мне, ничего он не боится. Испытанный воин. Я судья. Мадр – защитник. А ружье должно быть под присмотром. Чего волноваться-то? Сам же и говоришь, что оно в чехле. Ждал нас, что ли? Уж больно большой котел в печи прееет!

– Под свое брюхо варево замешивал, – хмыкнул Краба, проведя здоровенной ладонью по явно тесной ему рубахе, – но от дележки не обеднею, на два дня похлебку готовил. А вот хлеба маловато, собирался завтра на заставу за хлебом. Сам-то я не мастак опару ставить.

– Что ж, спасибо за гостеприимство, хозяин, – привстал, чтобы поклониться, Клокс. – Хлеба у нас в достатке, поделимся, а ты уж поделись новостями. Что в Дрохайте нового? Там-то бургомистр прежний? Как его женушка поживает? Что в округе творится? На дороге спокойно?

– А кто ж ее знает, – пожал огромными плечами Краба, усаживаясь напротив. – В Дрохайте я теперь только весной появлюсь, а дороги я не стерегу. Вестей никаких из города не долетало. Да и что мне он, тем более бургомистр со своей женушкой? За мной лес, да и тот... чуть позже в дозор пойдет. Когда мороз озеро прихватит, да болотину льдом выставит. В Дрохайте, думаю, как и в каждый год, полно и охотников, и рыбаков. Добытчиков всяких. Как охота начнется, вот тогда и настанет... головная боль, а сейчас пустота. Нечего сейчас в лесу делать. Ни на этом берегу озера, ни на том. Тоска. Так что любой гость в радость. Вас-то что через дебри погнало?

– Да кто его знает? – бросил быстрый взгляд на Дойтена, который слегка осоловел в тепле и никак не мог понять причину беспокойства судьи, Клокс. – Привиделось что-то, вот мы и повернули... к Акойлу. Лук не маловат тебе, Краба?

– Лук-то? – обернулся великан к висящему на стене оружию. – Так он не мой. Не видишь, что ли? Стрелки коротки, и в локоть не упрутся. Он от прежнего егеря. От этого... от Акойла. Забыл, наверное, вот и висит. Хотя, зачем ему. Поди, и не натянет уже. Старик уж был... Хотя и не сгибался от худобы. Ну, это не беда никакая, полный человек все лучше худого, а лук пусть висит. Мне такой маломерка без надобности. Мне бы ружье, как у твоего усмирителя.

– А зачем тебе оно? – ухмыльнулся Клокс, протянул правую руку и перехватил у Дойтена его ношу. – Хотя, как тут не хотеть? Это ружье знатное. Было время, и я его таскал, недолго, правда. Однако, теперь вот черед Дойтена. Только какой от него толк на охоте, если его и за минуту не зарядишь?

– Если на большого зверя идешь, можно ведь и заранее зарядить? – ухмыльнулся Краба.

– Это если на большого зверя идешь, – как будто с трудом ответил Клокс, запустил руку в чехол и неловко подбросил ружье коленом словно примеривался к чему-то. – Да только откуда в этих краях большой зверь? До Бейнского леса не близко, да и за широкой рекой он. Горный зверь на равнину не особый ходок. Бывает, забредает всякая пакость в Рэмхайнскую пустошь, ну так она за озеро? А здесь – благословенный Сиуин.

– Сиуин, может, и благословенный, а охотников окраину эту заселять что-то не видать, – снова расплылся в улыбке Краба. – Не жалуют крестьяне эти места, а особенно – Рэмхайнскую пустошь. Слишком много, говорят, там погани разной. Да и озеро это не слишком любят. То ли близкий Бейнский лес их тревожит, то ли горы. Может, проклятая крепость хотелку занозит?

– Ты о Стеблях, что ли? – сдвинул брови Клокс. – Чего их пугаться? До них от твоей заимки двести лиг. Да и что там? Развалины – они развалины и есть, пусть даже и магией прикрыты. Слышал, старатели теперь их расчищают, чтобы под сиуинскую корону подвести, но нам-то что о них думать? Это не наша забота.

– Забота не забота, а нужда, видно, великая, если король не скупится на ненужную крепость в глухом углу золото тратить, – прищурился в ответ Краба.

– Я в королевские дела не лезу и тебе не советую, – как будто с усилием расправил плечи Клокс. – Да и не слышал ни о каком золоте. Приют в той крепости будет. Для убогих и окаянных, и ничего больше. И чем дальше они от стольного града, тем лучше. Нечего почтенным

горожанам глаза мозолить. А добрых людей, что готовы положить жизнь ради сирот и порченных, в королевстве достаточно. Так что нет никакой угрозы твоему егерскому делу от Стеблей. Да и нам чего пугаться? Предзимняя дорогая – дело муторное. Никакого смысла нет такое ружье бестолку заряжать. А если порох отсыреет? Или заряд выпадет?

– Это ты правильно говоришь, откинулся назад, прислонился к бревенчатой стене Краба. – Никакого смысла нет такое ружье бестолку заряжать.

– Вот я и не заряжал, – покорно согласился Клокс, и Дойтен дернулся, чтобы сказать, что не Клокс ныне хозяин ружья, что он сам, Дойтен, за него в ответе, да уже и зарядил его картечью, как вдруг почувствовал, что и слова сказать не может и словно приклеен к стене и лавке. Прирос корнями и покрылся корой. И сладкий запах из горячего котла обволакивает его и вынуждает закрыть глаза, в то время как за толстой стеной слышны шаги. Много шагов. Неужто погоня окружила дом? Как же Клокс держится? Что это такое, мать его? Усталость навалилась или колдовство какое? И почему не слышно Мадра? Не так что-то вокруг, не так...

– А ты крепок, старик, – кивнул сам себе Краба и вдруг стер с лица улыбку, стал похож на хмурого мясника, которому пришла пора человечину разделять. – Я, конечно, не силен в колдовстве, но придурков вроде вас обездвигить всегда был способен. Не ожидал, что ты барахтаться будешь. Думал миром сладить. Даже ваш приятель на конюшне и тот притих. А тебе все неймется.

– С егерем тоже миром сладил? – прохрипел, не вынимая руки из-за пазухи Клокс.

– Как догадался? – сплел пальцы, захрустел суставами великан.

– Легко, – с трудом произнес Клокс. – Егеря-то не Акойлом звали. Акойлом моего соседа кличут, с которым мы в трактир иногда вместе забредаем. А егеря звали Глайном. Ты из каких сам-то будешь?

– Тебе что за интерес? – прищурился Краба. – Какая разница, какой ложкой тебя черпать станут? Или опять хитришь? Но за науку спасибо. Хотя, похоже, и этот домик в расход пойдет. Ты уж не обессудь, старичок. Сейчас я засов с двери скину, чтобы кто-то важный вошел в дом, да спросил тебя, куда вы путь держали и зачем. В Дрохайт ли или в Стебли эти проклятые... Трепыхаться не советую, зачем лишние мучения? Лучше все сладить по-доброму. А уж потом... придется вам разделить судьбу этого самого Глайна.

– А если мы и сами ничего не знаем? – услышал Дойтен, как словно с трудом выдавил непослушные слова через глотку Клокс.

– Тем хуже для вас, – поднялся со скамьи Краба и вдруг словно что-то почувал, потому что странно сторбился, расставил руки и шагнул в сторону старика, который снова подбросил перед собой коленом ружье, но на этот раз выстрелил прямо через чехол.

Грохот заложил уши Дойтену, ни разу не приходилось ему стрелять под крышей. Заряд, который сшиб бы с ног любого здоровяка, лишь разворотил грудь великану, но не остановил его, и, бугрясь плечами, тот сумел сделать еще шаг, когда короткая стрела, чвакнув сырой плотью, пронзила его голову от уха до уха. Забившаяся в агонии туша с грохотом повалилась ниц, едва не придавив Клоксу и Дойтену ноги.

– Вот ведь пакость, – прохрипел, опустив лук в конюшенной двери, Мадр. – Давно так не прихватывало. Я-то сразу понял, что дело нечисто, земля в конюшне кровью пропитана, да и дурманом несло из варева, но тут, похоже, был еще и наговор со стороны.

– Развей эту погань, – простонал Клокс. – Так ведь и задохнуться можно! Ты ж таки за стенкой был, а я туточки!

– Сейчас, – кивнул Мадр, отбросил лук, обошел дергающуюся в агонии тушу, шагнул к печи и сдернул на пол котел. Блеснув жирной пленкой, закрубило паром, расплзлось серым вязом вареву по полу, но Дойтен смог выдохнуть только тогда, когда Мадр нашел холщевый мешок с солью и щедро засыпал и опустевший котел, и жирную лужу. Выдохнул и тут же вывернулся в приступе тошноты. Среди гущи лежали вываренные человеческие кости.

– Значит, «сытное варево с манящей приправой»? – крикнул судья.

Клокс с трудом поднялся на ноги, содрал с пояса фляжку, залил в горло огненного пойла и только затем подошел к костям. Наклонившись, выудил из поганого месива исходящий паром егерский перстень и пробормотал, подбрасывая горячее украшение на ладони:

– Не оставляй у престола божия сына его Глайна, святой Нэйф. Прикрой священным кругом его посмертный путь...

– Мы что, этим должны были потчеваться? – прохрипел, отдышавшись, Дойтен. – Как вы устояли?

– А ты что думал, тебе нательное колесо святого Нэйфа на грудь для красоты дадено? – спросил Клокс. – Вот!

Только теперь он вытянул из-за пазухи левую руку и разжал окровавленную ладонь, разрезанную гранями амулета.

– Точно так, – кивнул Мадр, показывая такую же ладонь. – Однако, едва не пересилило нас колдовство. Был похожий случай в Гаре...

– Забудь! – оборвал Мадра Клокс и, как показалось Дойтену, только теперь побледнел от ужаса. – Если бы здесь был похожий случай, уже не было бы никого! Или ты тогда ладонь свою не кровянил? Эта забава против легкого колдовства!

– О чем вы? – с трудом поднялся на ноги Дойтен.

– Не о чем, – буркнул Мадр, подходя к туше. – Та история еще до тебя была. Двенадцать лет уже минуло. Медведь?

– Похоже, – кивнул Клокс, разглядывая треснувшую на спине рубаху, из-под которой торчала медвежья шерсть, и пальцы на руках, которые начали обращаться в когти. – А ведь разорвал бы нас на куски! Если бы не твое ружье, Дойтен, да не сноровка Мадра. Только начал перекидываться...

Дойтен тоже подошел к убитому. Вгляделся в изуродованные пальцы, посмотрел на странно изогнутые ноги и набухшие сапоги. Оценил вздувшиеся узлами плечи. Присел и посмотрел на лицо. Оно оставалось человеческим. Разве только от скул рыжеватым налетом вылезла щетина. Наверное, мягкая наощупь. Трогать мертвую щеку чудовища не хотелось...

Мадр устало опустился на ту самую скамью, на которой сидел недавно Краба, окинул взглядом стены горницы. Дойтен проследил за его взглядом и словно только что разглядел и засушенные травы, и упряжь, и шкуры на забитых в стены костылях, и корзины в углу, в которые явно была свалена чья-то одежда. Между тем за стенами все так же слышались шаги и раздавался невыносимый звук, как будто кто-то вел по стенам дома, а то и по стеклу стальными когтями. Окна были задернуты холщевыми занавесями.

– Окна маленькие, – произнес в тишине Мадр. – Переплеты литые, бронзовые. Похоже, этот Глайн не скупился на безопасность.

– Зверя боялся, – буркнул Клокс, сдернул со стены одну из шкур, накрыл ею разлитое варево, присел возле туши. – Не такого, а медведя шатуна. А может, и такого. А погиб, выходит, от человека. Зверь добычу в котел не ладит.

Дойтен подошел к корзинам, выдернул одну рубаху, поднял ее, поднес к лицу, ощутил запах дикого зверя, вернулся к скамье, покачал головой, разглядывая испорченный чехол, вытянул из него ружье и принялся забивать новый заряд.

– Думаешь, отбиться? – усмехнулся Мадр. – Хотя, наверное, правильно. Твой заряд нас и выручил. Он, да старик наш. Об него кто хочешь зубы обломает. Что думаешь разглядеть, Клокс?

– Понять хочу, – прищурился Клокс. – Что за имни перед нами?

– То есть, олфи это или класти? – задумался Мадр. – Дикий зверь или разумный враг в зверином обличье? Теперь ты этого уже не узнаешь. Да и какая разница?

– Большая, – покачал головой Клокс и прислушался к испуганному храпу лошадей за приоткрытой дверью конюшни. – Если он класти, то есть в облике медведя мог соображать как человек, то мы избавились от страшного врага, который мог быть главарем той шайки за стеной, – Клокс неодобрительно посмотрел на корзины. – А если он олфи – безмозглая зверюга, значит, есть кто-то, кто может управляться с ним. И тогда все куда хуже.

– Второе, – как будто с трудом растянул бледные губы в улыбке Мадр. – Магия. Я, конечно, не так ее чувствую, как ты, но уж определить, что не Краба ее накидывал, могу. Так что – олфи. Обычный имни и, значит, очень опасный зверь, от которого мы чудом избавились. И еще одно несомненно – все это связано с нашим делом. Не знаю, что произошло в Дрохайте, но что бы там ни случилось, оно еще не завершилось.

– Скорее всего, – согласился Клокс, и в этот миг Дойтен закончил возиться с ружьем и пристукнул прикладом о пол, заставив старика вздрогнуть.

– Ты мне сердце разорвешь! – прошипел Клокс. – Хватит стучать!

– Это не я, – мотнул головой Дойтен.

Стучали в дверь. Клокс медленно подошел к дубовой воротине, которая вела не в конюшню, а на улицу.

– Кто там?

– Клокс, это ты? – раздалось из-за двери приглушенно.

– Я, – побледнел судья. – А кто ты?

– Ты меня не знаешь, – послышалось в ответ. – Но у нас есть общие знакомые. Что с Крабой?

– Какие общие знакомые? – спросил Клокс.

– Давние, – как будто рассмеялся незнакомец. – Не будем ворошить прошлое. Ради твоей же пользы, Клокс. Почему ты отправился в Дрохайт этой дорогой?

– Время дорого, – ответил Клокс.

– Жизнь, значит, не дороже? – поинтересовался незнакомец и закатился в булькающем смешке. – Не бережешь ты себя, судья. А ведь едва не погиб. По собственной дури. Что с Крабой?

– Он убит, – ответил Клокс. – Что вам нужно? Что ему было нужно?

– Того, что нам нужно, у тебя нет, – ответил голос. – И если бы Краба это уяснил получше, он бы сейчас был жив. Сказал же ему, закройся и никого не принимай без меня. Подойду сразу, и пяти минут не пройдет. Нет, все сам хотел сладить... Жаль его, хороший был воин.

– Мне себя жальче, – согласился Клокс. – Чего у нас нет?

– Того, что есть в Дрохайте, – ответил голос. – Ты же прибыл сюда по особому делу? Ну так и занимайся... своим особым делом. А я буду за тобой приглядывать.

– Зачем? – спросил Клокс.

– У меня свой интерес, – снова рассмеялся незнакомец. – Тебе о нем знать не нужно. Конечно, если тебе собственная жизнь все-таки дорога. Хотя старость, судья, – как старый конь. Овес жрет, а от седла прогибается.

– Кто ты? – заорал судья, ударив сапогом в тяжелую дверь.

– Тогхай, – раздалось где-то и здесь, и не здесь, и как будто в головах сразу и у Клокса, Мадра и Дойтена, и из-под опрокинутого котла, и из оскверненного дымохода, и из-за двери, закрытой на засов.

– Кто? – не понял Клокс.

– Узнаешь, – раздалось чуть слышно, и за стенами все стихло.

– Ушел? – спросил Дойтен.

– Боюсь, что мы узнаем это только утром, – снова растянул губы в бледной улыбке Мадр. – Или хочешь выглянуть и посмотреть? Если кому до ветру надо, пожалуйста в конюшню. Я, к примеру, дальше не ходок.

– Что это значит? – спросил Клокс, отойдя от двери.

– До утра мы доживем точно, – зажмурился Мадр. – И меня это вполне устраивает. А пока нам придется довольствоваться компанией двух трупов. И знаешь, Клокс, удивительно, но я совершенно не хочу есть! А ты, Дойтен?

– Нет уж, – слотнул Дойтен.

– При чем тут жратва? – сплюнул Клокс. – Что думаете?

– Не только мы посланы сюда, – пробормотал Дойтен. – Я не знаю, что случилось в Дрохайте, но, похоже, что это интересует не только Священный Двор.

– С чего ты взял? – открыл глаза Мадр.

– Тогхай – не имя, – объяснил Дойтен. – За Черной грядой – дирги там или еще кто – так называют посыльного.

– Посыльного? – удивился Клокс.

– Особого порученца, – прошептал Дойтен. – Переговорщика, устроителя, примирителя или тайного убийцу. Избранного. Того кто торит путь. Пробивает и метит дорогу. И ветер тоже так называют. Ветер с запада. А еще духа, демона, которого выкликают в танце шаман. Того, что за людьми присматривает. Его так и зовут иногда – соглядатаем.

– А ведь это была его магия, – проговорил, снова закрыв глаза, Мадр. – И он мог выкурить нас отсюда, как бортник пчел из дупла.

– Но не сделал этого, – кивнул Клокс и вновь посмотрел на тушу. – И гибель огромного зверя, которого он назвал хорошим воином, менее важна для него, чем то, что стряслось в Дрохайте. Интересно, о каких общих знакомых он упоминал? Значит, говоришь, за Черной грядой? Шипы-то ведь тоже оттуда родом?

– Угу, – буркнул Дойтен. – С другой стороны, до Нечи больше двух тысяч лиг. И шипы не диргские. Хотя там и без диргов полно погани, не к ночи будь она помянута.

– Что же все-таки стряслось в Дрохайте? – вдруг засмеялся Мадр.

Зубы его явно стучали друг о друга.

– Не помню, – удивился Дойтен. – Голоса этого Тогхая не помню. Только что слышал и забыл! Как мы его узнаем?

– И я не помню, – замер Клокс.

– А не было голоса, – снова клацнул зубами Мадр. – Стук был, а голоса не было. Он в голове звучал. У каждого. Страшное дело.

Глава вторая. Нюхач

О Чидском озере в Ардане слышал каждый. Черная, с зеленым отливом икра поставлялась с Чидского озера, белая бескостная рыба, ее источник, отсюда же, бесценная прозрачная рыбица добывалась только подледным ловом и только здесь, еще более дорогой опять же белый мех рэмхайнской куницы приходил с заснеженных берегов того же водоема. И вроде не так далек был этот край от стольного Тэра, от обжитых городков, ничем не огороженных сел и распаханых полей, но охотников прогуляться без особой нужды в здешние места находилось немного. Уж больно дурная слава ходила об окрестностях озера. О вздорных нравах здешних обитателей, которые не брезговали разбоем. О непролазной топи по его южному берегу, служащей обиталищем злого гнуса. Об опасных дебрях, заполняющих рэмхайнскую пустошь с севера. О самих рэмхайнских скалах еще севернее, где вечно происходило что-то непонятное и пугающее. Да чего там говорить, тот же страшный Бейнский лес начинался не так далеко. Конечно, сначала надо было бы миновать широкую Курсу и разгульный, пропитанный угольной пылью городок Амхайн, чтобы углубиться в опасную чашу, но что такое две-три сотни лиг в нынешние времена? С другой стороны, откуда же все-таки бралась бы в Ардане икра, рыба и белая пушнина, если бы не охотники и рыбаки? Ну или хотя бы не самые удалые из них?

Дойтену уже случалось бывать у Чидского озера. В Дрохайт – городок отчаянных чидских добытчиков, что пользовался едва ли не более дурной славой, чем весь здешний край, – его, правда, не заносило, но выбираться на берег из дебрей приходилось. Последний раз так и искупаться пришлось. Подлый амхайнский колдун уходил от троицы Священного Двора Рэмхайнской пустошью, путал следы и вздумал отсидеться под крутым берегом в холодной чидской воде. Хитрец дышал через выскобленную овечью кишку, прилепленную к еловому плывуну, но не учел, что каждый его вдох разносится окрест хрипом и хлопаньем. Можно было, конечно, заткнуть устье кишки или воды туда плеснуть, Дойтен так тогда и сделал, да запуталась дыхательная снасть в корягах, а вместе с ней и бедолага. Вот и пришлось нырять, распутывать, вытаскивать на берег, а потом еще и приводить полуутопшего в себя, и все для того, чтобы доставить поганца в стольный Тэр и сдать властям на поругание плетью и всяческое умаление зловредной плоти. Впрочем, до выплаты внушительных сумм, уворованных мастером дурманов и наваждений у наивных, хотя и хитроумных по собственному разумению амхайнцев, вряд ли могло дойти. Все успел спустить подлец в придорожных трактирах. Зато именно в том году Дойтен получил от предстоятеля Священного Двора благодарствование и два месяца отдыха, в которые и поехал в сторону родной Нечи, да не доехал, столкнулся в придорожном Граброке с молодой горожанкой и утонул на эти два месяца в ее прозрачных глазах.

Но с тех пор ему снилось море. Не светло-серое в зимнюю или зеленое в летнюю пору море возле утесов родной Нечи, а похожее на черное бескрайнее зеркало. Клокс в ответ на его сетование ответил как-то, что нужно было присматриваться, когда он в воду сигал, таким как раз и было тогда Чидское озеро – черным и гладким, но Дойтен только недоуменно помотал головой – в его сне Рэмханские горы вставали далеко у горизонта, точно за черным зеркалом, бледными силуэтами, перемежаясь с облаками, упирались в небо за его гладью, а как это могло быть, если он вместе с Клоксом и Мадром как раз и был на северном берегу, и горы вставали не за гладью, а за спиной и Дойтена, и всей троицы? Клокс только пожал плечами и буркнул, что гиблое это дело – толкование снов. Как захочешь, так и переложить можно, кто его знает, что то или иное сновидение значит, если сегодня снится одно, а завтра совсем другое? Может, суждено Дойтену оказаться и на южном берегу, а может и вовсе он чужой сон видит? А если хочет избавиться от морока, то уж пусть в следующее благодарствование не смолит лыжи в сторону Нечи, а добирается до Дрохайта, смотрит на черную гладь с южного берега и радуется, что сбылось его сонное знамение и никакого вреда оно ему не принесло.

Тогда Дойтен только посмеялся. Еще чего не хватало, тащиться на южный берег мрачного озера в забытый богами край, когда настоящее море – целый Цветочный залив в Тимпале под боком, не говоря уже о глазах его новой подруги-молочницы, которые показались Дойтену глубже любого моря, пусть и не так просто было до них добраться. Но вот ведь какая напасть – и нескольких лет не минуло, и вот он на южном берегу того самого озера.

Черного зеркала не было. Горы еще как будто угадывались в мгlistой дали, а поверхность озера рябило мелкой холодной волной от стылого ветра. Ранним утром, когда троица выбралась из оскверненного двумя смертями дома егеря и наконец вдохнула не отравленного поганым варевом воздуха, а вольного арданского ветра, лица всех троих обжег накативший холод. Тяжелые снеговые облака к утру утонули в сером небе, и предзимний лес сковал бесснежный мороз, да такой, что пожухлая листва трещала под копытами лошадей словно подсыхая дранка с крыши рухнувшей крестьянской избы. Мадр тут же обошел дом со всех сторон, нашел свежие кости растерзанных лошадей егеря и много других следов. Редкие отпечатки тэрских сапог перемежались звериными следами, но и последние уходили обратно к покинутой путниками дороге.

– Волки? – спросил защитника Клокс, рассматривая стену дома, на которой белели свежие борозды, похожие на отметины огромных стальных крючьев, но Мадр, переведя взгляд с явно волчих следов на страшные выскобы, только пожал плечами и странно поежился, глядя в по-осеннему голый лес. По всему выходило, что если в ночной стае таких, как Краба, хватало, то к словам их главаря, назвавшегося Тогхаем, следовало отнестись со всей серьезностью. И это понимали все трое.

Топь, в которую впадал тоже заледеневший с утра узкий ручей, встала от мороза, и судья махнул рукой в сторону зимних вешек, отмеченных серыми лентами, мол, через нее и нужно двигать. Может и развезет к полудню, но прихватило за ночь крепко, не только морозный пар вырывался изо рта при каждом выдохе, но и лед на лужах не проламывался от лошадиных копыт, хотя животных придется вести под уздцы, конечно. Дойтен было помедлил, глядя в заросли заледенелой осоки, мрачный чужой взгляд чудился ему неотступно, но от дома пахло смертью и хотелось покинуть его как можно быстрее, и вскоре он уже спешил за Клоксом и Мадром. Но стоило им пройти по топи лиг пять, как за их спинами поднялся столб дыма. Лесные старатели явно спешили сжечь все следы о происшедшем, не дожидаясь, пока храмовые старатели отдалятся. Еще через час впереди показалась вспененная холодным ветром поверхность озера, хотя по его закраинам уже намерзала наледь.

– С божьей помощью вырвались, – осенил живот священным кругом Клокс, показывая на узкую дорогу, что вилась вдоль топкого берега. – Отсюда до Дрохайта пара десятков лиг, к полудню доберемся.

– Да уж, дорожка еще та, – с сомнением покачал головой Мадр, разглядывая тонущие в прибрежной болотине черные бревна гнилой гати. – Хотя, по морозцу и верхом выдержит. Однако, не знаю, как у нас сладится в Дрохайте, но потом лучше сделать крюк и возвращаться через Тэр.

– Рано говорить о возвращении, – проскрипел Клокс. – Рано. Вот демон... Ты посмотри, что творится!

Дойтен обернулся. Упирающийся в небо серый столб за спиной, который поначалу можно было счесть дымом от большого костра, налился чернотой, изогнулся от ветра и даже издали как будто сверкал искрами. Горел явно сам дом. Займется лес или не займется? Вряд ли, редок он в этом месте, а там, кто его знает. Но как они сумели? Значит, все-таки горючими были древние кедры? А ну как их действительно пролили маслом? Почему же их не зажгли, когда троица Священного Двора была внутри? Или масло тоже хранилось под крышей? А не магия ли это? А что если и в самом деле неведомым убийцам нужно это разбирательство в Дрохайте?

– Кто они? – спросил усмиритель то ли Мадра, то ли Клокса, то ли самого себя, потому что ответ, казалось, клубился где-то внутри него самого, но ответа не услышал и понял, что прошептал собственный вопрос чуть слышно, однако повторять его не стал и вслед за спутниками начал спускаться к воде.

Они и в самом деле добрались до Дрохайта только к полудню, но увидели город уже через час. Дорога обогнула болотистый мыс, и Дойтен, который, понемногу избавляясь от ужаса, уже посмеивался, что хваленый чидский гнус вымерзает от стыни, иначе что тогда потрескивает в болотистом ельнике, вдруг придержал лошадь. У противоположного берега большого залива посреди рябой водной глади черными ступенями, вырастая из собственного дрожащего отражения, поднимался город. Он словно выползал из той самой черноты, что наполняла сны Дойтена. Из черных лодок и прибрежных камней. Из щетины кольев, торчащих из воды, на которых как будто колыхались на ветру обрывки сетей. Из бездонных глубин, потому как не могло на мелкоте выситься похуже на ступенчатую скалу сооружение. Продавило бы оно илистое дно и скрылось из глаз, если только его не строили, как строят из базальтовой пыли огромные гнезда смертельно опасные горные осы, и то, что уходило на дно, туда и уходило, пока не остались только башни и крыши самых высоких зданий, смыкающихся друг с другом неприступными стенами.

– Какой же это город? – оторопел Дойтен. – Это больше похоже на замок какого-нибудь безумного барона из средних земель... Если бы он имел войско в пять тысяч мечников.

– Мечников – не мечников, но тысяч пять горожан в Дрохайте наберется, – кивнул Мадр. – Вот только барона никакого нет. Хотя, какие это горожане? Народ в основном пришлый...

– Барона точно нет! – обернулся Клокс. – Да и не нужен он здесь. Эх, была бы лодка, чтобы лошадей завести в нее, уже через четверть часа стучались бы в городские ворота. А по берегу еще пехать и пехать. Зато какой вид! Только не думай, что это башни друг выше друга бугрятся. Сам остров как каменный бугор, а дома лишь взбираются по его склонам. Мы-то с Мадром уже бывали здесь. Сразу скажу, не по нраву этот город моим костям. Ни одного домишки из дерева. Всюду камень, чтобы не полыхнуло что-нибудь при такой тесноте, и хорошо, если бы какой-нибудь известняк, так ведь нет... С деревом в Дрохайте строго. Только для растопки, да и то... Тут углем топят. Везут его издалека, каменный уголек из-под самого Амхайна водным путем, древесный – жгут за топью. Ямы как раз у заставы, до которой мы не добрались. Там целая деревенька в полусотню душ. Ну и острожек небольшой. Знал бы ты, какое там пиво умельцы варят...

– Даже если все сладится, надо и в самом деле другой дорогой возвращаться, – напомнил о недавней тревоге Мадр. – Да и в Дрохайте пиво не хуже.

– Сладилось бы еще, – отозвался Дойтен, оглядываясь на дым и чувствуя, как ужас снова начинает стягивать кожу на макушке. – Однако, немало камня на город пошло. А где же строители брали материал? Тут же топь кругом?

– А кто их знает, – тоже с беспокойством обернулся Клокс. – Думаю, что-то в виде скал на самом острове торчало, что-то из воды выволокли у берега. А что-то и везли на лодках издалека. Или ты на северном берегу не был? Говорят еще, что внутренности этого каменного холма, на котором стоит город, высверлены насквозь тайными или нетайными ходами. Подземельев полно. Отсюда и камень. Впрочем, теперь-то он зачем нужен? Все уже выстроено, и не притулишься с новым строительством. Если только вверх дома поднимать.

– Да куда же вверх? – не понял Дойтен. – Все ж таки не муравейник, а город.

– А чем тебе муравейник не город? – буркнул через плечо Мадр. – Захочешь жить, и муравейник сгодится.

– Да кто ж тут хочет жить? – разозлился Дойтен. – А гнус? А дорога? Вся жизнь на острове. Улочки узкие, наверное, и не разойдешься, если что. Не понимаю.

– Многие хотят, – обернулся защитник. – Улочки не такие уж и узкие. Дома выстроены на совесть, века простояли и еще века простоят. Гнус ветерок сдувает, королевскую стражу – дурная слава здешних мест. Хотя... Дрохайт, конечно, опасное место, но кому как. Для лихих людей – это укрытие. Для всякой гольтубы – мечта о воле и надежда озолотиться в нелегком промысле. Для смелых купцов и торговцев – немалый барыш. Для гонимых – передышка. Для тайных злодеев – гнездо. И для всех скопом – место отдыха. Охотники так и говорят – лежка. Дела-то в других местах обделываются. А там где лежка, гнездо, там покой и благодать. Правда, я слышал, и здесь важные люди потолковать горазды, кое-кто лишь из-за этих разговоров сюда добирается. С другой стороны, и скорняки здесь, и коптильщики, и прочая ремеслуха. И ни мытарей тебе, ни королевской стражи, ни воровской гильдии... Да, всякое непотребство случается, но это так... Как мусор, который везде. Но не в том дело. Важное свойство есть у этого города. Колдовства в нем нет.

– Колдунов в него не пускают, что ли? – нахмурился Дойтен. – Слышал я что-то, да уж не помню что...

– Да уж нет, – покачал головой Клокс. – Пускают. Никто и не вздрогнет. Да что толку? Никакая магия в нем силы не имеет.

– Это как же? – не понял Дойтен. – А если у колдуна ярлык на колдовство имеется? Или он такой силы, что щелчком пальца может людей мертвить?

– В Дрохайте он может хоть общелкаться, – усмехнулся Мадр. – Да и не встречал я еще таких колдунов. Почти не встречал... А ярлык... Подтереться им можно. Хотя, травы и снадобья действуют как везде. Но тут магия не при чем.

– А как же эта самая... – Дойтен подергал себя за ус. – Майстра, что ли?

– Так я же и говорю, – покосился на Клокса Мадр. – Майстра – это не ведьма. Просто особенная баба.

– Особенная? – не понял Дойтен.

– Как твоя подруга, на которой ты с головы съехал, – с какой-то тоской прошептал Клокс. – Только твоя горожанка особенная для тебя одного, а майстра для любого. Но не в том смысле, что под любого ложится, нет. Тем более здешняя, которая жена бургомистра. Нет, она с ума любого сводит. Не магией, а одним взглядом. Кстати, здешняя-то сюда как раз и приехала когда-то, чтобы клеймо ведьмы стряхнуть. Мол, нет колдовства в Дрохайте, и я не колдунья.

– Бывает же такое, – покачал головой Дойтен. – То есть, любой колдун здесь пустое место?

– Ну, пустое – не пустое, а ремесло менять придется, – пожал плечами Мадр.

– Отчего же об этом слухов не ходит? – удивился Дойтен. – И кто же так устроил?

– А никто наверняка знать не может, – крикнул Клокс. – А слухи прочие страхи о здешних местах перебивают. И устроитель этого самого колдовского слепого пятна, кстати, тоже неизвестен. Или возьми, к примеру, те же Стебли, которые этот Краба проклятой крепостью обзывал. Там ведь тоже напасть своя имеется. Наоборот, есть магия, которая действует сама по себе, никого ненужного в крепость не пропускает. Да и из нужных все нутро выволакивает. И устроителя у той магии тоже никакого нет. Или сгинул, если был. А что если Дрохайт и Стебли ушко и острие от одной иголки? Не так уж они и далеки друг от друга. Так что... у Священного Двора к Дрохайту особый интерес. Вот, поэтому мы и спешим. Вдруг какая магия поперек этой силы встала? В городе, кстати, народу избыток должен быть. Уж точно не меньше, чем в твоём Граброке. Зимняя путина – это и рыбалка, и охота сразу.

– Однако, далековат этот Дрохайт от хоженных дорог, – заметил Дойтен.

– А что дорога? – пожал плечами Мадр. – Есть способы и попроще, чтобы сюда явиться. Река, например. Хотя, все кому надо было, должны были уже прибыть. А как обозы потянутся, и нехоженные тропы под тракты сойдут. Берег, кстати, ближе к острову, чем кажется. Можно

добраться, не замочив ног. Плывун имеется. Он с близкого места брошен, не видно пока, но там до гати всего чуть за сотню шагов. Мысок болотистый выдается. Так там и столб мытарский торчит. Граница Сиуина и Тэра.

– Так чей остров-то? – начал что-то понимать Дойтен.

– А ничей, – развел руками Клокс. – Северный берег озера весь сиуинский, конечно, хотя ни одного стражника ты там не встретишь. Этот пополам делится с Тэром. А сама гладь – считай, что общая. И остров тоже. Тут даже стража местная. Рыбаки и охотники отваливают десятину, на том и довольны. Маленькое королевство! Вот только короля никакого нет, а есть совет глав цехов и выборный старшина, который уж что надо кому надо сам отправляет, чтобы иметь благосклонность и Тэра, и Сиуина. Бургомистр, как его здесь кличут. Выборный, но полновластный. Но и сэгат от Священного Двора – на месте.

– Он-то здесь зачем? – удивился Дойтен.

– Многовато разбойного люда в городе, – засмеялся Мадр. – Есть, что замаливать. Кстати, в городке все храмы имеются. Не только от Святого Двора. И Храм Присутствия, и Храм Тасуила, и даже Храм Ожидания Воли Всевышнего.

– Ты еще скажи, храм черной троицы, – сплюнул Клокс. – Только разрешенные, да и что там... храмы. Часовенки в основном, да и те почти все под замками, не заманишь сюда священников. К тому же тесно в Дрохайте, слишком тесно!

– А как же тогда с лошадьми? – нахмурился Дойтен. – А трактир-то там хотя бы есть?

– Для наших лошадей место найдется, – кивнул Мадр, – хотя, лошадей в городе немного. Но под обозы место имеется.

– И трактир есть, – кивнул Клокс и похлопал себя по животу. – И я скажу тебе, что это всем трактирам трактир, потому как что может быть важнее трактира для такого обиталища? Трактирщик – второй человек на острове после бургомистра!

– Уже лет восемь, как первый, – поправил судью Мадр. – Или и первый, и второй сразу. Потому как последние годы он бургомистр и есть. Старина Байрел держит островок железной хваткой!

– Ага, – поморщился Клокс. – Хваткой, как же. Хитростью и мудростью! Тут такая публика, что железная хватка не поможет. Между пальцев выскользнет. Так что... по-разному выходит. Хотя, и с согласия совета. И к Священному Двору он тоже со всем уважением. Кстати, и дела своего не оставляет. Говорят, что порой как в былые времена к плите встает! Вот тогда в его трактире вовсе не протолкнуться.

– Один, что ли, трактир в Дрохайте? – не понял Дойтен.

– Полно, – проглотил слюну Мадр. – Больших, правда, не отыщешь, зато мелких забегаюлок, стряпух – без счета. Никак тут одним трактиром не обойдешься...

– Плывун, значит? – поморщился Дойтен, на ходу затягивая ремень на пустом животе. – А почему не мост? Что там – чуть за сто шагов...

– Какой тут тебе мост? – поперхнулся Клокс. – Вот ведь... Сваи забивать бесполезно, глубина большая. Тут и в топь сваи не забьешь, уходят на всю длину. Граничный столб и тот падает то и дело. Так что или плывун, или лодка. Он же вроде такой же гати, но в воде. Сгнивает, конечно, ну, его сверху и перестилают. Так себе дорожка, я тебе скажу. Но по морозцу...

– По морозцу очень даже, – кивнул Мадр.

– А отчего тут так? – спросил Дойтен. – Ну, в том смысле, что никто руку на этот островок не наложит?

– А чтобы была отдушина для всякой погани, – понизил голос Клокс. – Понимать надо! Когда отдушины нет, оно же еще хуже бывает. Или силы такой нет, чтобы эту занозу к рукам прибрать. А может, он и принадлежит кому-то, кого мы не знаем. Но ты не думай, за этим Дрохайтом и Тэр, и Сиуин присматривают.

– Чьими же глазами? – прищурился Дойтен.

– А вот как раз нашими и присматривают... – хмыкнул Клокс и снова оборотился к дымному столбу. – А может, и еще чыми-то... Ты главное запомни. Дома на этом островке стояли, когда еще ни Тэра, ни Сиуина не было. И одним демонам известно, кто их строил, и что за корни их на этой кочке удерживают. Древнее этого городка разве только Эдхарский мост, развалины Бейна да крепость за этим озером. Да и то... Не забыл, о чем предупреждал нас Ата?

Дойтен недоуменно наморщил лоб. Даже Клоксу, чего уж говорить о простом усмирителе, редко приходилось внимать изречениям верховного предстоятеля Священного Двора. К тому же был тот относительно молод, да и говорил путано и непонятно.

– Эх... – сплюнул Клокс.

– Надевая древний доспех, – подал голос Мадр, – помни, что броня его может оказать крепка там, где защита тебе не нужна. А там, где нужна, – заостренные шипы, повернутые внутрь. Вот такая умная мысль. Или чушь полная. Где он, этот древний доспех? И какого демона его на себя паялить?

Плывун и в самом деле оказался неважной переправой. Даже скованные морозцем стянутые между собой цепями плоты ощутимо вздрагивали и уходили вглубь под тяжестью всадника, поэтому спутники не только спешили, но и держались на расстоянии друг от друга, так что уже на приступке берега перед высокими и черными, но все-таки деревянными воротами Клокс разговаривал со стражей один. Разговор отчего-то затянулся, да так, что Дойтен даже начал нащупывать ружье в порченном чехле, рассматривая странное выжженное пятно на одном из плотов, словно костер на нем разводили, но ворота, наконец, дрогнули. Клокс повернулся и махнул рукой спутникам, мол, заходите, пока служивые люди не передумали. Кто-то из стражи побежал вверх по напоминающей сумеречную горную расщелину улице, остальные смотрели на гостей города если не со страхом, то с тревогой. Дойтен пожал плечами, уж больно одетые кто во что горазд вояки походили на дорожных грабителей, подхватил уздцы, еще раз оглянулся на прихваченное морозом болотное редколесье за спиной и поспешил вслед за Мадром на твердый берег.

– Беда в городе стряслась и бедою погоняет, – зло буркнул нагнавшим его спутникам Клокс уже за воротами и, попыхивая морозным парком, добавил. – Стражник к болтуну Дилбу побежал. Так тут младшего брата бургомистра кличут. Известит его о случившемся с егерем. С последним из четырех в здешних краях. Еще три заимки сгорели на прошлой неделе. Так что наша – последняя. Но что там случилось с теми егерями, никто не знает.

– Не думаю, что кто-то из них уцелел, – помрачнел Дойтен и втянул морозный воздух. Город пах нечистотами, жареным мясом, соленой рыбой, квашеной капустой и как будто тленом. Если бы не пустой живот, впору было бы вывернуться прямо под ноги.

– Даже четыре заимки – все не город, – пожал плечами Мадр. – Я так понял, что самого бургомистра на месте нет?

– Уехал на сиуинскую заставу, – сплюнул Клокс. – Уже дня три как. Разминулись мы с ним, получается. Вернуться должен сегодня. Надеюсь, что вернется. Могли ведь и попутчиками стать, если бы помедлили в топи. Хотя... Хорошо, если к заимке на дым не пойдет, а то заждемся мы его тут. Так ведь пойдет же! Ну ладно... С ним полсотни лучших стражников, старший от рыбаков, оба сына, так что не удивляйтесь, что вместо них вроде как отребье на ворота встало. Это охотники. Не лучшие, конечно. Лучшим нет нужды в охранники рядиться. Но при надобности Байрел может и тысячу воинов выставить. Вроде тех, что на воротах сейчас.

– Гвардия еще та, – скорчил гримасу Мадр.

– Какая есть, – отрезал Клокс. – Главное, что за свой город биться готовы.

– Зачем ему на заставу? – удивился Дойтен. – Да еще в такой мороз? Ты же сам говорил, что у него пиво не хуже. Или и до него слухи об этих шипах дошли? Мы долго еще будем толкаться тут? Может, пора в тепло? Да и лошадок стоило бы пожалеть!

– Пожалеет еще, – прошептал Клокс, и Дойтен вдруг с удивлением понял, что судья по-прежнему охвачен ужасом, к тому же едва ли не таким же, как и в зимовье егеря. – Нету больше заставы. Над нею дым стоял на днях такой же, как и над егерским домом сегодня. Ходят слухи, что все заставщики мертвы.

– Как мертвы? – оторопел Дойтен. – С чего бы это? Там же острог. Да и деревенька угольщиков этих. Вы же вроде сами о том толковали? Все ж не одинокий дом. По-воински и от стаи медведей можно отбиться!

– Не было медведей, – посмотрел в глаза Дойтену Клокс. – Охрана говорит, что один стражник уцелел. Вскочил на лошадь и примчался сюда, как только ноги кобыле не переломал на этой гати. Еще до пожара. Он и рассказал. Глотки перерезали всему острогу. Всей страже, ясно?

– Кто? – спросил Мадр.

– Неизвестно кто, – буркнул Клокс. – А чем – известно. Небольшим ножом. Чуть больше ладони.

– Ты это подожди, – вовсе забыл о морозе Дойтен. – Как так? Чем известно, а кто неведомо? Кто нож в руках держал? И что, стражники сиуинские так и смотрели, когда их резали одного за другим?

– А ты разве не смотрел прошлым вечером, как этот Краба разорвать нас на части соби-рался? – взвился Клокс. – Так бы и хлопал глазами, если бы я чехол твоего ружья не испортил! Или забыл, что такое морок сотворенный?

– Так это... – обескуражено потер подбородок Дойтен и тут же нащупал на груди храмовый оберег. – Смысл же должен какой-то быть? Не из-за пива же? Какого демона?

– Если бы я знал, – хрустнул кулаками Клокс. – Но, судя по всему, история эта и бургомистра зацепила. Еще бы, ссориться с Сиуином ему никакой охоты нет. Но у нас пока другая забота. Подождем еще минуту. Весь остров полторы лиги на лигу, сейчас вернется посыльный. Забудьте пока про пиво и тепло. Все будет, но сначала – дело.

– Я так понимаю, что сейчас мы узнаем, зачем нас сюда вызвали? – прошептал Мадр, озираясь, словно за темными, почти черными, сложенными из тяжелых камней стенами могли притаиться неведомые соглядатаи.

– Надеюсь, – кивнул Клокс. – Во всяком случае, ждут нас тут словно божьих вестников, а в чем дело – не говорят. Жуткий секрет вроде бы. Своими глазами все увидите, мол. А вот паренек тот, что с заставы прибежал, говорят, до сих пор трясется. И вправду вещает, что нож сам его друзей поубивал. Застыли они словно столбы. И он летал между ними и каждому глотку вскрывал от уха до уха. А ему самому в какой-то момент словно пинка кто-то отвесил!

– Так нас из-за этого ножа сюда послали? – нахмурился Дойтен.

– Знали бы, так послали бы из-за ножа, – ответил Клокс, – но послали по какому-то другому поводу...

– Его отпустили, – догадался Мадр. – Того паренька. Специально отпустили, чтобы тот ужас, которым он пропитался, накрыл город.

– Тут и без него ужаса полно, – повернулся на звук шагов Клокс. – Кажется, гуляет смертушка по этим улицам. Вопрос в одном – в какие одежды она рядится?

Из-за поворота вместе с запыхавшимся стражником появился высокий человек средних лет в богатом, но неухоженном одеянии, в потасканной лисьей шапке с распущенными клапанами и с заросшим светлой щетиной одутловатым лицом. Приглядевшись и явно узнав Клокса, он просиял улыбкой и тут же начал кланяться и размахивать руками:

– Ну хоть умного человека прислали, а не какого-нибудь храмового истукана. Сколько же лет мы не виделись уже? Три года? Четыре? Пять? Доброго здоровья, господин судья, вам и вашим спутникам. Братишки моего, похоже, раньше вечера не будет, но было велено, чтобы

прежде отдыха вы бы ознакомились с существом дела. Лошадей оставляйте страже, будут пристроены на конюшню и обихожены, не сомневайтесь. И поклажа ваша доставится куда надо без потерь. Иначе разговор короткий, чего уж там. Тут у нас строго, хотя народец еще тот. А сами за мной. Да, если кто еще не знает, меня Дилбом кличут. Я вроде как брат своего брата тут. Да, случается и такая работка. Не самая плохая, смею заметить, хотя, бывало и похуже. Дело это, надо сказать, жутко тайное, хотя весь город знает о нем в подробностях. Ну так ведь знать и понимать, не одно и то же? Да не тушуйтесь вы, за мной давайте, за мной. Что, и ружье в руках потащите? Вот ведь незадача... Хотя, кто его знает, будь я при пушке, ну вроде тех, что на тэрских стенах стоят, и я бы покатыл ее за собой...

Он и в самом деле оказался неутомимым болтуном, этот Дилб. Хотя за все то время, что Дойтен тащился за ним по поднимающейся к вершине невидимого холма улице, никакого секрета не выдал, пусть даже слова и вылетали из него вместе с дыханием так, что казалось, будто он выговаривает их не только на выдохе, но и на вдохе.

– Однако, у вас там в Святом Дворе у кого-то язык длиннее, чем положено. Вот смотрите, позвали по происшествию только вас. Наш сэгат Райди при мне голубя отправлял. И вроде попервости и тайну удерживали так, что не придерешься, однако, не далее как пять дней назад прибыли дознаватели из Тэра. Понятно, что они ближе, но откуда прознали про нашу беду? Да и не просто дознаватели, а троица из самого Храма Присутствия! И ведь, что самое удивительное, главой там у них баба. Да, она самая, при всех причиндалах. Жаль, что на лицо не так уж молода, хотя, это как посмотреть – кому баба в годах чудится, кому молодлица, не разглядишь точно. Сам не приглядывался, не до того было. Хотя по стати все же молодлица. Вы ж должны понимать, у нас тут с девками не очень так. Бабы порой в темных углах мерещатся. Хозяйки, конечно, имеются, но вот чтобы для плотского естества – сильная нехватка. Публика-то все больше мужицкая. Так что всякая баба что тебе глоток воды в сухом месте. Однако к этой никто и близко не подходит. Ужас охватывает. Я иногда думаю, что как бы ни больший, чем от самой причины всего.

– Так в чем же причина?! – не выдержал наконец Клокс, когда большая часть города осталась за спиной провожатого. – Отчего все попрятались? Ни одного рыла на улицах! Мимо трактира прошли, даже пьяных не увидели! Ты расскажешь или нет?

– А вот сейчас все сами и увидите, – поклонился судье у дверей приземистого храма Дибл и грохнул деревянной колотушкой, что висела тут же. – Чего зря языком-то трепать? Я же не болтун какой. Был бы болтун, давно бы все выболтал, а я с пониманием. Лишнего слова не скажу без нужды. Какую бы тут на меня напраслину не возводили. Райди! Где ты там, храмовый потрох? Служивые по твою душу прибыли! Из самого Храма Священного Двора – Храма Нэйфа!

Из дверей показался пожилой сэгат с глазами навывате на морщинистом сухом лице, растянул губы в непослушной улыбке и последовательно потряс руки сначала Клоксу, отчеканивая дребезжащим голосом его чин и имя, затем Мадру, повторяя почти то же самое, наконец, Дойтену, сделав паузу, чтобы тот успел представиться, и самому Дилбу, который выдернул руки и принялся втолковывать сэгату, что они уже виделись сегодня не менее трех раз, и еще могут столкнуться, хотя и не хочется того Дилбу, но городок маленький, хочешь – не хочешь, все одно лбами упруешься.

– Хватит болтать, – неожиданно проскрипел Райди, запахнул потертое котто и махнул головой, приглашая следовать за ним. – Спешить, конечно, некуда, но откладывать еще никуда. Да, ты... – он строго посмотрел на Дойтена, пожевал сухими губами и кивнул на ружье, – дуру эту с плеча сними. Или своды мне разворотить, или стрелялку свою погнешь.

– От дури зависит, – кивнул Дилб. – Но своды вряд ли. Крепкие у нас тут своды.

Дойтен послушно снял с плеча ружье, хотя и удивился мгновенному обращению сэгата из седой развалины в твердого храмового чиновника и вновь, как было заведено, оказался последним среди вошедших под низкие, но крепкие своды.

В этом городе и в самом деле все было сделано из камня. Даже там, где нельзя было обойтись без дерева, оно было оковано и укреплено железом. Внутри храма, насколько усмиритель мог разобрать в тусклом свете масляных ламп, тоже все было из камня или из железа, скамьи так и вовсе сверкали отполированными гранитными гранями, хотя все же большая часть утвари, судя по черно-зеленому налету, оказалась вырезанной из известняка. Однако Райди времени на разглядывание молельного зала и алтаря не дал, прошел между двух колонн к следующей двери, подхватил один из висевших на стене светильников и зашагал по узкому коридору куда-то вниз, уводя ошарашенных гостей по скользким ступеням не только от простора в невыносимую тесноту, но и от недолгого тепла вновь к стылости холоду. Где-то впереди загремели ключи, заскрежетал замок, и Дойтен вслед за спутниками если не по виду, так по эху от стука каблучков почувствовал пространство вокруг себя. Райди впереди поднял лампу над головой, Дилб угловатой тенью метнулся в сторону, прискакал еще с двумя лампами, зажег их, и Дойтен понял, что находится посередине обширного помещения, всем содержанием которого, если не считать распиханный по углам хлам вроде треснувших кувшинов, служит деревянный ящик, покрытый изморозью, словно он был наполнен льдом.

– Известно дело, – бормотал Клокс, пока Райди развешивал на крючьях над ящиком лампы. – Лед в нашем деле это никогда не пряная ветчина. Или почти никогда не пряная ветчина. Это обычно какой-нибудь мерзкий труп. Добро еще, если один. Ни разу еще не было, чтобы храмовых старателей вызвали по поводу обнаружения запаса пряной ветчины, а уж стоит появиться какому-нибудь ужасному трупу, так сразу. Нате вам! Ну, что там?

– А ну-ка, – дождался окончания тирады судьи Райди и махнул рукой Дилбу. – Отворачивай.

Они взяли за края мешковину, накрывающую ящик, и отвернули ее к ногам, как оказалось, прикрытого ею тела. Клокс ощутимо скрипнул зубами, Мадр судорожно выдохнул, а сам Дойтен забыл, что он должен был сделать – вдохнуть или выдохнуть, поэтому какое-то время просто разевал рот.

Лежащий на льду труп был одет в обычную походную тэрсскую одежду – шерстяные порты и рубаху, плащ и поддевку, причем под всем этим на удивление чистым и богатым одеянием имелось и заляпанное кровью нижнее белье и даже немалое мужское достоинство, поскольку одежда была разрезана от горловины до паха и развернута на стороны, являя запекшуюся рану ниже сердца мертвеца. Но ужасным было не это. Крепкая мужская шея над ключицами завивалась светлым волосом, который чуть выше обращался плотной серой шерстью, покрывающей уже не лицо, а морду хищного зверя – волка или кого еще похуже.

– Мертвые угодники... – только и смог вымолвить Клокс. – Это что еще за пакость? Нет, ну понятно, что имни нам не в диковинку. Разное приходилось и видеть, и слышать о разном, но это что такое?

– Нюхач, – вздрогнул от сухого женского голоса Дойтен, оглянулся, но разглядеть знакомку не смог, поскольку лицо ее скрывал полумрак. – Обыкновенный нюхач, который хоть и великая редкость, но не чудо. Поди и ярлык у него есть. Или был, скорее. Не думай, судья, это не урод какой, не песьеглавец из древних сказок, хотя его ты как раз и видишь, а умелый имни, что сумел перекинуться лишь одной своей частью, а именно – головой. Хотя, что это я? Конечно, не просто умелый имни, а особая порода. Обратившись головой в зверя, он не стал зверем, а оставался добропорядочным подданным. Но выполнял при этом важную работу. Шел по чьему-то следу. И, кажется, удачно. Хотя и не в полной мере. Нюхач, одним словом.

– Нюхач, – хрипло повторил Клокс. – Слышал я о таком, но как-то не доводилось сталкиваться... И кто же послал этого нюхача? И что он... вынюхивал?

– Кто послал – не так уж и важно, – ответила незнакомка. – Или важно, но не теперь. А вот что или кого он вынюхивал... очень. И, судя по тому, что никто, за исключением бургомистра и полусотни его стражников, город не покидал в последние две с лишним недели, этот неизвестный все еще в Дрохайте. Ведь именно он убил нюхача. Он и никто иной. Надо бы отыскать мерзавца, потому как сам нюхач зла не нес. Пока его убийца не прикончил еще кого-нибудь. Но мы еще поговорим с тобой об этом, Клокс. Как будешь готов, загляни в Храм Присутствия. Я там остановилась.

– Вот, – кашлянул Дибл, сдвигая распахнутую на мертвецке одежду, и Дойтен разглядел лежащий на льду странный меч с простецкой гардой и как будто неумело выкованным клинком. – Это было в ране. Но там еще много вопросов осталось, много. Похоже, не этим мечом его убили.

– Подождите, – словно ожил Клокс, – почему же не этим? Впрочем, ладно, об этом не здесь, и не сейчас. Почему же не важно, кто его послал? Как раз очень важно! Да и это... с кем имею честь?

– Ушла, – неожиданно коротко брякнул Дибл.

Незнакомки и в самом деле уже не было в подземелье.

– Кто она? – спросил Клокс.

– Старшая тройки от Храма Присутствия, – вновь задрезжал неуверенным голосом Райди, оглянувшись на странно примолкшего Дилба. – Вроде и баба, но бабой не назовешь. Алаин ее имя. Вам Дилб разве не наболтал еще про нее? Должен был наболтать, за ним не задержится.

– Что с тобой, Мадр? – повернулся к побледневшему защитнику Клокс. – Бабы испугался?

– Нет, – прокашлялся Мадр и смахнул пот со лба. – Почудилось что-то. Да успокойся ты. Показалось, наверное.

Глава третья. Майстра

– Вот здесь это и произошло, – произнес Дилб где-то через полчаса и посмотрел на Клокса так, словно старик должен был немедленно назвать ему и имя убийцы, и поведать обо всех обстоятельствах еще не столь давнего события.

Дойтен с тоской согнулся. В животе было пусто, пережитое прошлой ночью еще не выветрилось из головы, да и не могло рассеяться вовсе, а передышки, кажется, все еще не предвиделось. К тому же в узком тупике между трактиром и постоянным двором, куда Дилб привел спутников после осмотра трупа в подвале храма, стоял отвратительный запах порченной еды. Явно не от того, что посетителей заведения кормили отбросами, а от того, что не чистили лоснящиеся протухшим жиром чаны. Хорошо хоть ни мух, ни прочей поганой живности у грязных емкостей глаз не замечал, морозом прибило и тех, и других. Разве только пара ободранных кошек презрительно смотрела на неожиданных гостей трактирных задворков с каменного парапета. Выход из темного тупика на такую же темную улочку был почти перегорожен смоленными ящиками из-под рыбы да выгородкой для угля. Окон на черных стенах сходу приметить не удалось, только две двери нарушали каменное однообразие. Одна вела на кухню, другая в обеденный зал. Мадр открыл их одну за другой, заглянул внутрь и даже опустился на колени, немало, вероятно, позабавив случайных свидетелей его дотошности. Дойтен скинул с плеча ружье и задрал голову. Серое небо казалось полосой грязного стекла.

Клокс помахал для согрева руками, потрепал по огненно-рыжей голове жмурящуюся худую девчонку-малолетку – трактирную служку, которую вызвал во двор Дилб, покосился на крутолобого здоровяка, только что заменившего пустые емкости на грязной тележке на полные, заглянул в один из баков, обернулся:

– И что же именно здесь произошло? Есть свидетели?

– Ну, какие тут свидетели? – поежился Дилб. – Были бы свидетели, с них бы и начали. Хотя, конечно, какой-то свидетель был. Не сам же этот... нюхач себя заколол. Ну, понятное дело, тот свидетель – он же и убийца. Хотя, кто знает, может он и не один был. А так-то плохое это место для зевак. Воняет. Или не чувствуешь? Ну, раз пять-шесть в день выходит трактирная прислуга, выливает в баки помои. Раз в день появляется скотник, привозит пустые емкости, забирает полные. И не чистит их потом, подлец! У нас свиарник близ островного мыса. Скотник и заметил труп. Расскажешь, Умар?

– Чего же не рассказать, – прогудел здоровяк, почесывая грязной пятерней затылок под вязанным колпаком. – Расскажу. А что рассказать-то?

– То самое! – топнул ногой Дилб. – Не зли меня, Умар! Почему чаны не чистишь? То, что рассказывал! Про труп!

– Сколько уже можно? – обиделся здоровяк. – Я ж тебе говорил, какой толк их чистить, если в них каждый день снова гадят? И про труп тоже. Хозяину рассказывал, тебе рассказывал, жене хозяина рассказывал, наизнанку меня своими глазищами вывернула, сэгату рассказывал, бабе этой страшной из Тэра – тоже рассказывал. Еще кому-то рассказывал... Лица вот не упомяну... Какого демона?

– Того демона, что здесь зарезали, – прошипел Дилб. – Или мне опять на тебя брату пожаловаться? Он тебе сразу мозги вправит!

– Ну вот, сразу жаловаться, – приуныл скотник. – Мало ли кого тут зарезали? Вон, днями на северном берегу тоже труп нашли. И что? Мне и про него рассказывать? Так я там не видел ничего. Хозяин вправит, конечно. Или он, или пес этот, Фуар. Тоже мне, главный рыбац. Был с малолетства карманником, карманником и остался, только что ножом махать научился. А я главный скотник, я же не ору... Всего меня уже перековывали с этим трупом. Нечего мне рассказывать. Привез баки перед полуднем. Уж сколько дней прошло. Дай вспомнить... Вот

так же. Пустые баки снял, полные поставил. Запарился. Только тогда и заметил. Я сперва подумал, что мусор какой-то. Вот тут он валялся. Между дверями. Лица я его не рассмотрел, он ничком лежал, но клинок – видел. Из спины лезвие торчало. Кровь опять же. Парило. Я еще думал, что ж за запах такой. Свежатиная. Когда свинью режешь, примерно...

– Умар! – поморщился Дилб. – Короче!

– Кто бы говорил, – ухмыльнулся скотник и подмигнул приложившей ко лбу ладонь девчонке. – Так, глядишь, и болтуном обзовут. Так я о чем? Запах крови все лучше, чем вонь от объедков, хотя по зиме-то не так страшно. Прихватывает, правда, приходится уже сечкой в свинарнике все это дело выбивать. Так вот, смотрю, лежит труп. Из спины – клинок торчит. Кровь уже чуть загустела, так что, может, час он лежал, может, два, кто же скажет? Заорал я. Тут и слуги выскочили, и хозяин пришел. Кутерьма поднялась. А потом уж за сэгатом послали.

– Что было в руках у трупа? – спросил Клокс. – Оружие было? Может, это его меч и был?

– Вряд ли, – ответил Дилб. – Этого незнакомца заметили в трактире. Он дня четыре здесь пробыл. Снял комнату, бродил по городу, сидел в углу зала. И всегда в капюшоне, надвинутом на лицо. Я сам его заметил. Думал, что морда у него болезнью какой побита или шрамами изукрашена, а у него и в самом деле... морда. Меча у него не было. Кинжал был. Он и сейчас у него на поясе. Надо было показать тебе... Под полой он. Не вынимал он его из ножен. Шнуром он прихвачен у эфеса.

– Мешок у него был в одной руке, – буркнул скотник и снова подмигнул девчонке. – Прочный, из хорошей мешковины. Я его сразу присмотрел. Ткань редкая, но крепкая. Дно в два слоя, шов изнутри обметан суконной восковой ниткой, по канту – витой шнур. Мечта, а не мешок. Как раз поросят носить. Или еще кого в тот же размер. И не задохнутся, и не сбегут. А в другой руке то ли пакля какая, то ли веревка. Может, и еще что. Не разглядел. Как народ набежал, я и пошел. Чего мне тут делать? Дождался, как тут все подскребут, и отправился восвояси. Только мешка я не брал. Как кутерьма началась, к этому убитому и не подпускали уже никого. Даже пощупать не успел. Но мешок хороший. Я б не отказался.

– Больше ничего не хочешь сказать? – спросил Клокс.

– Хочу, – оживился скотник. – Пакля мне нужна. Холодно в свинарнике! Щели надо забить, а то простужу скотину. А с кого спрос будет? С меня! Дилб, ты бы распорядился! Или мне опять к брату твоему идти?

– Иди уже! – махнул рукой Дилб. – Распоряжусь я, дай только разобраться со всей этой пакостью. Не задерживай. Но если нужда придет, и еще раз будь готов ответить на все вопросы.

– Да уж понял, не дурак, хотя некоторые и не верят... – буркнул скотник, снова нашел взглядом девчонку, ухмыльнулся и, подхватив оглобли тележки, поднатужился и поволок ее по узкому проходу.

– Что еще за труп на северном побережье? – спросил Клокс, провожая взглядом убогую подводу.

– Да ерунда, – отмахнулся Дилб. – По пьяному делу, наверное. Пока путина не началась, схватываются иногда добытчики. От безделья. Порезали какого-то рыбачка, это при чем тут? Да еще и неизвестно, было ли вообще хоть что-то. Трупа-то нет, одни разговоры. Свидетель – и тот пропал.

– Я проверю, – подал голос Мадр.

– Чаны проверяли? – вспомнил Клокс важное.

– Еще бы, – сплюнул Дилб. – Брат тут же приказал вывалить все из них на камень. Служки все руками ощупали, ничего там не было. Лопатами потом сгребали. Вот, она тоже ковырялась.

Дойтен посмотрел на девчонку. Щеки ее побелели, отчего веснушки казались серыми, на рыжих ресницах белел налет инея, тугие косички словно одеревенели, но она как будто не чувствовала холода, не пропуская ни единого слова, хотя и жмурилась, словно зимнее небо слепило ее. Хотя вряд ли кургузый кожушок давал ей достаточно тепла. «Да, дитяtko, – с непо-

нятной жалостью подумал Дойтен. – Красотой тебя боги не пожаловали. Ну, хоть не уродка, и то ладно. А я бы вот и от такой дочки не отказался»,

– Ничего не было, – хрипловатым простуженным голосом вымолвила она, почесав тонкий и длинный нос.

– Как зовут? – спросил Клокс.

– Дора, – ответила она.

– Послушай, Дора, – потер через котто замерзшие плечи Клокс. – Давно ты тут служишь?

– Два месяца, – девчонка вовсе закрыла глаза, словно пыталась вспомнить точное число. – Два месяца и десять дней.

– Откуда он мог прийти сюда? – спросил Клокс.

– Из кухни не мог, – замотала головой девчонка. – Там три повара, все на виду. Да еще и посудомой. И пройти через кухню нельзя незаметно. Дверь напротив стойки, на свету. Мог или со двора, или из зала. Но из зала никто не видел, как он выходил, темно в том коридоре. Там же и нужник. Мало ли кто туда шастает? Никто не видел, вон, Дилб всех опрашивал. Мы больше у стойки. Хотя в нужник-то все ходят. Я только в хозяйский. Мне хозяин вообще запретил в темные углы заходить. Тут народ... всякий попадается. Да и едоков было с утра много. Не до того. А для того, чтобы оправляться, вроде рановато еще. Хотя, кто знает. И помои еще не выносили с утра.

– Был он с утра в зале? – спросил Мадр.

– Был, – закивала Дора. – Только не заказывал ничего. Сидел в дальнем углу. Четвертый день уж как. Как раз со стороны коридора. То ли дремал под капюшоном, то ли еще что. Лампы у него на столе не было. Я подходила к нему, спрашивала, он только головой помотал. Хотя Казур говорил, что за день до того, как он стал трупом, заказывал у него жаркое. Но только одно мясо. Без вина и с кровью.

– Казур? – повернулся к Дилбу Клокс.

– Тоже служка, – поднял воротник куртки Дилб. – В зале на разносе пять человек работают. Ребятишки. Они шустрые. Да и сироты все. Вот Дора и четыре мальчишки. Всем лет по десять-одиннадцать. Только никто ничего не знает.

– И что же он? – не понял Клокс. – Прорычал ему заказ? Или пролаял?

– Сказал, – ответила Дора. – Я слышала голос. Обычный. Только как будто сквозь зубы.

– Сквозь клыки, – буркнул Дилб.

– Что, и никого с мечом не видели? – нахмурился Мадр.

– С оружием, кроме кинжалов, вход в зал запрещен, – пояснил Дилб. – Можно оставить на входе, можно поспорить с охраной. но все одно не войдешь, так что проще не нарываться. Это сейчас Байрел основную стражу снял, но два охранника и теперь у главного входа. Брат не любит тех, кто с гонором. Не было никого с мечом.

– А через эту дверь не могли войти? – спросил Мадр.

– Нет, – замотал головой Дилб. – Она изнутри запирается. Выйти – могли. Войти – нет. Вон, ее Дора открыла. Ты что, думаешь, я просто так Дору позвал? Она тут самая шустрая. Она ведь нашла тайник.

– Тайник? – не понял Клокс.

– Покажи, Дора, – попросил Дилб.

Девчонка просияла довольной улыбкой, шагнула к черной стене и ухватила, как показалось Дойтену, за угол одного из темных камней, что составляли ее. Мгновение, и осколок остался у нее в руке, а в стене открылась дыра.

– Да тут можно не один меч спрятать, – хмыкнул Мадр, засовывая руку в отверстие.

– Даже копьё, – довольно заключила Дора. – Ниша позволяет. Даже твое ружье, – она посмотрела на Дойтена. – Но приклад застрянет.

– Откуда ты знаешь, что это называется прикладом? – удивился Дойтен.

– От отца, – шмыгнула носом Дора. – Он был... охотником.

– От отца, – пробормотал Клокс, почесывая бороду. – Ладно. Иди дочка. А то скоро не зубами, а губами стучать будешь от холода. Если что, снова переговорим с тобой, заодно и с этим... Казуром. И с другими служками. Иди.

– Дверь только не запирай! – окликнул девчонку Дилб. – Мы сейчас закончим, и тоже потчеваться пойдем.

Дойтен проводил взглядом шуплую фигуру, дождался хлопка двери, почесал через котто живот:

– Долго еще топтаться здесь? Судья! И в самом деле, давай уже заканчивать. Нам бы тоже не помешало... в тепло и к еде. Да и в нужник заглянуть. Все ж таки на холоде, сам понимаешь.

– Сейчас, – отмахнулся Клокс, подошел к тайнику, сделал вид, что хватается за рукоять меча, развернулся и ткнул им в пустоту.

– Точно так, – кивнул Мадр. – Но удар нюхач получил ниже. Мечник был коротышка. Или упал на колено.

Клокс посмотрел на Дилба.

– А ты что скажешь?

– Да чего тут говорить? – ответил Дилб. – Скорее всего этот... нюхач кого-то выслеживал. Мерзавца, как говорит эта Алаин. Хотя, может и не мерзавца. Заприметил нужного человечка и пошел за ним. С мешком, ведь. А человек тот и сам не промах. Шмыгнул в эту дверь, достал из тайника меч, развернулся и проткнул преследователя. Вот и все. И поверь мне, правильно сделал. Видано ли этакую пакость на собственном следу терпеть? Честно говоря, я и сам был бы не прочь проткнуть такое. И что же, я буду мерзавец после этого? А чего, ждать, когда он тебе в загривок вцепится? Ты видел его зубы? Ты чего хочешь-то? Найти этого удальца, что ли? Райди сказал, что ваше дело казус этот учесть, опросить всех и на том закончить дело. Или как?

– Там видно будет, хотя опросить всех придется по-любому, – задумался Клокс и повернулся к Мадру. – Что еще?

– Спросить хочу, – осторожно вставил вновь в темное отверстие кусок камня Мадр. – Кто-то из постоянных обитателей Дрохайта покидал город в последние дни? Из тех, кто живет здесь давно или служит?

– Народу в городе полно, – сказал Дилб, – но никто не уходил в последние месяц-два. Только прибывали. Затаились – это да, а так-то... Сейчас лед встанет на озере, самая путина начнется. Все здесь. И по рыбе, и по пушнине, все. Хотя... все лодки не сочтешь...

– Неужто не счел? – удивился Клокс. – Не узнаю твоего брата.

– Да счел, конечно, – скривился Дилб. – Байрел с этого начал. На месте пока все. Были во всяком случае. Только скоро не нужны будут лодки. Впрочем, какая разница?

– Значит и убийца здесь, – кивнул Мадр. – Иначе как бы он нашел этот тайник? На него тоже время нужно. Не думаю, что это кто-то местный, но, может быть, пришлый, что осесть здесь пытается? Или пережидает что-то. К примеру, погоню и розыск. А девчонка права. Тайник свежий. И выдолблен не так давно. Только выдолблен с той стороны. Что там?

– Кладовая, – ответил Дилб. – Но она ниже, в подвале. Как раз здесь – лестница. Под лестницей кто хочет может ковыряться. Охраны там нет. А когда рыбаки пьяные песни горлают, и долбить можно. Не будешь знать, и не найдешь никогда. Я обыскивал. Ни следов, ничего. Хотя, странное есть. Как раз под лестницей паутины нет. Словно выметено.

– Надо будет посмотреть, – заметил Клокс. – Запоминай, Мадр.

– Обязательно, – кивнул Мадр. – Что было в руках у трупа? Только точно.

– Ну, Умар же сказал, – поднял воротник Дилб. – Мешок, веревка, пакля. Да, и пузырек сонного зелья в кулаке. Еле разжали кулак-то. Только пузырек ненадписанный.

– Кто определил снадобье? – спросил Клокс.

– Лэн, – начал переступать с ноги на ногу Дилб. – Член совета от ремесленных. Он же четвертый сэгат. Это мы его так называем. У него часовня. Хотя, какая часовня. Молельный сарай. На вонючем островке. Храм Ожидания Воли Всевышнего. Тьфу. Какой он старшина и сэгат? Пьяница! Хотя, тут к нему с уважением. Появится скоро, я уж послал покричать ему, наверное, уже весла к лодке ладит. Ты же захочешь с ним говорить?

– На каком островке? – не понял Дойтен. – А мы где?

– Потом, – мотнул головой Клокс. – Комнату этого нюхача обыскивали?

– Обыскивали, – кивнул Дилб. – Нет там ничего. Он даже постель не разобрал, так и спал на рогоже. Если вообще спал. Заперта она пока. А мешок, веревку, да и снадобье – все там и оставили.

– И это надо будет посмотреть, – кивнул Клокс. – Пометь себе, Мадр, и это. Перекусишь, и за дело.

– Что ты все на Мадра вешаешь? – нахмурился Дойтен.

– Я что ли буду твое ружье таскать? – удивился Клокс. – Не сомневайся, тебе тоже дело найдется. О чем мы еще не спросили?

– С чего вы взяли, что нюхач был убит не этим мечом, если он торчал у него из спины? – вспомнил Дойтен.

– А это не мы взяли, – начал дышать на замерзшие руки Дилб. – Это Лэн и сказал. Он меч из раны и вытаскивал, кстати. Он же когда-то дружинным лекарем был, многое знает. Да и меч до сих пор может в руке удержать. Будете его по поводу зелья мучить, заодно и о мече спросите. Только пить ему особо не давайте, а то толку от тех расспросов... Брата моего он во всяком случае убедил. Все, что ли? Может, теперь и перекусить время? Я уж распорядился накрыть стол. Ног уже не чувствую. Да и курточка у меня не под этот мороз.

– Все сходится, – пробормотал Клокс. – Пакля, чтобы заткнуть рот. Веревка, чтобы связать. Снадобье, чтобы усыпить. Мешок – чтобы упаковать...

– Какого размера мешок? – спросил Мадр.

– Не очень большой, – наморщил лоб Дилб. – Взрослого человека не засунешь, как ни складывай. Подростка если только. Такого как Казур или как Дора. Да и остальных. Только подросток такого здоровяка, как этот нюхач, никогда не проткнет. Тем более девчонка. Я уж не говорю про его морду. Эта баба... Алаин, когда его осматривала, пригласила ее. Пригласила, да обтерла. Побледнела вся, как будто мужа своего к погребению готовила. У него ж клыки были оскалены, когда его нашли. И все в крови. Он язык себе клыками порвал! Видано ли такое? Так вы идете к столу или нет?

– Пригласила, выходит? – шагнул к двери Клокс. – Но не поцеловала? Слезу не пролила? А? Хозяйство-то у него было живым на зависть. Ладно... Нас-то не заставят мечи оставлять на входе?

– Как можно? – замахал руками Дилб. – Вы ж по королевскому делу!

– Мы по поручению Священного Двора, – поправил Дилба Клокс. – И сделай одолжение, не можешь молчать – болтай. Только не выбалтывай ничего, что так или иначе узнаешь о нашем дознании.

– Никогда! Могила! – пообещал Дилб.

Более всего обеденный зал главного трактира Дрохайта напоминал утробу огромного зверя, которого выпотрошили и закоптили не только снаружи, но и изнутри. Черные квадратные колонны, подпирая такие же черные стены, гранеными ребрами поднимались чуть ли не на сорок локтей вверх и уже там соединялись такими же черными стропилами на центральной балке простой двускатной, но по своей величине невообразимо тяжелой крыши. Где-то там же наверху имелись окна, но то ли стекла в них были мутны от той же копоти, то ли самих окон не хватало, только света в трактире тоже был явный недостаток, и отсветы сразу четырех

каминов и нескольких светильников на длинной дубовой стойке лишь сгущали тьму по углам. Дойтен сразу убедился, что уследить за окраинами огромного помещения почти невозможно, тем более, что народу в трактире оказалось немало, вот только народ этот как будто был преисполнен тревоги, потому как ни пьяных криков, ни песен не доносилось вовсе, а вместо этого раздавалось нудное гудение, как гудит ветер в слишком высоком дымоходе – захлебываясь, но не воя. «А ведь гудит этот ветер так сотни лет, не меньше», – подумал Дойтен, озираясь. Странной была древность этого зала и всего города. Она оборачивалась не ветхостью и старинной, а как будто вечностью. Убийство какого-то нюхача на ее фоне казалось малозначимым происшествием.

Еда оказалась простой, но сытной, как раз такой, какую и любил Дойтен. Мясо на ребрах не было ни пережарено, ни пересушено, а выдержано ровно настолько, чтобы не сваливаться с кости, а влажно сниматься, услаждая вкус. Тёрские лепешки были мягкими, сливовый соус кислым, а вино терпким, но тоже неплохим, скорее всего молодым ашарским. Упитья им было бы во всяком случае непросто. И подсластить его тоже было чем. Медовые пирожки так и таяли во рту. Дора, которая как раз и подавала их к столу, во всяком случае не могла сдержать слюну, глядя на их румяные бока, но когда Дойтен пододвинул ей пару, со вздохом замотала головой, хотя запах цветочного меда издавала, казалось, вся – с головы до ног. Пригляд, похоже, за слугами был в трактире строгим. Во всяком случае таких же, как Дора, металось по залу еще четыре человека, но кто из них был Казур, Дойтен гадать не стал. Одно было плохо. Все эти едоки в зале, и в самом деле похожие на бывалых охотников и рыбаков, явно знали, кому накрыли стол почти у самой стойки, и нет-нет, да оборачивались в ее сторону. В другое время Дойтен отвечал бы на каждый взгляд язвительной улыбкой, но сейчас, согреваясь, он лишь блаженно радовался тому, как тяжелы становятся его веки.

– Почему губы у нюхача были порваны? – спросил вдруг Клокс, когда, насытившись, Мадр вместе с Дилбом удалился, чтобы посмотреть выделенную храмовым старателям комнату, а заодно комнату нюхача и, может быть, злополучную лестницу, под прикрытием которой был выдолблен тайник на месте убийства.

– Не знаю, – зевнул Дойтен. – Приступ бешенства? Не похоже. Помнишь, как охранника главного храма придавило деревом во время урагана? Спину ему перебило? Мы еще с Мадром относили его в мертвецкую, когда он преставился. У него тоже губы были изгрызены. Может, и язык, я не проверял. Спросил у лекаря, в чем дело. Тот сказал, что умирал охранник тяжело. Присадило так, что он даже пальцем не мог шевельнуть, крикнуть от боли был неспособен, только и мог, что глазами хлопать, да собственные губы грызть. Не хотел бы я так сдохнуть...

– Лекаря тут нет... – пробормотал Клокс. – Или есть, но, насколько я понял, никто его не звал. К мертвому лекаря не зовут обычно. Вот же погань, как бы не завязнуть здесь. Может и в самом деле? Описать это чудовище, да двигать к дому? Нет, нельзя так... Надо найти убийцу...

– Чего они ждут от нас? – потер глаза Дойтен. – Уже все головы открыли в нашу сторону. Ты посмотри, вон у того лупоглазого, у которого клык из-под губы торчит, сейчас глаза лопнут, как он их тарасит! Как сели за стол, так он не отвел их ни разу! Чего им надо? Чего они хотят?

– Покоя, – пробормотал Клокс, потягивая вино из медного кубка. – Думают, что развлечений, но на самом деле покоя. Как крестьянин, который, сидючи в телеге, прокликает ухабы и ждет не дождется, когда лошадь дотащит его повозку до мягкой и привычной грязи.

– И застрянет там, – ухмыльнулся Дойтен.

– Для того мы и здесь, – вздохнул Клокс. – Чтобы не застрял.

– Зачем нам его убийца? – спросил Дойтен. – Ясно же, что, не убей он этого нюхача, сам бы жертвой стал. И еще неизвестно, живым бы его положили в тот мешок или мертвым? Зачем он нам?

– Не знаю, – задумался Клокс. – Пока для ясности, а там как пойдет. Я ведь читал в храмовых уложениях о подобных тварях. Копался в древних свитках. Ты даже представить себя не можешь, какие сказки там иногда попадают. Особенно если рукописи помечены храмовой меткой – сомнительно, не подтверждено, нет свидетельств. Об этом чудовище там было сказано, что подобная тварь должна быть создана не собственной волей.

– То есть? – нахмурился Дойтен.

– Сей образ есть искажение природы имни или издевательство над замыслом творца, если таковым считать человека, – сплел короткие пальцы Клокс. – Да, так и написано в уложении. И добавлено, что частичное обращение доступно лишь высшим имни, именуемым фирами, пусть даже далеко не все из них способны к обращению, либо тем, кого натаскивает могущественный колдун, лелеющий особо опасные замыслы.

– Значит, колдун? – нахмурился Дойтен.

– Нет, что б мне лопнуть, – понизил голос Клокс. – Никакой колдун ничего не мог наколдовать в Дрохайте. Уж поверь мне, я был здесь дважды и разбирался в подробностях. И наколдованный образ этот нюхач не мог занести в город, расплзся бы он в воротах. Объяснить его облик можно лишь одним – он естественен для него. Ворота он, во всяком случае, так и проходил в капюшоне. Значит, эта Алаин лжет. Или сама не знает, что говорит...

– Дерьмо все это, – снова плеснул себе вина Дойтен. – Какая разница? Вернемся в Тимпал, напишешь пару страниц пергамента, поставишь нужные отметки и отправишь их в хранилище. Чтобы какой-нибудь чужак через лет тридцать дивился уже нашим приключениям.

– Да уж это само собой, – пробормотал Клокс. – Если живы отсюда выберемся. Не хмурься, это я думаю вслух. Не обращай внимания. Нет, не был этот нюхач фиром.

– А кто он такой, этот фир? – спросил Дойтен.

– О фирах я знаю еще меньше, чем о нюхачах, – признался Клокс. – Никто их не встречал, так что можно счесть все легенды о них выдумками. Но если в них есть хоть толика правды, запомни – будь этот нюхач фиром, его жертва не только не успела бы выхватить меч, но и даже заманить преследователя в грязный двор. Уже сидела бы в мешке... Фир против имни как... черный егерь против неумелого охотника. Нет... Этот нюхач только нюхач. С мешком. Кстати! Как бы он его потащил? Скажи, что это значит?

– У него должны быть помощники? – предположил Дойтен.

– Точно, – кивнул Клокс. – Собака может любой след взять, даже кое-какую дичь на клык, но без охотника вряд ли она полезна.

– Тогхай? – спросил Дойтен, вспомнив страшный голос.

– О нем я тоже думаю, – качнулся Клокс. – Не сходится что-то. Помнишь, он посетовал, что предупреждал Крабу, чтобы тот не совершил ошибки? Мол, подойдет через пять минут, кто бы ни забрел к займке? Откуда бы он пришел за пять минут? Мы от дороги час сквозь бурелом пробирались. Непонятно...

– Может, он был не с теми, что засаду ладили? – предположил Дойтен. – Или шел другой дорогой?

– Не знаю, – задумался Клокс. – Загадка. Скажи еще, что ему дороги вовсе не нужны. Во всяком случае, или он не все и сам знает, или кто-то вроде нас троих. Или присматривает за этим делом со стороны, что ли. Он же не в городе. Если, конечно, он не в сговоре с нюхачом. Не ловит того же везунчика. А вот если он ему дороги перекрывает, тогда все срастается...

– Да ничего не срастается, – обозлился Дойтен. – Мешок один, значит – цель одна. Хотя на одну цель и дюжину мешков приготовить можно, если цель важная да верткая. Но мешок маленький. Выходит, нюхач шел по следу подростка или карлика. Так какого же демона перерезать весь острог? Убивать егерей?

– Не знаю, – стиснул ладонями виски Клокс. – Правда, когда-то давно мой бывший наставник Эгрич говорил, что если замечаешь, что след преступника уходит за куст, не торопись распутывать его преступные замыслы. Возможно, он просто захотел облегчиться.

– Ничего себе, облегчиться, – с трудом удержался, чтобы не плюнуть на пол, Дойтен. – Перебить люд во всей округе?

– А хоть бы и так, – поморщился Клокс. – Здесь магии нет, а сойди на гать – вот она уже и есть. Откуда ты знаешь, может, это не бойня, а обряд какой? Сейчас другое важно, как все это увязать? Шипы, острог, егеря, этого нюхача? В чем ценность того, чей след он держал? Или он что-то нес и речь идет о каком-то предмете? Зачем тогда мешок? Я не знаю, чего от нас хотел этот Тогхай на самом деле, но поверь мне – и он, и этот поганый Краба, и даже диргские шипы на дороге – все это не случайно.

– А Алаин? – напомнил Дойтен. – Не припомню, чтобы Храм Присутствия присылал куда-нибудь своих старателей. Их у них вроде бы вовсе нет.

– Может и нет, – задумался Клокс. – А может не было, а теперь появились. Времена меняются. Ты тут посиди еще, дождись Сничты, жены Байрела. Дибл сказал, что она хочет поговорить с тобой.

– Майстра? – усмехнулся Дойтен.

– Зови ее лучше Сничтой, – с тоской пробормотал Клокс. – Потом иди спать, она скажет, где наша комната. Завтра свежим надо быть. Ружье без присмотра не оставляй. Впрочем, сам знаешь. Мадр придет сам, да и обо мне не беспокойся. Дверь запирай на ключ. Сничта обещала вручить ключи всем. Пока Байрел не вернется, делать больше нам пока нечего. Ну, кроме разговора с Алаин, к которой я пойду в последнюю очередь, с Лэном и того, что сейчас Мадр вынюхивает. Но это еще если пьянчужка этот – Лэн, вообще появится. Появится, знаешь, о чем его спросить. Не появится, завтра с ним столкнемся. Посиди тут. А я пойду прогуляюсь по залу, послушаю, о чем люди говорят. Может быть, дойду до Райди. Надо бы с ним тоже перекинуться парой слов с глазу на глаз. Узнать, кто и чем здесь дышит. Давно я здесь не был. Кстати, Лэн – коротышка.

– Мешок! – вспомнил Дойтен. – Коротышка мог бы влезть в мешок! А Лэн?

– Легко, – усмехнулся Клокс. – Особенно когда во хмелю. Но кому он нужен? Лэн здесь уже лет тридцать. А ведь он точно мог пырнуть нюхача. Пьяница, но отчаянный старик. Впрочем, в Дрохайте по-другому и нельзя. Кстати, в уме и опыте ему и в самом деле не откажешь. Храм у него, правда, так себе. Муть какая-то. Но если Байрел Лэну поверил, я тоже ему готов поверить. Только не смотри на Дилба, его старший брат – другой человек. Совсем другой. Хотя и Дилб – далеко не дурак. К тому же он верен собственному брату. И не ворует. Думаешь, просто так в ветхом котто по городу бродит? Да еще и к женщинам не так чтобы... Знаешь, когда у твоего брата жена майстра, это очень важно...

Клокс пробормотал еще что-то, но, кажется, бормотал уже для себя, потому как Дойтен не расслышал ни слова. Судья подозвал Дору, сунул ей монету, пробурчал что-то совсем уж неслышное и двинулся вдоль стойки, покачиваясь с ноги на ногу и пытаясь выглядеть в полумраке трактира неведомых Дойтену знакомцев.

– Не удивляйся и не оборачивайся, – услышал через минуту уже почти сквозь сон Дойтен приглушенный женский голос за спиной и застыл, косясь на все так же тарашившего на него глаза незнакомца с клыком. – Я Сничта. Пугали уже мною тебя твои спутники? Не бойся. Сейчас обойду стол, сяду напротив – на место Клокса, и ты наполнишь мне кубок.

Дойтен взял в руки бутылку и окинул взглядом стол в поисках подходящей емкости. Откуда не возьмись подлетела Дора, поставила чистый кубок, смахнула тряпкой в ладонь крошки, прихватила пустое блюдо Клокса и исчезла, оставив все тот же медовый запах.

– Не девчонка а... золото, – опустилась на место судьи, судя по силуэту, чуть полноватая женщина, закутанная в темный плащ с капюшоном. – Давай, двигай сюда кубок. Хорошим вином в нашем трактире угощают храмовых старателей, и самой не в обиду будет пригубить.

Дойтен подвинул кубок и наклонился, пытаясь разглядеть лицо хозяйки. В полумраке на фоне белого, почти идеального овала блеснули черные глаза недавней красавицы.

– Осторожней, воин, – добавила смешок в голос женщина. – Не утони, гляючи. Что? Думаешь, чего это жена хозяина заведения таится в собственном доме? В какие игры играет? Переговорить мне с тобой надо. Голос твой услышать. Да и тебе не мешает ко мне прислушаться.

– Почему со мной? – хрипло спросил Дойтен. – Старший у нас – судья Клокс. Дознание ведет обычно защитник Мадр. А я так... Заткнуть, где дует. Подвязать, где рвется. Подай-принеси.

– Я их уже видела, – ответила женщина. – Дважды. Они заслуживают доверия. Но они напуганы. Давно напуганы, но напуганы навсегда. Были напуганы в прошлом, и страх их никуда не делся. Уж не знаю, что в их жизни приключилось однажды, но ты – не такой.

– Не пойму я что-то тебя, – выпрямился Дойтен, потому что черный взгляд постепенно словно прожег дыры в его глазах. – Не боится ничего только дурак.

– Поймешь со временем, – ответила женщина. – Тем более, что на первый взгляд ты не похож на дурака. Ну или не очень похож. Да и лечится дурость-то. Не досадуй, таиться от твоих напарников я тебя не прошу. Хотя, об их страхе разговор с ними не заводи. Страх от разговоров растет, как капуста от полива. Помощь мне твоя нужна. Только такая, о которой ни муж мой ни узнает, ни Клокс с Мадром. Сразу скажу, беспокоиться тебе нечего, предавать никого не придется, чужую постель греть тоже. Всего лишь сделать доброе дело надо.

– А добрые дела тоже тайком делаются? – спросил Дойтен, не в силах разобраться, то ли хмель ему ударил в ноги и голову, то ли голос незнакомки вытаскивает из него душу и наматывает ее на тонкие, но крепкие пальцы, и стал вспоминать лицо, силуэт, запах молочницы из Граброка, чтобы не утонуть в запретном.

– Бывает, что и тайком, – кивнула женщина. – Когда дело требует. Человека одного спасти надо будет. Опасность над ним нависла, да такая, что раздавить может. Не бойся, надрываться не придется. Обнять, да к себе прижать – и довольно. Из виду не упускать. Беспокоиться не о чем, ни прирастет – ни прилипнет. Да и поперек естества ничего делать не придется. Ни сраму, ни бесчестья. Только не жди подробностей пока. Просьбе моей еще время должно подойти. Кто знает, может, и не понадобится твоя помощь. А чтобы тебя это не сильно тянуло, я предупредить тебя хочу. Остеречь. И тебе польза, и мне спокойнее выйдет.

– О чем же? – спросил Дойтен, досадливо поморщившись. Лупоглазый незнакомец с клыком все так же не сводил с него взгляда.

– Странные дела творятся в нашем городке, странные, – сверкнула глазами женщина. – Он ведь уютный и милый, хотя и подземелья под каждым домом, какие водой залиты, а какие и уходят в черную глубину так далеко, что никто их не проходил до конца. Но не в них дело, мы ведь тут много лет горя не знали. Не заплыли жиром, но и ребра друг у друга не пересчитывали. А теперь словно почуяли что-то. Ужас ползет по улицам Дрохайта. И раздается что-то... словно поступь огромного зверя.

– Но вы же у себя дома... – заметил Дойтен. – На острове. Да и стены у вас, что твоя крепость.

– Это так, – согласилась Сничта. – Но это ведь как в лесу. Глубока нора у барсука, не всякий зверь ее сможет отвоевать. Но если медведь провалится в эту нору, в тот же миг не он у барсука в гостях будет, а барсук у него. Понимаешь?

– Пытаюсь, – кивнул Дойтен.

– Вот и ладно, разговор наш недолгим выходит, я еще подойду к тебе, хотя, может быть, не сегодня, – словно сама себе кивнула Сничта. – Через пять минут, как раз наша медовая девчонка придет с подносом собирать блюда с вашего стола, вставай и иди вдоль стойки к лестнице на второй этаж. Но не поднимайся. У ее начала дверь. Не стучи. Толкай и входи. Попадешь в коридор. За ним два воина, они там для того, чтобы за тобой никто не сунулся. Пройдешь по коридору пару десятков шагов до следующей двери. За ней тебя будет ждать Лэн. Там с ним и переговоришь, а потом или я, или Дора, или тот же Лэн проведут тебя в вашу комнату. Другим коридором. И Лэна им же выведут. Или вынесут, если напьется. А теперь... – Она как будто задумалась. – Скажи, откуда в тебе стойкость? По виду-то ни одну юбку не пропустишь. Тебя-то ведь Дойтеном кличут?

Дойтен кивнул, плеснул в рот вина, на мгновение закрыв глаза, не находя в себе никакой стойкости, и тут же понял, что не только глаза или голос женщины вызывали в нем дрожь. Еще сильнее заставляло его замирать что-то другое. То ли едва уловимый запах непреодолимой похоти, то ли гудение натянувшейся между ним и нею струны. И снова оставленная недавно подруга встала у него перед глазами. Голос вот только ее словно выветрился из ушей. Хотя, она-то как раз больше молчала. Или всхлипывала от счастья или от окончания беспросветного горя, разве теперь поймешь?

– Крепкий ты воин, как я посмотрю, – улыбнулась Сничта. – Держись. Похоже, есть соломинка, на которой можно повиснуть. А вот муж мой – Байрел, однажды не устоял. Не перед кем-то. Передо мной. И не жалеет об этом. Двое сыновей у нас, да хранят их боги. Муж мой уже прибыл, кстати. Облился водой, плеснул вина в глотку, сменил платье. Так что сейчас будет говорить с Клоксом. Не тяни шею, Казур уже отозвал старика. Ничего хорошего Байрел судье не скажет, но кое-чем поделится. Плохие новости он привез в город, так что вся надежда на вас. Даже если вся помощь в вашем свидетельстве будет. Но об этом тоже потом. Сейчас я уйду, а пока запомни. Тот лупоглазый, что клыком сверкает и гримасу у тебя на лице лепит, что-то вроде вашего Мадра. Только от Храма Присутствия. Он с этой Алаин. Ее в зале нет. Она опаснее змеи в темной комнате, но и он не подарок, как мне кажется. Его зовут Дуруп. Еще в их компании есть толстяк. Увидишь шрам на правой скуле у чернявого пухлого молодца, которому хочется с разворота нос в лицо вбить, не сомневайся – он самый это и есть. И он, кажется мне, опаснее Дурупа. Его зовут Гирек. Но оба они самой Алаин и в подметки не годятся. Знаешь, чем они заняты в Дрохайте? Обходят город дом за домом, ищут подростков мужского пола, просят показать левую руку. Кому и монету бросают. Но обычно не приходится, этой Алаин... трудно отказать.

– Выходит, – прошептал Дойтен, – что этот нюхач их?

– Не знаю, – покачала головой Сничта. – Еще одного страшного человека хотела показать тебе, но не вижу его. Впрочем, он в трактире и не появляется. Он как бы ни опаснее Алаин и даже всей ее троицы, и, вроде бы не с ними, так как сторонится их, но как будто такой же. Его зовут Дейк. В Дрохайте он уже месяца два, знакомы с ним многие, но никто к нему приглядеться так и не смог, и где остановился – до сих пор неизвестно. Больше о нем ничего не скажу, сам все увидишь и все поймешь.

– Как я его узнаю? – спросил Дойтен.

– Никак, – ответила женщина, поднимаясь. – Он сам к тебе подойдет. Думаю, уже завтра. Знакомиться. Берегись его. Кажется, он ведет какую-то игру. Очень опасную.

– А может я тоже опасный? – ухмыльнулся Дойтен.

– Не думаю, – вздохнула женщина и добавила. – Дурак, все таки, но с этим у вас у всех беда. Даже у этого Дейка. Еще вот что имей в виду... – она как будто задумалась, говорить Дойтену или нет. – Магии в Дрохайте нет, но для того, чтобы лишить человека разума, многого не надо. Можно и без магии обойтись. Кому-то и слова хватит.

«А кому-то и твоего силуэта», – подумал Дойтен.

– Будь осторожнее, – понизила она голос. – И с Алаин, и с ее спутниками, и с этим Дейком, и, кстати, с Фуаром. С ним всегда настороже стоило быть, а в последние недели что-то у него не то в глазах появилось... Муть какая-то. Впрочем, может быть, мне это кажется. Он всегда был равнодушен ко мне, но скрывал это, а теперь словно от оси оторвался...

– Разве к тебе можно быть равнодушным? – усмехнулся Дойтен. – И кто такой этот Фуар?

– Член совета, глава рыбацкой общины, – сказала Сничта. – Большой и сильный человек с темным прошлым. Но не такой сильный, как мой муж. Поэтому он опасен... в безумии, – она замерла на мгновение и пошла прочь, бросив через плечо. – Я не прощаюсь, Дойтен.

«Вот ведь...» – с восхищением подумал Дойтен, провожая взглядом собеседницу и внезапно подмигнул лупоглазому, заставив того злобно оскалиться. У стола появилась Дора.

– Я должна собрать пустые блюда, – кашлянула она. – Хозяйка велела.

– Собирай, – кивнул, вставая, Дойтен и подумал, что сейчас куда лучше было бы упасть в мягкую постель, чем вести разговоры с неизвестным ему сэгатом непонятного храма. – Но вот эту бутылку я возьму с собой. Я что-нибудь тебе должен?

– Старателей Священного Двора заведение обслуживает за свой счет, – поклонилась ему Дора. – И монету, что оставил судья, я тоже положила в общую чашку. Ружье не забудьте, господин усмиритель.

– Никогда, – пообещал Дойтен и ухватился за цевье, довольно повторив про себя: «Господин усмиритель!»

Глава четвертая. Байрел

В какой-то момент Клокс совсем уже было махнул на себя рукой. По молодости время от времени столовался у тимпалских вдовушек, но отчего-то едва ли не каждая из них рано или поздно начинала намекать на поход к алтарю, а в ответ на его недоумение – мол, что тебе без алтаря-то не живется, или давала Клоксу отворот, или начинала тянуть с него монету, а там и заводила кого-нибудь поговорчивее. Одна, другая, третья. Постепенно они становились все старше, а когда однажды Клокс понял, что обычные человеческие радости он может получить только за деньги, ему стукнуло пятьдесят. Тут бы и остепениться, выпросить хотя бы с полгода отдохновения от службы, отыскать кого-нибудь подороже, да помилее, чтобы и на сердце легла, и гладить ее хотелось бы, да привести ее в небольшой домик, который Клокс успел справить на окраине Тимпала, и зажить как две губы на одном лице, но случилась беда в Гаре, которая вывернула наизнанку и самого Клокса, и Мадра, и лишила славную троицу их надежного предводителя – Эгрича. Года на три забыл после Гара о своих планах Клокс, тем более, что сделался судьей вместо Эгрича, и стало ему не до собственной женитьбы. Да и не успел он присмотреть никого, и не сладил бы с собственным выбором, если бы и успел. Просто посмотрел однажды в зеркало, что стояло в алтарной в нижнем храме, и увидел в нем не крепкого сноковского мужичка в судейской мантии, а седобородого деда, пусть и молодящегося изо всех сил. Увидел и понял, что и та, которую он вдруг выберет, тоже увидит в нем деда. И не захотел этого.

С тех пор прошло еще девять лет. И всего двенадцать, как Клокс стал судьей. Многое случилось за это время, но именно те два дела, что пришлось Клоксу вместе с Мадром, но без Дойтена, которого храмовая служба забросила чуть ли не на год все в тот же Нечи, разбирать в Дрохайте, снова наполнили его жизнь смыслом. Не сами по себе, хотя эти два дела как раз не были завершены так, как следовало завершать всякое дело храмового дознания. Просто так совпало. Жена бургомистра – Сничта – оживила Клокса. Хотя поначалу ему показалось, что добила его окончательно. Он видел ее дважды. Сначала весной, когда она вышла к храмовым старателям знакомиться вместе с мужем – Байрелом и двумя сыновьями, один из которых тогда еще держался за ее юбку. Затем осенью, когда попросила Клокса уделить ей полчаса времени для личного разговора. По весне Клокс еще потешался вместе с Мадром шуточкам и слухам про майстру, хотя отметил красоту и ладность жены бургомистра, да и странное жжение в левой стороне груди почувствовал. Он бы, наверное, смеялся бы и осенью, если бы Сничта так же сидела за спиной Байрела, опустив глаза в пол и прикрыв лицо углом тэйского платка, потому что не почувствовал бы так остро занозу, пронзившую его. Но осенью она посмотрела ему прямо в глаза. Она села напротив, окатила его взглядом, разом смывшим с него лет сорок, и заговорила с ним так, как будто знала его все эти сорок лет:

– Прости меня, судья, что решила переговорить с тобой, но этот разговор слишком важен для меня. Может быть, и для всего этого города. Я прошу прощения, потому что знаю, что ты чувствуешь, но ничем не могу тебе помочь. Вот, говорю сейчас с тобой, а мой муж сгорает от ревности, хотя и знает, что я была ему верна и буду верна, пока этот город стоит под солнцем или живы и я, и он, и наши дети, сколько бы безумцев ни хотели разорвать наш союз.

Тогда оцепеневший с первого же ее взгляда Клокс с трудом выдохнул и стал смотреть в пол, потому что смотреть на Сничту и внимать ее голосу одновременно было выше его сил.

– Таких как я называют майстра, – продолжала Сничта. – Так что шуточки обо мне в городе ходят не зря. Но сведения о злых наветах до меня не долетали, а прочие фантазии меня не трогают. И тем не менее я действительно майстра. Глуповато звучит. Все равно как назвать саму себя красавицей. Но это все не про красоту, судья. Или не только про нее. Во всяком случае, так было в моем родном городе, а я пришла в Дрохайт с севера, из Абисса, я из тэи. Так повелось уж тысячи лет, и у нас, и в других краях одна из тысячи девчонок рождается с

внешностью майстры, одна из тысячи рожденных с такой внешностью, обретает ее существо. Хотя, некоторые считают, и я склонна им верить, что зерна этого дара рассыпаются поровну и могут отметить даже уродку, отчего ее уродство странным образом обретает притягательность и глубину. Колдовства в этом нет, сила майстры подобна теплу, которое приходит от солнца, даже когда оно прикрыто облаками, только тепло майстры согревает нутро человека. Порой даже порченное нутро. И тянет к майстре не потому, что с ней хорошо, а потому что плохо без нее. Поэтому я мало с кем общаюсь. Хорошо хоть, что в Дрохайте никто не обвинит меня в колдовстве. Но я пришла поговорить с тобой не для того, чтобы предупредить о боли, которая поселится в тебе после знакомства со мной. Я пришла поговорить с тобой, потому что эта боль горошина в корзине той боли, которую ты носишь в себе и без меня.

– Мне многое пришлось пережить, – с трудом произнес тогда Клокс.

– Ты не пережил, – чуть сузила взгляд Сничта и кивнула сама себе, как будто разглядела что-то. – Но не сдался. Я это вижу. И не сдашься даже перед лицом смерти. Хотя глупостей можешь наделать. И твой приятель – Мадр – не сдастся. Но он – сломается. Запомни мои слова.

– Предаст? – прохрипел Клокс.

– Только самого себя, – прошептала Сничта. – Поэтому и сломается, что не сможет жить с этим. Или еще как-то. Это я вижу смутно.

– Как ты можешь видеть? – спросил Клокс. – Ведь у магии в Дрохайте нет силы.

– Это не магия, – покачала головой Сничта. – Разве еще мальцом ты никогда не рассматривал на солнце собственную ладонь? Никогда не прижимал ее к стеклу масляной лампы? Не видел проникающего через мякоть света? Разве это магия? Так и я. Если я способна согреть твое нутро, почему я не могу приглядеться к нему? Разве магия тонкий слух или зоркий взгляд? Доброе сердце или душевное тепло?

– И ты только из-за этого решила лишить меня покоя? – спросил Клокс.

– Нет, – она позволила себе улыбнуться. – Я должна тебе сказать, что беда, которая живет в тебе, и которую ты пережил несколько лет назад вместе с Мадром, повторится. И повторится не раз. Но не в Дрохайте. Где – не знаю. И не знаю, сможешь ли ты пережить ее снова. Мадр – вряд ли. Но то, что происходит в нашем городе, – является частью прошлой беды и частью беды будущей. Оно подобно нитям, соединяющим их. Понимаешь меня? Постарайся понять, потому что я и сама не очень понимаю то, что так явственно ощущаю. И если понимаешь, не забывай об этом.

– Ты все-таки ведьма, – с трудом растянул губы в улыбке Клокс.

– Не более, чем все женщины, – улыбнулась она в ответ и поднялась, давая знак, что разговор окончен.

– Зачем ты так со мной? – застонал тогда Клокс, который в то самое мгновение понял, что если даже и увидит еще раз Сничту, никогда не будет так близко от нее. – Зачем ты дала мне возможность ощутить тебя? Зачем мне эта боль?

– Это не боль, – ответила она, прежде чем оставить судьбу. – Это счастье. Ты поймешь.

Клокс понял. Он это понял уже той же осенью, вернувшись в Тимпал, но заехав через несколько лет уже вместе с Дойтеном в Граброк и получив там известие о беде в Дрохайте, понял еще раз. Понял, что все эти годы жил с ощущением счастья, которое однажды обратило на него взор. Святые угодники, как мало ему, оказывается, надо было, чтобы встретить старость? Или же эта боль никакое не счастье? Отчего же она так сладка?

Узнав, что Сничта хочет переговорить с Дойтеном, он даже и не думал ревновать усмирителя к ней. Как не думал ревновать к ней и Байрела. И ее детей. И главу общины рыбаков Фуара, который по слухам тоже сходил с ума от Сничты и слыл бешеным из-за этого или еще по какой причине. И весь этот город. Дрохайт был отдельно, она была отдельно. Правда, сам Клокс был бы готов отдать жизнь за звук ее голоса или взгляд, но слишком ясно осознавал, что

цена его жизни в сравнении с ее взглядом и голосом подобна горсти мелкой монеты, которая оскорбительна и неуместна. Поэтому он встал из-за стола, чтобы не встречаться с нею еще раз, да и с Райди в самом деле стоило переговорить, хотя и голова уже гудела, и в глазах поднималась какая-то муть, и колени дрожали и отзывались ноющей болью при каждом шаге.

«Старость, – подумал Клокс, наткнувшись на взгляд одутловатого зеваки, из-под губы которого торчал клык, и тут же добавил про себя. – Но лучше такая старость, чем вот такая молодость. Майстра, мать ее...»

– Господин судья, – прямо перед Клоксом образовался взмыленный остроносый чернявый мальчишка. – Я Казур. Здешний слуга. Господин хозяин с отрядом прибыли. Ждут вас у себя. Как и раньше. В его комнате. Я отведу вас. Райди уже там.

– Не нужно меня отводить, – пробурчал Клокс, чувствуя, что недавний его хмель как будто развеялся или обратился в усталость. – Я помню, где покои твоего хозяина. Ты лучше скажи меня, парень, что это за... человек был? Я про того, что в капюшоне. Которого убили. Ты же, вроде, подавал ему что-то?

– Жаркое, – внезапно побледнел мальчишка, словно пережитый ужас нахлынул на него снова. – Но он рассчитался. Монета в монету. Только я не видел его... лица. Он в капюшоне был. И говорил вроде как человек. Да ему все подавали. Он три дня у нас пробыл. Или четыре. Все к нему подходили.

– Тогда чего ж ты трясешься? – прищурился Клокс. – Или видел его потом? Или он тебя за руку укусил?

– Не видел, – прошептал, поежившись, Казур. – Из наших только Дора видела. Но она отчаянная. У нее отец был охотником. И за руку меня этот... нюхач не кусал...

– А что же тогда? – сдвинул брови Клокс.

– Он нюхал! – вытаращив глаза, прошептал Казур. – Каждого! Вот так!

Мальчишка наклонился к рукаву Клокса и несколько раз с шумом втянул в себя воздух.

– И еще от него пахло псиной.

Когда Клокс, как когда-то, вновь вошел под черные своды личных покоев Байрела, он сразу подумал, что их хозяин нисколько не изменился за последние годы, как не изменились тяжелые ковры на каменных стенах и сундуки с неведомым скарбом, стоящие вдоль стен. Байрел был все тот же. Разве что немного обрюзг, но это касалось только его лица. Рубаха почти трещала на могучих плечах, седина в волосах даже при свете масляных ламп блестела гордым серебром, взгляд был таким же твердым, как и кулаки бургомистра, которые лежали на отполированном мраморном столе и отражались в его глади словно две увесистых головы. Кто бы мог подумать, что они были ловки как и в обращении с тяжелой дубиной, так и с тонкими ножами для разделки мяса или овощей? Хотя, кто сказал, что таланты Байрела исчерпывались умением сражаться и вкусно готовить? Ведь когда Сничта стала его женой, он не был владельцем трактира, а подвизался в его кухне третьим поваром. А его младший брат Дилб носился по залу с подносом, как теперь носится тот же Казур. Сейчас, как и в прошлые приезды Клокса в Дрохайт, бургомистр и хозяин трактира Байрел сидел за своим столом вместе с подростками сыновьями и постоянным спутником и советником Фуаром, чтобы там ни говорили в городе о страсти последнего к Сничте или его бешеном нраве. Скорее всего по случаю приезда храмовых старателей кроме них за этим же столом сидел и как будто окаменевший Райди.

– А вот и господин судья, легок на помине, раздери его демон, – поднялся со своего места столь же широкоплечий, как и бургомистр, только светловолосый с залысинами Фуар, привычным движением погладил затейливую резную рукоять ножа на поясе и, с язвительной усмешкой подмигнув Клоксу странным черным глазом, проследовал мимо него прочь из покоев.

– Все, как я сказал, – повернулся к сыновьям – старшему, как будто похожему на него самого – Тусусу, и младшему, чем-то напоминающему мать – Типуру, Байрел, но сам встал со своего места только тогда, когда они удалились.

– Ну, здравствуй, старый знакомый, – слегка прихлопнул он по плечу Клокса, чтобы и почтение отметить, и не зашибить ненароком важного храмовника, который был ниже его самого почти на полторы головы. – Садись. Сейчас Дора принесет нам выпивки. И не хмурься, я знаю, что ты уже перекусил, настаивать не буду. Но разговор без хорошего вина, как тележная ось без смазки. Скрипеть будет.

– Я уже давно скриплю, – кивнул Райди Клокс, усаживаясь напротив Байрела. – Тут уж смазывай, не смазывай, все одно. Но и скрипеть можно с толком. Что это с твоим другом? Показалось мне, что Фуар как будто не в себе.

– Есть такое дело, – помрачнел Байрел. – После того, что мы увидели недавно, мы, правда, все не в себе, но с Фуаром это уже месяца два. Хотя, признаюсь, мне никогда не приходило в голову назвать его другом. И все же с ним что-то творится. Кто-то говорит, что он напивается каждый вечер, кто-то, что дышит всякой дрянью, я разбираться не собираюсь. Знаешь, даже сталь устает со временем. Ее бы убрать в ножны, но не всегда есть на примете подходящие.

– Нет ножен, так можно и в тряпицу клинок завернуть, – крикнул Клокс. – Ладно. Что мне до Фуара? Что хочешь рассказать мне ты, бургомистр?

– Напомни мне, судья, зачем ты приезжал сюда в прошлые годы? – попросил Байрел.

– Так это у нас вечер воспоминаний намечается? – удивился Клокс. – Или сам забывать стал? Четыре года всего прошло.

– Нет пока, но ты ведь всегда славился умением сжать любую суть в несколько слов? – усмехнулся Байрел.

– Что ж, – нахмурился Клокс. – Давай попробую. Два дела у меня было в Дрохайте. В один и тот же год. По весне и по осени. Приезжал я, считай, только с Мадром, хотя повелением Аты вон Райди был отдан нам в помощь.

– Я помню, – кашлянул Райди.

– Ну так и дела-то были пустяковые, – погладил мраморную столешницу Клокс. – Необычные, да. Оттого и храмовых старателей прислали сюда. Но ничего же не случилось особенного? По весне в Дрохайт явились несколько имни. Одного привели в наморднике и на поводке, как пса, еще пара пришла в человеческом облике, вот они и пытались перекинуться ночью у трактира. Проверяли, влияет ли умаление колдовства на оборотней. И, как потом говорил один из имни, проверяли, является ли сама их способность магией.

– Однозначного ответа на эти вопросы так и не получили, – проскрипел Райди. – Никому не удалось перекинуться у трактира. И тому, что пришел в город псом – тоже. Если ты помнишь, тогда мы решили, что магией является сам миг перекидывания, а пребывание имни в любом состоянии – уже не магия, а значит оно естественно и не противно природе Талэма.

– Ты сейчас хочешь это дело к нюхачу привязать? – спросил Клокс.

– Что ты, – замахал руками Райди. – И в голову не приходило. Просто вспоминаю наши разговоры.

– Да, было что-то такое, – согласился Клокс. – Но разговоры остались разговорами. Трудно судить о влиянии Дрохайта на то, что мы и без Дрохайта не можем толком определить. Да и как тут получишь однозначный ответ, если потом один имни был убит, а двое оказались в подвале у Райди в кандалах?

– Где и дожидались прибытия храмовых старателей, – заметил Райди. – Получили три дня допросов, а затем конвой до Тэра, где их отпустили. Однако кое-что мы узнали.

– Угу, – мрачно кивнул Байрел. – То, что и раньше знали. Что в Дрохайте магии нет, а в двух сотнях шагов – на Черном камне или, как у нас говорят, на Вонючем островке – магия уже есть. И на пльвуне так же. И закончилось бы это дело смертоубийством десятка скорня-

ков, потому что имни оказался диким, если бы там не стоял сарай Лэна, который и прибил перекинувшегося обычной мешалкой для кож. А второго имни, что стал там же человеком, а так же его подельника, что передумал перекидываться, притащил обратно в Дрохайт.

– В наморднике, на поводке и без портов, – добавил Райди. – Того, что перекинулся из пса. Другого Лэн просто связал.

– И что же не так? – прищурился Клокс. – Что тебе еще было нужно?

– Мы так и не узнали, кто послал их сюда, – постучал кулаком по столешнице Байрел. – Или ты поверил, что их привело сюда собственно любопытство? То же самое было и с колдуном, который явился в Дрохайт под видом рыбака в середине осени. И если бы Фуар не хватился своей кошки, нам бы и до сих пор было бы неизвестно, что на крыше моего трактира этот рыбак нарисовал черный круг и расчерчивает его кошачьей кровью!

– Если бы еще Ийле не подсказала, где искать место ворожбы, – скорчил гримасу Райди.

– Ийле? – не понял Клокс. – Та ведьма, с которой мне не удалось увидеться в прошлый раз? Разве Фуар не сам нашел место колдовства?

– Тимпал слишком далеко, – развел руками Байрел. – Пока вы к нам добираетесь, всякие мелочи забываются. С чего бы это Фуар полез бы на крышу? Еще и вымазался там и в крови, и в саже одновременно!

– Все верно, – кивнул Клокс. – Самое сильное колдовство всегда связано со смертью и кровью. А вот сажа вовсе необязательна... Но если не смахивать ее с кровли столетиями, то трудно не вымазаться. Кстати, твой Дрохайт остался неязвим. Его не пробила и эта ворожба. За кошку, насколько я знаю, колдун этот заплатил Фуару отступного, которого тот и за лошадь не выручил бы, а...

– А в Тэре, куда мы его отправили, колдуна тоже отпустили, – заметил Байрел. – И мы тоже не узнали, кто его послал.

– Он же сказал, что просто решил проверить странность этого места, – заметил Клокс. – И ярлык на колдовство у него тоже был. Я ничего не путаю?

– И ты ему поверил? – удивился Байрел. – Может быть, ты думаешь, что в этом ярлыке и его подлинное имя было указано? А сажа? Сажа, Клокс! Сажа! Ее смывают дожди, она сползает зимой вместе с пластами снега. Поднимись на любую дрохайтскую крышу, нет там никакой сажи. Неслучайно она оказалась на моем трактире. Я тут переговорил летом с одним... мудрым человеком. Описал то, что произошло четыре года назад. Он сказал, что, скорее всего, это все забавы колдунов Черного Круга. Сказал, что прошупывали нас. На излом. И еще будут прошупывать. Слышал о таком?

– Слышал, – ответил после долгой паузы Клокс. – Но тебе-то чего бояться? Об этом Черном Круге годами ничего не долетает. Да, слухи приписывают его колдунам разное. Кто-то говорит, что сильнее их никого нет в Ардане, кто-то, что они наследники самого Олса, известного некогда под именем Мэйлас и умаленного Святым Нэйфом одна тысяча двести семьдесят семь лет назад, кто-то – что они мастера черной магии, которые не испрашивают у королей ярлыки на право мелкого колдовства. Но где они, эти колдуны? Где их колдовство? Это страшные сказки, Байрел. Но даже если в них и есть крупицы истины, есть следы черной магии, твой город ей в любом случае не подвластен.

– Окрестности мои ей подвластны, – проворчал Байрел.

– И что же случилось в твоих окрестностях? – спросил Клокс. – Какие новости?

– Новости? – переспросил, нахмурившись, Байрел, сунул руку под стол и сыпанул на мраморную столешницу горсть шипов. – Вот мои новости! На десять лиг дорога этой пакостью усыпана! Мы целый день ее в мороженую траву заматали! У тебя они другие? У тебя, какие новости, Клокс? Что случилось с Глайном? На месте его дома я нашел горячее пепелище. И ваши следы в сторону Дрохайта.

– А что, других следов там не было? – спросил Клокс.

– Нет, – скрипнул зубами Байрел. – Возле дома – нет. Так же как и у выжженного дотла острога и поселка угольщиков. Все замечено. Еловыми ветвями.

– Выжженного дотла? И деревня тоже? Святые угодники... – осекся Клокс. – Но разговор ведь был только про...

Клокс провел ладонью себя по горлу.

– Про нож? – переспросил Байрел. – Было такое дело. Но ножом дело не закончилось. Все сожжено, судья. Я же ведь не только по дурным вестям, на дым туда отправился. И думаю, что палили дома и острог неспроста. Но тоже замели за собой следы. Зачем? Что изменили бы их следы у пожарщика?

– Ты бы мог узнать, сколько их, – задумался Клокс. – Узнать, откуда они. Узнать, кто они. В отдалении следы проявлялись?

– Ну, я не черный егерь, чтобы так следы читать, – хрустнул кулаками Байрел, – но допустим. Были еще следы волчьей стаи. Но странной. Как будто с волками шли медведи... Впрочем, я не уверен. А что насчет Глайна?

– Вопросов больше, чем ответов, – пожал плечами Клокс. – С дороги нас спугнули эти же шипы. Через лес вдоль ручья мы продрались к Глайну, чувствуя за собой слежку. Вместо Глайна напоролись на огромного здоровяка выше тебя на голову. Он представился новым егерем Крабой, хотел нас зачаровать, да вот, как видишь, мы устояли. Имни он оказался. Причем, кажется, именно медведем. Не успел перекинуться. Пристрелили мы его. Тогда и Глайна нашли. В котле он был. Выварен до костей. Вот, – Клокс бросил на стол к шипам егерский перстень.

– Вот как выходит? – помрачнел Байрел. – А я ведь рассчитывал на Глайна. Это все?

– Вроде бы, – задумался Клокс. – Шаги вокруг дома слышали. Разговор у нас был через дверь с главарем той шайки, которая после нашего ухода дом сожгла. Тогхаем он представился. И знаешь, что интересно, а ведь ему тоже нужно было узнать подробности того, что произошло в Дрохайте. Так что, возможно, этот нюхач из их шайки. Из стаи, как ты говоришь.

– И чем же, позволь мне узнать, этому нюхачу мог содействовать сожженный острог и деревня? – прошептал, наклонившись к столу, едва не ударив кулаком по разбросанным на мраморе шипам Байрел. – Больше ста человек убиты! У всех, кого мы нашли на пепелищах, перерезаны глотки! У тех, кто не сторел полностью! А там ведь не только стражники Сиуина обитали! Там были и обычные трудяги. Их жены. Дети, мать твою!

– Давно уже умерла моя мать, – прошептал Клокс, сдвинув брови. – Так что не поминай ее лучше, Байрел. То есть, глотки не только стражникам... Подожди, я что-то должен вспомнить... Вы же отправили известие о нападении на острог в Тимпал? Или в Сиуин? В Тэр? У вас же большая голубятня!

– Голубей больше нет, – подал бесстрастный голос Райди. – Голубятня разорена. Голуби все подавлены. Никто ничего не видел. И произошло это сегодня рано утром. Но ты не дергайся, судья. Твой Мадр уже и этим занимается. Въедливый он, каких мало.

– Был бы еще толк... – пробурчал Байрел.

– Был бы еще толк, – кивнул Клокс, пытаясь понять, почему окатило его холодом, когда он услышал о сожженном остроге и деревне... – Подожди, было же что-то похожее...

– Я послал троих всадников по сиуинской дороге, – процедил сквозь зубы Байрел. – Разрешил им загнать лошадей. До ближайшего острога, как ты знаешь полторы сотни лиг. Там малая дружина должна быть. Послал троих всадников и по тэрскому тракту. В устье Чиды – граничный тэрский дозор. Думаю, что помощь придет. Не то, чтобы я боялся кого-то, хотя такого не грех и испугаться, но в такой беде мне нужно ясно дать понять и Сиунину, и Тэру – Дрохайт против этой крови!

Скрипнула дверь, застучали башмаки Доры, и рыжая, пыхтя от старания и распространяя медовый аромат, водрузила на стол поднос, с которого тут же стала снимать бутылки с вином,

блюда с пластами соленой стеклянной рыбы, усыпанными пряностями хлебцами и плошки со сливовым соусом. Весь стол заставила! Как только не надорвалась девчонка?

– Не бережешь ты деток, – усмехнулся Клокс.

– Ты что-то пытался вспомнить, – напомнил Клоксу Байрел. – Что похужее? Нож, что ли, где-то летал и глотки вскрывал?

– Не совсем, – покачал головой Клокс. – Но было нечто похужее. Насчет ножа не знаю, может и летал. Свидетелей-то не осталось... К нам в храм вести обо всех необычных происшествиях приходят. Мы, конечно, отправляемся в путь не часто, только по делам, связанным с магией, но магия-то не всегда следы оставляет. Значит так... Ну точно... Кажется, где-то по весне подобный ужас случился в Фионе. В какой-то деревне в окрестностях городишки Слаута.

– Под две тысячи лиг от нас на юго-восток, – подал голос Райди, кивнув с благодарностью Доре, которая подхватила поднос и побежала прочь.

– Точно так, – кивнул Клокс. – Деревенька на два с лишним десятка домов на краю Лиственной топи. Трактир. Кузница. Несколько мастерских. Все было сожжено в один день. Все трупы, что не обратились в уголь, имели рассеченное горло. Причем, других ран или следов борьбы на их телах не оказалось. Так или иначе – нашли останки ста трех жителей из ста четырех, которые были в учете у деревенского мытаря.

– Так может этот сто четвертый и сотворил все это непотребство? – спросил Байрел.

– Вряд ли, – прошептал Клокс и посмотрел в глаза трактирщику. – А ведь не нашли останки мальчишки. Лет девяти или десяти. Только имени я его не помню. Знаю только, что он был то ли приживалой, то ли помощником у местного кузнеца. Мадр должен помнить. Мы еще дивились тогда, изучая это донесение, зачем подобное было сотворено? Там же не украли ничего, все сожгли. Может, в трактире какого разбойника оскорбили, тот и вырезал всю деревню? Подожди. Мальчишка же!

– Мешок у нюхача! – откинулся к стене Байрел и подхватил одну из бутылей. – Неумело выкованный меч! Чтоб я сдох!

– Не спеши с этим, – проскрипел Райди, поднимаясь и расставляя кубки. – Я о «сдох», если что.

– Однако, слишком далеко... – заметил Клокс. – И чего этому парню здесь делать? Но даже если все дело в мальчишке, зачем все эти смерти? А голуби? Голубей зачем давить?

– Чтобы вести ненужные не летели никуда, – скривился Райди. – Затем и шипы. Но вести не удержишь, так что... отсрочка. Выигрыш времени.

– Но что он здесь забыл? – хлопнул ладонями по столу Клокс.

– А Стебли? – спросил Байрел. – О Стеблях помнишь? Приют Окаянных!

– Уже окрестили, – почувствовал азарт ловца Клокс. – Почему Окаянных? Убогих, сирых, несчастных, но окаянных? Ладно. Я знаком со старшим смотрителем Стеблей. Он же из нашего Храма. Из Тимпала. Брайдемом его зовут. Ну да, с этого года собирает толковых сирот со всей Арданы, чтобы учить их уму-разуму, сам Ата благословил его, но вроде с лета уже набрали всех, кого хотели?

– От Слаута до Рэмхайнских гор далеко, – заметил Райди. – Мальчишка мог и задержаться...

– Брайдом как раз и был у меня тут, – сплел пальцы Байрел. – В середине лета. Вместе со своим приказчиком. Синай его имя. Ударил с ним по рукам по поставкам рыбы. Оставил задаток, так что буду через месяц снаряжать обоз. Брайдом заказал много рыбы. Сказал, что у него полтора десятка детишек, которые растут, причем некоторые из них никогда не ели досыта, а через год их будет больше. Да и теперь примут всякого, кто доберется. И взрослых десятка три. Ну, это охрана, наставники, слуги. Предупреждал о беде, которая может исходить от колдунов Черного Круга, хотя никто и не знает, где их гнездо. Сказал, что их заведение для этих колдунов как бельмо на глазу! Просил, чтобы я выручал детишек, если будет кто

пробиваться к нему. Вроде бы эти черные колдуны тоже прочесывают Ардану, собирают детей для своих черных дел. Все ясно. Мальчишка в Дрохайте. Я в этом уверен. Затем и нюхач был нужен, магией его здесь не сыскать. Причем, я думаю, что он здесь уже с лета, если не раньше.

– И чего он ждет? – спросил Клокс. – Всю жизнь собирается здесь просидеть?

– Не знаю, – сдвинул в сторону шипы Байрел. – Но теперь город окружен, в одиночку не выбраться. Да и не в одиночку тоже. Понимаешь, что это значит?

– Что ценность мальчишки очень велика? – спросил Клокс.

– Именно так, – кивнул Байрел.

– Думаешь спасти его и выбить хороший куш из Брайдема? – спросил Клокс.

– Я людьми не торгую, – напряг скулы Байрел. – Но и вставать против Черного Круга мне тоже не с руки. Тут на окраине мне никто не поможет. Королевские дозоры придут и уйдут. А я останусь. Скажи мне, судья. Что случилось двенадцать лет назад в Гаре? В год, когда сменился Ата на Священном Престоле. Ты же был там? Брайдем мне сказал, что прежний Ата – председатель Священного Престола был убит обезумевшим Эгричем. Судьей. Таким, как ты теперь. Что случилось в Гаре?

– Зачем тебе знать это? – осипшим голосом спросил Клокс и схватился за край стола, чтобы не завалиться, не сползти со скамьи, не упасть на пол – так вдруг потемнело у него в глазах.

– Брайдем сказал, что именно там началась новая беда, – прошептал Байрел. – Подобная той, от которой однажды нас всех спас святой Нэйф. Беда, которую выращивают колдуны Черного Круга. Время пришло. И еще он сказал, что детишки, которых они собирают в Приюте Окаянных, как раз и предназначены для того, чтобы устоять, когда новая беда войдет в полную силу. Тебе не кажется, что если этот мальчишка один из таких детей, то многое начинает сходиться? Но только в том случае, если он первый среди прочих. Или еще какую тайну имеет.

– Двенадцать лет назад в Гаре был совершен обряд, – заставил себя произнести Клокс. – Жертвоприношение. Несколько людей и одного имни высшего ранга. Для того, чтобы призвать демона. Возможно, этот обряд удался. И демон вселился в Эгрича. Это все, что я могу сказать.

– Значит, Предстоятеля Храма убил демон? – спросил Байрел. – И что же? Он с тех пор разгуливает по Ардане?

– Ты бы спросил об этом Брайдема! – прошипел Клокс. – Он присутствовал и при убийстве старого Аты, и при избрании нового!

– Олс это сделал, – подал голос Райди. – Это даже я знаю. Он назвался Олсом. Тот, кто убил святого Нэйфа, распятого на колесе и доставленного в Тэр одна тысяча двести семьдесят семь лет назад, тот вернулся. Вселился в Эгрича и сразил старого Ату. Называй вещи своими именами, Клокс.

– Я не могу говорить с уверенностью о том, в чем не уверен, – прошептал Клокс.

– Да хранят нас боги, – опрокинул кубок Байрел.

– Воистину, – взялся за кубок Райди.

– Твою мать... – взъерошил седую бороду Клокс. – Это все новости? Что я еще должен знать?

– Тебе виднее, судья, что тебе нужно знать, – пожал плечами Байрел. – Но новости спешат и наступают на пятки друг другу. Того паренька, что рассказал о происшедшем в остроге, нашли сегодня повесившимся. Кстати, в голубятне. Дилб сейчас занимается этим. Убитый рыбачок на севере Дрохайта, которого нашли у двух башен, имел при себе такой же мешок, как и нюхач. И был он не один. С приятелем пришел в город. Так вот, приятеля этого нигде нет. Пропал. И сам рыбачок убит... странно.

– То есть? – не понял Клокс.

– Маленьким ножом, – объяснил Байрел. – Точно в загривок. Фуара по молодости помогало по свету. Не в самых добрых краях он вырос. Говорят, что он и теперь может так срезать кошель с твоего пояса, что ты только к вечеру это заметишь. Думаю, что грехов на нем столько, что лучше не начинать отмаливать, чтобы какая-нибудь часовня не почернела и не обрушилась. Но тот, кто многое пережил, тот многое видел. Так вот по описанию Фуар сказал, что не охотничий это нож. Это нож, который бросают с полсотни шагов. И он точно входит туда, куда его бросили. Это оружие убийцы.

– Где этот нож? – спросил Клокс.

– Не знаю, – развел руками Байрел. – Кроме описания, да еще с чужих слов, ничего не осталось. Лодочник, который нашел труп, выбежал на улицу, увидел знакомого, послал его ко мне. Сказал ему, что труп валяется у воды с одним ухом, вместо другого застарелый шрам. По этому шраму, его, кстати и вспомнили. В руке у трупа странный мешок с белым шнуром, в загривке еще более странный нож вроде как без рукояти, один стальной шарик на ее месте диаметром в палец. Мол, накрыл сетью и ждет бургомистра. Но когда мы примчались, трупа уже не было.

– Как это объяснил лодочник? – спросил Клокс.

– Никак, – усмехнулся Байрел. – Пропал вместе с лодкой. Впрочем, ее хватились лишь на второй день. Как тебе это? Уже понимаешь, что все здесь не так гладко, как хотелось бы?

– С Алаин... – вспомнил Клокс. – С бабой этой говорил?

– После возвращения – еще нет, – задумался Байрел. – Но ты знаешь, мне кажется, что она с ними.

– С кем? – не понял Клокс.

– С ними, – повторил Байрел. – С теми, из Тэра, кто отпустил тех имни, кто отпустил того колдуна. Четыре года назад. Она же из Тэра? А что если она и послала этого нюхача? Что если она идет по следу мальчишки? И эти двое с мешками тоже ее? Не только эти два уroda, что бегают за ней и пугают горожан своими осклизлыми рожами.

– И она же убила тех, кого послала? – удивился Клокс. – Пусть даже одного из них. И лодочника? Она ведь от Храма Присутствия? Не слышал я, что он интересуется одаренными сиротами. Впрочем, я и о храмовых старателях из этого храма не слышал. Или она для кого-то другого старается?

– Слишком сложно, – нахмурился Байрел. – А если мальчишку кто-то прикрывает? Может, кто-то от Брайдема?

– Нет, – замотал головой Клокс. – Он не такой.

– Да, – задумался Байрел. – Он мне тоже показался не таким. Знаешь, просто радость охватывает, когда встречаешь честного человека. Жаль, редко радоваться приходится. Зеркало, что ли, купить?

– Я б тебе свое дал, но в нем у меня уже есть один честный человек, – проскрипел в ответ на смешок Байрела Райди, заставив улыбнуться и Клокса.

– Оставь себе, – отмахнулся Байрел. – Мне только твоей рожи не хватало. А если без шуток, то тягостно на сердце. Нет причины для радости. А когда вроде и повод есть, беда какая-нибудь радость перебивает. Есть ведь еще одно. Мы же не знаем точно, о ком идет речь. Может, мальчишка, о котором мы тут подумали, давно уже умер, отполз от той деревни и истек кровью. А здесь кто-то другой. Или еще пуще того – именно он здесь, где магия ему не грозит, но он и понятия не имеет о Приюте Окаянных, и вообще туда не собирается. Может, он пришел в Дрохайт, как в единственное место, где ножи не летают и не режут горла людям! Как тебе это?

– Сколько у тебя ребятишек в Дрохайте? – спросил Клокс.

– Мальчишек – под сотню, – задумался Байрел. – Таких, чтобы от сиськи уже оторвались, штаны умели надевать и башмаки шнурить. Мне доносят, что Алаин уже всех обошла. И никто ее не устроил. Девчонок – человек двадцать, но за ним тут особый пригляд. Да их она и не

проверяла. В трактире – четверо парней и Дора. Из них двое парней и девчонка прибыли не так давно. Но, вроде бы, никто из них не подходит под эту историю.

– Однако, этот нюхач проводил время в твоём трактире, – заметил Клокс. – И убит был здесь же.

– Вот и разбирайся, – выпрямился Байрел. – Ты же должен свести концы с концами? Надеюсь, мудрость тебе не откажет, когда будешь сводить. Ох, чую я, что ещё надует мне горя со стороны этого Приюта Окаянных.

– И что ты собираешься делать, Байрел? – спросил Клокс.

– Ничего, – ответил Байрел. – Сказал же уже, что я слишком уязвим. Самое большее, на что я способен, не помогать им найти мальчишку. Да присматривать за собственными детьми. Старший, кстати, как видишь, возмужал. Мечтает служить при Священном Дворе. Быть вроде твоего Мадра. Или этого, нового... как его...

– Дойтена, – сказал Клокс. – Но он уже не новый. Он с нами почти сразу после Гара.

– Для меня новый, – отмахнулся Байрел. – Может у Тусуса с этим срастись?

– А тебя не пугает, что выбор его будет конечным? – спросил Клокс. – Ладно, демон с ним, что на один день работы приходится дней десять пути. Что толком семьей не обзаведешься. Что не озолотишься и славой себя не покроешь. Об опасностях не говорю, но и их хватает. Но главное в том, что пробьется он в такую вот троицу, которых, кстати в храме всего то две, то три, а дальше? Это же навсегда, Байрел!

– Это его выбор, – твердо сказал Байрел. – Значит, я должен ему содействовать. Тем более, парень хороший. Ручаюсь я за него.

– Сделаю, что смогу, – пожал плечами Клокс. – Доброе слово – донесу. Но он ведь должен быть не только хорошим, но и особенным. В крепости духа, в стойкости, во внимании.

– Он такой и есть, – ударил кулаком по столу Байрел. – Не сомневайся. А если чего не хватит, подтянет. Ты пойми, мне не важно, какой он путь выберет, важно – каким он станет и куда доберется.

– С этим не поспоришь, – согласился Клокс. – Ну так разные пути не только к разному приводят, но и разных являют. Как твой младший? Я вижу, подрос он?

– Подрос, а ума пока не нажил, – покачал головой Байрел. – Одни девчонки на уме. А девчонок в Дрохайте мало. Так вот он хвостом за Дорой вьется. Как муха на мед. Как будто не видит, что она еще ребенок. Даже как-то волю рукам дал. Так она его едва не покалечила!

– Причинное место пыталась оторвать? – усмехнулся Клокс.

– Куда ей думать о причинном месте, – отмахнулся Байрел. – Доску разделочную схватила и о глупую башку переломила. Хорошо хоть доска оказалась разошедшейся. Ничего, все на пользу пойдет.

– Сколько ей? – спросил Клокс. – Девять? Десять? Одиннадцать? По виду – еще два-три года, и уже не ребенок. Может, поговорчивее станет?

– Он с ума сойдет за два или три года, – усмехнулся Байрел. – Или найдет еще кого-нибудь. Думаю его в Тэр отправить, пристроить в стражу или еще куда.

– Имни в Дрохайте есть? – спросил Клокс.

– А кто их знает? – поднялся Байрел. – Я жителей на породы не разделяю.

– Колдуны? – сдвинул брови Клокс.

– Если и есть, то подтираются своими ярлыками, – ответил Байрел.

– С детьми, что работают в твоём трактире можно переговорить? – спросил Клокс. – Родственники у них имеются?

– Только у девчонки, – задумался Байрел. – Да и то вряд ли... Остальные – чистые сироты. Пригреваю всех, кто добирается до города. Считаю, что я так пытаюсь искупить свои прегрешения перед святым Нэйфом, или кто там хлопочет за нас перед небесным престолом? Хотя, когда смотрю на эту Дору, жалею, что нет у меня дочери. Как бы она ни свихнулась в поисках

то ли своего родственника, то ли друга семьи. Не знают тут такого охотника – Гантанаса. Так она вроде имя назвала? Я наводил справки.

– А ведь я где-то слышал это имя, – задумался Клокс. – Но что-то не могу вспомнить, где.

– Имя редкое, – согласился Байрел. – Вспомнишь, скажи ей. Знаешь, если бы меня спросили, получится ли из моих служек хоть один воин, я бы на эту Дору и показал бы. Но переговоры сначала с моим старшим. Он за детишками присматривает. Расспрашивал их обо всем. Если кто что и знает, то только он.

– Что еще можешь посоветовать мне? – спросил Клокс.

– С Ийле поговори, – понизил голос Байрел. – Конечно, если она захочет с тобой говорить.

– С той, что Фуару подсказала, где его кошку искать? – не понял Клокс. – С ней-то о чем? Она же не была на месте убийства.

– Я с ней всегда советуюсь, – пожал плечами Байрел. – Хотя она и мне не всегда дверь открывает. Порой слова не вытянешь, но если уж скажет что – так на вес золота. Кстати, я даже включил ее в совет старейшин. Она давно в Дрохайте, а откуда и почему, я даже узнать не пытался. Вроде до нее какой-то старик жил в ее башне. Но она и сама, как... старик. Мудрость под подол не спрячешь, сам сразу почувствуешь. Уважают ее в городе. Правда, не ходит она на совет, жена моя за нее шкурку в корзину бросает с ее письменного согласия. Старики говорят, что в ее башне только такие и приживаются. С виду-то баба как баба. Но очень уж непроста. Может, и колдунья, разве определишь здесь у нас? И переломы вправляла, и лихо всякое травами лечила, и мозги в порядок приводила, кому надо. Не так давно какую-то девку чуть ли не полгода выхаживала у себя, если не дольше. С пониманием она. Вот только за Фуара не взялась, сказала, что из дерьма многое можно вылепить, да только проку с того не будет, позолотишь, а на полку не выставишь, в нос будет шибать. Непростая у нее судьба, перекосило, говорят, ей голову, случилось с ней что-то в прошлом. Поговори с ней. Сничта мне сказала, что ты должен поговорить с ней.

– Сничта? – с трудом произнес Клокс.

– Да, – кивнул Байрел, пронзая судью тяжелым взглядом. – Лишь она толком и общается с ней. Ну, еще больные и хворые.

– Не слабовата ли причина? – спросил Клокс.

– По мне так весомей всякой, – ответил Байрел. – Не отвертись. Но есть и еще одна. Особенная. Брайдем ходил к ней.

– Зачем? – спросил Клокс.

– Звал ее в Стебли, – объяснил Байрел. – В этот самый Приют Окаянных. Наставником. Но она не пошла. Если надумаешь, всякий покажет тебе, где она живет. Хотя, что показывать? В башне она живет. Башен в Дрохайте немало, но настоящая только ее. Ни с чем не спутаешь.

Глава пятая. Дойтен

Вода была черной, напоминающей черное зеркало. Или черное перегоревшее масло в жаровне на тимпалском рынке. Особенно если не смотреть на заледеневшие закраины у самого берега. На горизонте едва различимо вставали Рэмхайнские горы. Точно так же, как и в том давнем сне Дойтена. «Что же это получается? – подумал он. – Выходит, что сбылся мой сон? Я стою на берегу Чидского озера, вижу его черную воду, Рэмхайнские горы за черной гладью и даже как будто что-то вроде облаков в сером небе?»

Лицо обожигало холодным ветром, но Дойтен не шевелился. Чего-то не хватало. Что-то еще таилось в сновидческом мраке. Что-то, что заставляло просыпаться в липком поту. Что-то, что являлось ему в ночном кошмаре сразу за видением черного зеркала, но чего он никогда не мог вспомнить, проснувшись. Или больше ничего и не было?

Вчера он нашел Лэна там, где и сказала Сничта. Старик и в самом деле оказался коротышкой, из-за дубового стола едва была видна его голова, да плечи, так что орудовать двузубой вилкой и ножом Лэну приходилось, поднимая локти, отчего он походил на странную птицу с шишковатой головой, напоминающей плохо очищенный от земли клубень. Тем более, что тени его локтей от света коптящей масляной лампы на беленой стене напоминали крылья. Лэн уважительно кивнул, разглядев в одной руке Дойтена ружье, но еще более уважительно крякнул, увидев бутылку в другой его руке. На столе вина не было.

– Это потом, – сказал Дойтен, усаживаясь напротив и водружая благословенный напиток на середину стола. – Сначала разговор. Меня Дойтеном зовут. Я усмиритель Священного Двора.

– Весь священный двор разом умиряешь или по очереди, начиная с предстоятеля? – скорчил гримасу Лэн и тут же отправил в рот изрядную порцию соленых грибов. – Может, плеснешь маленько? Для мягкости горла. Ты сам-то откуда? Судя по говору из-под Нечи? Из южных ардов, что ли?

– А ты глазастый, – усмехнулся Дойтен, откупоривая бутылку. – Или ушастый, если по голосу чувствуешь. Из них самых. Хотя, бабка одна из слайбов была.

– Ну, это один корень, – подтолкнул к Дойтену кубок Лэн. – Что те, что другие – все из айлов. Пришлая кровь. Хотя, перемешалось уже все давно. Какого айла не вывернешь, обязательно наткнешься на даланскую нитку. Чего узнать-то хотел?

– Как ты с таким ростом умудрился в дружину попасть? – плеснул густого напитка в кубок Дойтен. – Где служил? Когда? Чем отличился?

– Подожди чуть-чуть, – подхватил кубок Лэн, опрокинул его в глотку и даже потряс, сглатывая последние капли, после чего замер, закрыв глаза и блаженно водя подбородком из стороны в сторону.

– Проскользнуло? – поинтересовался Дойтен.

– Мгновенно, – вздохнул Лэн. – Вот скажи мне, усмиритель, почему этакую прелесть не наливают к примеру вот мне? Я ведь и монету готов откатить, и вроде член совета, и спрашиваю, хорош ли нектар, а получаю все одно – или кислятину, или патоку, или брагу для увеличения ветреной погоды в собственных портах. Хотя, если откровенно, не жалею. Если вот этакого, – он облизнулся, метнув взгляд на бутылку, – не пробовать, то жить можно. Сравнить-то не с чем.

– И что за храм у тебя такой? – добавил второй вопрос Дойтен. – Сколько мне ни объясняли, никак не могу я понять. Храм Ожидания то ли воли, то ли духа всевышнего. Вы там ждете кого-то, что ли? Чем вас Нэйф не устроил? Откуда это взялось? Кто вами правит?

Лэн прищурился, выудил из блюда пучок соленой огородной травы, похрустел ею, затем хитро подмигнул Дойтену:

– Ты же не за этим сюда пришел?

– Пришел не за этим, ну так почему всякую пользу не извлечь? – пожал плечами Дойтен. – Если секрет великий или время не терпит, можешь и не рассказывать, не обижусь.

– Да не о чем рассказывать, – махнул рукой Лэн. – Служил я давно, хотя полтора десятка годочков по молодости тэрскому королю отдал. В войнах не участвовал, сам понимаешь, мирное время уж больно затянулось, но приходилось и обозы сопровождать, и с разбойниками рубиться, и... всякое разное. И вот, что я тебе скажу. Если кто-то вроде меня или еще с каким-то ущербом выживет на такой службе, то уж поверь мне, возьмет он от нее больше, чем вот такой увалень, как ты. А знаешь почему? Потому что ты жилы рвешь только в схватке, а он каждый день. Схватка у него – каждый день. И особенно часто с самим собой. К примеру, ты протягиваешь руку и берешь. А я ведь должен подпрыгивать. Постоянно. Каждый день. Вся жизнь в прыжке, понимаешь?

– И кто же выходит победителем? – поинтересовался с улыбкой Дойтен. – Поди, все равно тот, кто повыше ростом? Ты, конечно, и силу в ногах скопил, и прыгучим стал, но устал ведь? А он просто протягивает руку и берет. Да и на какой-нибудь замковой площади в строю опять все награды его. Он же приметнее? Ведь так?

– Смейся, – кивнул Лэн. – Я и сам бы с тобой посмеялся. Да и смеюсь, чего уж там. Может, ты и прав. Только вот таких, кто протянул руку и взял – жизнь частенько в жерновах в муку перемалывает. А те, кто прыгают, так и прыгают до сих пор. Тридцать лет минуло, как я службу оставил, а кое-что и в руках осталось, и в голове. И рану могу любую вылечить, конечно, не так как истинная лекарка, есть у нас одна тут в Дрохайте, но тоже справно. И отпор мерзости какой дать. Не веришь, спроси своего судью, кто четыре года назад дал отворот имни простым скорнячим веслом? Кто двух дюжих его собратьев скрутил? Спроси-спроси!

– Спрошу, – пообещал Дойтен.

– Что касается храма, – Лэн задумался и подвинул к Дойтену кубок, – то тут коротким разговором не отделаешься. Но если совсем ужаться... Он же как вот это твоё вино. Сравнить надо. Понимаешь?

– Пробовать, что ли? – сдвинул брови Дойтен.

– Ну, это-то вольному воля, – усмехнулся Лэн. – С другой стороны, мы же не о дерьме толкуем. Можно и лизнуть, если на глаз не различишь. Сам знаешь, храмов в Ардане хватает. И большие имеются вроде Храма Присутствия или вашего Священного Двора. И поменьше, и пожиже. Есть и те, что и лизать не стоит, потому как потом не отмоешься. А есть вроде нашего. Хотя, что это я? Нет других вроде нашего. Только наш и есть такой. Храм Ожидания Воли Всевышнего. Ни тебе предстоятеля с гордым чином Ата, ни совета, ни громкого обряда или шествия. Ни тебе шумного начала и долгой истории. И все же... У тебя мамка есть или была, Дойтен?

– Была, – кивнул Дойтен.

– Ну вот представь себе, – улыбнулся Лэн, глядя, как вновь наполняется его кубок, – что она ушла из дома и должна вернуться. Или папка. Это я об ожидании, если что. Ну пусть мамка. И вот ты, еще малец, решаешь для себя – убраться ли в доме к ее приходу или дерьмо по стенам размазать? Дров наколоть, воды наносить или в ларь с мукой насрать? И братьев и сестер поколотить или не стоит?

– Вот что за выбор тебя мучит? – удивился Дойтен.

– Ты же понимаешь меня, – понизил голос Лэн. – В том числе и о какой мамке или папке я говорю. Знаешь, мы же в главном ничем не отличаемся от Священного Двора или Храма Присутствия. Даже обряды их можем проводить, мало ли какая надобность возникнет. Вон, когда Райди спину прострелило, я месяц за него службу вел в его храме. Путина начнется, он ускачет по срочным охотничьим делам, опять же встану и вставал уже. Буду алтарь его локтями

мусолить. Но мог бы вести службу и без алтаря, и вовсе без Храма. А мог бы и без службы обходиться.

– Это как же? – не понял Дойтен.

– А не нужен Храм, – вовсе перешел на шепот Лэн. – Или, точнее, у каждого он свой. Внутри. И молитвы не нужны. Говорить – нужно. А молиться... Ты просто знать должен, что сам ты ничем не лучше самого последнего бедняка или какого-нибудь грязного имни, и ничем не хуже короля или герцога или даже сэгата из богатого храма. И все, что ты делаешь, говоришь и даже думаешь – он, твой творец, слышит. И все. А дальше – как знаешь.

– Подожди, – замотал головой Дойтен. – То есть, ни постов, ни обетов, ничего? Одна видимость?

– Кому и видимость, а кому и подлинность жизни, – стер с лица улыбку Лэн. – И обет имеется. Был бы какой способ, выжечь на веках изнутри колдовским пламенем два слова – «Не лгать», не помещало бы. Не для усмирения плоти или духа, для памяти. И только.

– И все? – поднял брови Дойтен. – Ты сейчас мне о храме своем рассказываешь или о совести?

– Кстати! – оживился Лэн. – Совесть. Хорошее слово. Вроде и маленькое, не повернешься, а весь мой храм в нем может уместиться. Ты давай-давай, двигай ко мне кубок. Мне, чтобы в разнос пойти, нужны четыре таких бутылки. А с одной я только разговорчивее стану. Ноги и руки у меня, может, и короткие, а емкость не хуже твоей. Так чего ты хочешь узнать? Не за совестью же ты сюда приехал?

– Расскажи мне о том, как убили нюхача, – попросил Дойтен. – То, в чем ты уверен, о чем думаешь, что видел.

– Видел я мало, – вытер губы, опрокинув еще один кубок, Лэн. – Существо это мертвое уже почти остывшее, да и все. Клинок торопливой ковки, хотя и мастерского замеса видел. Кровь. Морду звериную с рваными губами и языком. Ну, и клинок вытащил тоже я. Надо же было к ране присмотреться!

– И что ты увидел? – наклонился к столу Дойтен.

– Все что нужно, все и увидел, – негромко, косясь на дверь за спиной Дойтена, отчеканил Лэн. – И доложил Байрелу. Этой белокурой суке с голубыми глазами из Тэра тоже доложил, потому как все равно бы вызнала. Но тот, кто это сделал, ошибок не совершает. Другой вопрос, что знатока вроде меня в городе еще поискать, но то, что я на месте оказался, это не ошибка, это, наверное, случайность. В ране было два меча. С хорошей лампой это и сейчас можно рассмотреть, достаточно спуститься в подвал Райди. Рана одна, но у каждого клинка свой разрез. У каждого разреза свои лепестки. Пусть и между ними всего ничего. Тот клинок, что поуже нанес первый удар. Под ребра и чуть вверх. Мастерский удар, я слюну сглотнул от зависти, когда его распознал. Умеючи можно так насадить могучего воина, что он за тобой как привязанный пойдет. Сипеть будет, собственные щеки грызть, язык, а и слова произнести не сможет, потому как острие твоего клинка возле самого сердца будет чувствовать.

– И далеко ли он так прошел? – спросил Дойтен.

– Не знаю, – пожал плечами Лэн. – Может десять шагов, а может – и больше. До двора, во всяком случае, добрался. Тут вот что важно, от такого удара крови-то много не случится. Я тебе больше скажу, усмиритель. Тут и силы особой не надо. Если хороший клинок, да есть навык, все может сладиться. Да и сладилось, как ты видишь. Если бы не я, так бы и осталось в ваших отчетах – нюхач преследовал кого-то, тот добрался до тайника, выхватил меч, проткнул врага и бежал.

– А было не так? – прошептал Дойтен.

– Не так, – кивнул Лэн. – Конечно, можно представить, что их было двое, но чует мое сердце, что мечник был один. Он, думаю, ткнул нюхача еще в трактире. В темноте. За той дверью, за которой его нашли. Вывел его во двор, довел до своего тайника, вытащил оттуда

второй клинок и, всадил его в рану, одновременно вытаскивая первый. Но чуть под другим углом. Оттого он и вышел через спину. Или он так захотел, чтобы клинок вышел через спину. Чтобы даже мысли об его умении ни у кого не возникло. Но сразу скажу, что о коридоре, о прогулке этой короткой на острие меча, тебе говорю первому. Я до этого не сразу додумался. Просто все никак не мог представить. А как додумался, то представил, как будто рядом стоял.

– Увидел, как этот нюхач стоял и грыз свои губы? – спросил Дойтен.

– Он умирал, – вздохнул Лэн. – Или понимал, что умирает. И умер тут во дворе. Потому что убийца его, думаю, чуть поддал первым клинком, добрался до сердца, и втыкал второй меч уже в мертвого. Пусть даже нюхач еще и не успел упасть. Ну, а дальше понятно. Спрятал наш умелец хороший меч в тайник, откуда достал плохонький. Спрятал, чтобы потом забрать. И забрал, конечно. Проверить надо, там кровь должна быть. Вряд ли успел лезвие сразу протереть. А меч надо было оставить. Хоть какой. Чтобы не искали мечника. Человека с мечом. С тем, узким. Думаю, он дорожит им. Очень дорожит. Хотя, странное это дело – два меча под рукой. Я бы подумал об этом тоже... Но страннее еще одно – то, что он в такой запарке мог думать о чем-то и решения принимать! Другой бы сразу наутек пустился...

– И кто же этот мечник? – спросил Дойтен.

– Кто-то вроде меня, – снова закинул порцию кушанья в рот Лэн. – Или ребенок. Подросток. Думаю, что подросток, потому как других коротышек в Дрохайте нет, а я этого нюхача точно не убивал. Но если это подросток, а не ужасный воин, что умудряется фехтовать, стоя на коленях, да еще и подранков за собой так водить, то надо признать, что большое будущее у такого мальчика.

– Подожди, – оторопел Дойтен. – Ты ведь не шутишь? Хочешь сказать, все это мальчишка проделал? Не может быть. Я могу предположить, что можно натаскать мальчишку с трех до десяти-двенадцати лет уверенно управляться с клинком, мастера из него можно сделать, но одно дело перед наставником гонор являть, другое – в бою действовать... Тут же нужны железная рука и стальное сердце!

– Или детская бесшабашность, – хмыкнул Лэн. – Испуг или паника тоже сгодятся. Хотя, железная рука и не помешала бы. Тут ведь как... Взрослому человеку некоторые забавы и в голову не придут, а дети... Вон, я слышал, что, когда Байрел девчонку эту приютил, она с соляной барки слезла и голодная, и в рванье всяком, всего и было, что грязная циновка за плечами, чтобы не на земле спать, ее нынешние напарники решили ее испытать. Опрокинули в зале стол и поставили ее к столешнице, мол, будем кидать ножи вокруг тебя, а ты должна стоять, чтобы мы проверили, какая ты смелая.

– И она встала? – удивился Дойтен.

– Говорят, что встала, – посерьезнел Лэн. – Побледнела из рыжей в серую, но встала. Правда, деревянную крышку от кадушки взяла, сказала им, что не верит в их умение.

– И что же дальше? – спросил Дойтен.

– Да ничего, – снова подвинул кубок Дойтену Лэн. – Все четверо успели по разу бросить ножи. И все четыре она поймала в эту деревяшку. Уж не знаю, все ли они в нее летели, но поймала. А уж там появился старший сын Байрела и задал озорникам жару. Хороший парень, кстати, у Сничты получился. Младший-то тоже ничего, но похуже.

– И снова подожди, – поморщился Дойтен. – Ты хочешь сказать, что мальчишки бросали ножи в Дору?

– Сам не видел, но так рассказывают, – пожал плечами Лэн. – Да тому уж месяца два, сдружились они вроде уже. Дети – народец жестокий, но вот чтобы так... А она молодец. Не сплочовала.

– И что же? – спросил Дойтен. – Думаешь, что с нюхачом это сделал кто-то из них?

– Не знаю, – понизил голос Лэн. – Но я бы поинтересовался самым старшим из них. Ты его сразу узнаешь. У него волос черный, что деготь. Его Раном зовут. Там двое черных, так

вот он повыше. Во всяком случае, он был заводилой. Только зачем тебе это? Ты сам-то на чьей стороне? Неужели не понимаешь, что этот нюхач с мешком лишь часть охоты? Смотри, накликаешь беду на отчаянную голову. Если что, я не о твоей голове говорю, а о голове этого смельчака. И вот что я еще добавлю, приятель. То снадобье, что у нюхача было в склянке в кулаке, оно не в каморке какого-то травника намешано. Уж поверь мне, такие сонные средства я когда-то только из главного храма Тэра получал. По-другому тяжкую рану и не излечишь. Только погрузить в сон. И лучше – на неделю. А там уж смотри, чтобы твой подопечный на спине не лежал, да правильно травы применяй, и все будет в порядке. Так вот – признаюсь, я храмовников не очень жалею, хотя вроде и сам из них, да и ты вроде каким-то боком. Храмовники от Храма Присутствия самые... скользкие. Кому бы они ни служили. Если это их дело, этот нюхач не один должен быть. Они по одному не ходят. Толпой давят. И знаешь, когда целое войско или его немалая часть идет давить одного человека, что-то не очень мне хочется присоединиться к такому походу.

– Ты уж не путай разбирательство с охотой, – заметил Дойтен. – Сам должен понимать, пока истина во мраке, дело можно вывернуть и так, и эдак. А что, если этот сорванец – маленькое зло, которое может вырасти в большое?

– А ты что же – провидец? – удивился Лэн. – Готов сортировать несмышленишей по шалостям? Или сам в детские годы только в белом по улицам ходил? Старикам ноги омывал, детишкам карамель в котле заваривал? В покое надо оставить этого мальчишку. Кто бы он ни был. В городе ведь мальцов хватает. И тот, кто это сделал, и без нас такого испытал, что врагу не пожелаешь.

– С чего ты взял? – спросил Дойтен.

– Продуманный очень, – объяснил Лэн. – Такие истории не от большого ума лепятся, а от большого опыта. А большой опыт приходит от долгих лет или от больших горестей. По другому не бывает. Долгих лет у него быть не могло, так что – думай сам. Хотя есть и еще один случай...

– Это еще какой? – не понял Дойтен.

– Удача, – крикнул Лэн. – Изменчивая баба, но иногда так присосется, что дух захватывает. И об этом тоже думай.

– По другому не бывает, – бормотал на следующий день Дойтен себе под нос, стоя на северном берегу Дрохайта между двух приземистых черных башен, на том самом месте, где был найден труп незнакомца с мешком. Впрочем, ни трупа, ни мешка, ни лодочника, который об этом самом трупе сообщил, разыскать так и не удалось. Даже пятен крови не было на скользких камнях. И теперь, разглядывая черную водную гладь и то и дело скашивая взгляд на крохотный островок скорняков, где торчала и каменная халупа Лэна, которая, видно, служила и часовней чудного храма, Дойтен думал, что, может быть, и в самом деле не стоит так уж стараться отыскать этого удачливого воина? Или он был не удачливым, а старательным? Трудно укрыться от кропотливого следствия, ведь тот же Мадр нашел и затертые капли крови на полу перед дверью внутри трактира, и второй тайник там же, за дверной рамой, где вполне мог быть спрятан первый меч, если он был, и потеки крови в тайнике под лестницей. Защитник не поленился еще раз сходить в подвал к Райди и снова осмотреть нюхача, но ничего больше не нашел. Рана и в самом деле оказалась непростой, но на теле существа не нашлось никаких других отметин, на одежде меток. Кинжал был прихвачен шнуром и вряд ли покидал ножны в последние несколько дней. Все, что хотелось узнать храмовым старателям, осталось в зверином носу нюхача. Особенно, если Казур не солгал судье, и нюхач действительно обнюхивал каждого. Понять бы еще, нюхал он только ребятню из трактирных служек или всех, кто приходил в заведение Байрела? Вроде бы не всегда усаживался сразу в угол, иногда бродил между столами. Пока однажды не шагнул вслед за кем-то в полумрак коридора, ведущего к нужнику

и выходу во двор, и не получил удар тонким клинком под сердце. Или маленький мастер фехтования ждал там в засаде, когда переполнит опасного едока малая или большая нужда?

С утра пораньше, не дав Дойтену выспаться, Клокс потащил усмирителя через кухню в закуток, где лежали в корзинах и мешках овощи и висели сушеные травы. В трактире было еще пусто, на кухне гремели котлами трое широкоплечих поваров-сноков, но восхитительные запахи еще только начинали пробуждаться. Дойтен посмотрел на дверь, ведущую во двор, согласился про себя, что пройти незаметно через кухню нельзя, да и найденные пятна крови у другой двери вовсе исключали такую возможность, и вслед за Клоксом шагнул в кладовую. Там их уже ждали. На мешках сидели четверо заспанных мальчишек и Дора. У входа стояли оба сына Байрела. Для Клокса и Дойтена была приготовлена скамья. Откуда-то сверху падали лучи света, что подсказало Дойтену, что высоко над дверями окна все же выходили во двор, хотя со двора стены показались ему глухими. Но света этого было мало, поэтому на полу стояли три коптящие лампы, и из-за их тусклого помаргивания предстоящий разговор напоминал тайный совет.

– Холодно, – поежился младший сын Байрела – чернявый Типур. – Здесь не топят, достаточно тепла с кухни, чтобы овощи не померзли. Но так-то не медом намазано. К тому же через час уже трактир открывается, лучше побыстрее закончить. И так подняли работников раньше времени.

– Ничего-ничего, – крякнул Клокс, присаживаясь напротив пятерки. – Долго говорить не о чем. И чтоб еще быстрее обернуться, я попрошу, чтобы Тусус сам представил всех, кто сидит передо мной. А я посмотрю на них.

Дойтен бросил быстрый взгляд на старшего сына Байрела. Клокс сказал, что он похож на своего отца. Самого Байрела Дойтен успел рассмотреть лишь мельком, тот с утра стоял в дверях трактира в распахнутом овчинном, подбитом черным бархатом роскошном полушубке и сыпал проклятиями в адрес каких-то рыбаков, растянувших сети поперек одной из улиц, поминал лентяев, не вытащивших лодки из воды, которые еще день и придется вырубать из льда. Сокрушался, что через неделю придут первые купцы, а у него «еще нечего не готово, как бы Фуар ни уверял, что все в порядке», а Дойтен пытался рассмотреть его лицо. Лицо всегда говорило о многом. И вот теперь, сличая его лик с лицом Тусуса, Дойтен понимал, что старший сын напоминал своего отца только упрямством и уверенностью во взгляде. Черты его были материнскими, пусть и как будто резкими и грубыми. А вот младший сын копией отца как раз и являлся, пусть и линии его казались вырезанными тонким резцом. Вот только уверенности во взгляде у него не было. Лишь раздражение и тоска, которыми он обливал Дору. Девчонка же словно ничего не замечала. Рассматривала обгрызенные ногти, время от времени почесывалась или ковыряла в конопатом носу, скатывая добытое в комочки и отщелкивая их под ноги Клоксу.

– Хорошо, – кивнул Тусус, который, как уже знал Дойтен, попросился у Клокса в храмовые старатели. – О каждом, значит, о каждом. Если скажу что не так, поправляйте сразу. С прошлой зимы у нас двое. Драхт и Мичан. Мичан, – под взглядом Тусуса сдвинул брови румяный толстячок лет десяти, – жил с отцом на Кривой улице. Тут недалеко. Родился и вырос в Дрохайте. Мать умерла при родах. А отец утонул прошлой зимой. Ушел под лед, никого из рыбаков рядом не оказалось. И вот, теперь его сын работает в трактире. Как видите, не похудел за полгода.

– Да уже больше, чем полгода, прошло, – заметил Клокс. – Как тебе в трактире?

– Все хорошо, спасибо господину бургомистру, – с готовностью вскочил Мичан.

– Трактирщик тебя приютит, – поправил мальчишку Тусус. – Сиди, нечего дергаться. Не в зале. А отца или называй по имени, или благодари трактирщика. Бургомистром он становится, когда из трактира выходит.

– Ладно-ладно, – успокоил побледневшего Мичана Клокс. – Бургомистр – он даже в нужнике бургомистр.

– Кем будешь, когда вырастешь? – спросил Дойтен.

– Рыбаком! – неуверенно пролепетал толстяк.

– А я буду охотником, – буркнул худой и светловолосый паренек по виду старше Мичана где-то на год. – Моя мать была охотницей. Хоть до зверя и труднее добраться, чем до рыбы.

– Драхт, – кивнул Тусус. – Мать напоролась в начале весны на том берегу на медведя-шатуна. Пока его убили, ее он успел разорвать. Мой отец оплатил ее долги, взял парня работать в зале. Если не будет дураком, может стать поваром. Задатки у него есть.

– Охотником, – стиснул губы мальчишка.

– Да хоть старшиной, – подал голос Типур, заставив Драхта засверкать глазами.

– Казур, – представил чернявого остроносого паренька Тусус, отчего мальчишка тут же расплылся в осторожной улыбке. – В конце весны пытался наниматься в поселке к угольщику. Сам вроде бы из Амхайна. Мать с сестрами погибла на ягодных сборах на окраине Бейнского леса. Отец умер от шахтной болезни. Из съемного дома парня выгнали хозяева. Да еще и жизни не давали из-за какого-то долга. Так во всяком случае он рассказывает. Мальчишка хотел добраться до Цветочного залива, искупаться в море, рассчитывал пересидеть годик здесь или в окрестностях, подработать, но не рассчитал силы. Свалился от недоедания. У угольщика мы его и забрали. С ожогами. В яму угольную он упал, хотя и шустрый. Оклемался, как видите.

– Мы тут все шустрые, – скорчил гримасу черноволосый переросток, которому явно было уже лет двенадцать. – Или жалуются едоки?

– Нет пока, – позволил себе улыбнуться Тусус. – Это Ран. Откуда-то из Кэчи. От работы не бегают, обмана не терпит, слабость презирает. Говорит, что сын колдуна, но толку-то от его колдовства здесь? Шел в Приют Окаянных, или отец послал, или еще как узнал, что там сирот принимают, но вернулся в Дрохайт.

– На время, – процедил сквозь зубы Ран и с презрением окинул взглядом Дойтена и Клокса.

– Что с отцом? – спросил его Дойтен.

– Имни, – блеснули глаза парня. – У нас черные егеря останавливались, наверное, имни отомстить решили. Налетели стаяй ночью, разорвали мать, брата, отца. Я под печью спрятался. Не смогли добраться. Узкий лаз у нас под печью. Или и так... насытились.

– Деревня-то под Черной грядой? – поинтересовался Дойтен.

– Да, – кивнул Ран. – Но не деревня, а хутор. На дороге, правда, да что толку?

– И чего же ты не остался в Приюте Окаянных? – не понял Клокс.

– А ты там был? – резко повернул голову Ран.

– Внутри не был, а у пропасти постоял, – усмехнулся Клокс. – С ветераном, что там проживает, кубками постучался.

– Я тоже у пропасти постоял, – кивнул Ран. – Еще летом. Даже ночь провел в доме, что на том краю построен. И старика того видел, хотя он часто по окрестным лесам бродит. И не только его видел. Разговаривал с хромым мужиком, который в крепости старшим. Как его...

– Брайдем, – напомнил Клокс.

– Точно, – оскалил зубы мальчишка. – Посмотрел на эту крепость со стороны. И на дорожку, что к ней ведет. Даже видел, как ломает там магия ходоков. Ничего страшного, можно пережить, но не по мне это.

– Сломаться испугался? – спросил Дойтен.

– Я ничего не боюсь, – отчеканил мальчишка. – Хотя на целый год или больше оказаться в каменном мешке – не по мне это. Ненависть свою растрачивать не захотел.

– Ненависть? – не понял Клокс.

– Я должен перебить всех имни с этой стороны Черной гряды, – выпалил Ран и неохотно добавил. – Диких, конечно. Для этого мне нужна ненависть. А Брайдем сказал, что она выгореть из меня должна на пути к этим его Стеблям. С мучениями или без, но пока не выгорит, я в крепость не войду. Я и не пошел. Подумал, что подрасту, наймусь в черные егеря. Или в помощники к какому-нибудь колдуну. За кров, еду и работу. Я могу кое-что. Не здесь, конечно, но могу, можешь не сомневаться, судья. Здесь-то никто не может.

– Думал? – переспросил Дойтен. – А теперь уже не думаешь?

– Меня в Тэр берут, – гордо расправил плечи Ран. – Буду служить при Храме Присутствия, научусь владеть оружием, выучу все храмовые заклинания. Может быть, даже стану тэрским сэгатом! А имни все равно перебью!

– Даже тех, кто не виновен в смерти твоих близких? – уточнил Клокс.

– А мне без разницы, – оскалил зубы Ран.

– Эта... Алаин позавчера говорила с ним, – подал голос Тусус. – С ним, и с Казуром. Сказала мне, что именем короля Тэра забирает мальчишек на час. Мол, проверить их надо. Они выходили из ворот, дошли до середины гати. Ран зажег там что-то, потом они сразу вернулись. Типур их сопровождал. Думаю, еще два-три дня здесь, и Ран уйдет с Алаин. Как раз путина начнется. Отец уже знает. Ну, оно и к лучшему. Через два-три дня зал почти пустой будет. Весь город опустеет наполовину. Да и насильно в трактире никого не держат.

– Что зажег? – не понял Дойтен, вспомнив выжженное пятно на пlyingуне.

– Силу свою проявил, – улыбнулся Ран. – Ледяной плот отцовским заклинанием зажег. Но не бойся, судья. Алаин тут же погасила мое пламя. Она может. И меня научит. Многому. Она зоркая. В Дрохайте никакой магии нет, а она сумела проглядеть мое умение. Я буду служить храму. Она сказала, что такие, как я, на вес золота.

– Смотри, чтобы не переплавили, – равнодушно бросила девчонка. – А то... гордился клубень поварским хватом, пока под нож не попал, да в кипяток не булькнул. Да и не одного же тебя водили?

– Казур, наверное, не подошел, – кивнул Типур. – Я глаз с них не спускал. Осматривали их. Алаин и два ее спутника. Левую руку и у того, и у другого. У Рана рука чистая, что их почему-то раздосадовало. А у Казура ожоги. Но зачем его брали – непонятно. Он ничего не может.

– Я не могу? – едва не задохнулся от обиды Казур. – Раньше мог и теперь смогу. Чего это мне перед этой ведьмой умения свои проявлять? Думаешь, меня просто так повели? Я могу воду заморозить на ладони. Думаешь, как я из угольной ямы выбрался? Просто я закрылся перед этой Алаин!

– А то я не видел, как ты пыхтел на гати, – презрительно сплюнул Ран. – Закрылся... Закрыться может только взрослый и опытный колдун. Да и то не от всякого. У тебя силы нет. Главное, чтобы сила была. У меня она есть.

– Ты силу показывал, когда девчонку к столу ставил и ножи в нее метал? – спросил Клокс.

Парень сузил взгляд и нахохлился, а Тусус вздохнул и продолжил:

– Дора. Слезла с тэрской барки с солью в начале осени. По ее словам она из деревеньки под Маолским водопадом. Собственно торговец там ее и подобрал. По весне паводок был сильнее обычного, деревеньку ее смыло. Об этой истории я еще раньше слышал, там немало народу полегло. Вот и ее мать и бабка погибли. А отец и того раньше. Но его друг охотился где-то в здешних местах. Вот она и...

– Я решила его найти, – перебила Тусуса Дора. – Он должен мне помочь. Когда вода спала, продала остатки скарба, купила место на барке. Но хозяин оказался...

– Скотом он оказался, – сказал Тусус. – Почти не кормил девчонку, хотя, думаю, монету свою получил. Впрочем, я его давно знаю. Скупердяй. Хорошо хоть не надругался и за борт

не скинул. Я бы с ним разобрался, но она рассказала все, когда его барка ушла. Теперь до следующей осени.

– Никто не будет разбираться с моими делами за меня, – равнодушно вымолвила Дора, продолжая ковыряться в носу, и добавила, бросив странный черный взгляд на Клокса. – Не нужно рожки корчить, господин судья. Перед тем, как в зал пойти, я руки помою.

– Да, – хохотнул Дойтен. – И медом обмажешься для аромата. Будь у меня дочка с таким характером, я был бы уверен, что она за себя постоять сможет. Зачем же ты встала у этого стола, зачем под ножи пошла?

– Под ножи? – удивилась Дора. – Разве что в глупой забаве поучаствовала. Ран сказал, что я трушу. Хотя сам трясся от страха, что я хозяину донесу. Не того надо было бояться. Если ломаешь всех вокруг, будь готов, что кто-то не переломится. И ломаться придется самому. Сразу видно, что хуторский. В деревне не жил.

– Ломать всех вокруг себя? – переспросил Дойтен и окинул взглядом мальчишек. Ран язвительно улыбался, а Казур, Драфт и Мичан уныло смотрели в пол.

– Ничего страшного, – поспешил объяснить Тусус. – Как это у детей бывает? Поддай, принеси. Вымой за меня. Оттащи помой за меня. Бывает. Да и что они там бросали? Овощные заточки на половину ладони? Ими только чеснок колупать. Да и не умеют они еще ничего.

– Научимся, – хрипло буркнул Драфт, покосившись на доску, на которой висели связки чеснока. – Просто ножи нужны особые, и никогда промаха не будет. У нас их тогда не было.

– Мы специально мимо ножи бросали! – вдруг повысил голос Казур. – Так она чуть ли не прыгала с этой деревяшкой, подставляла ее!

– Ран бросал точно, – покачал головой Тусус. – Его бросок я успел заметить. Если бы... нож точно в грудь вошел.

– Да ей до груди еще года три в этом трактире помой таскать! – выкрикнул Ран. – А то и четыре! Сопливая она еще для груди! Она ж пока еще как водная гладь! Вот, братца своего спроси! Есть у нее что? Он уж успел ее облапать? Или нет? Или память отшибло? Разделочной доской!

– Заткни пасть! – почти завизжал стоявший до сей поры почти безучастно Типур.

– Тихо! – оборвал крик брата Тусус. – А ты, Ран, думай, прежде чем говорить. Тебе эта Алаин защиту обещала? Может и защитит. Как коврик, на который богатые особы ноги ставят, когда в нужник идут. Но она здесь обещалась быть до начала путины, а если ты не поумнеешь, то отец отставит тебя от трактира. И ты эти последние дни будешь собственные локти грызть! А ты ведь еще и расчет хотел в дорожку получить! Или нет?

Ран хотел еще что-то выкрикнуть, но лишь заскрипел зубами. Типур хрустнул кулаками. Дойтен перевел взгляд на Дору. Она по-прежнему ковыряла в носу.

– Байрел сказал, что нет тут охотника, которого ты ищешь, Дора, – окликнул ее Клокс.

Она пожала плечами:

– Я не говорила, что он точно здесь. Но он хороший охотник. Был хорошим охотником. Кто-то о нем должен быть слышать. Главное, спрашивать. Здесь много охотников. Где еще узнавать, как не здесь? Я, когда еду разношу, у всех спрашиваю.

– А если не найдешь его? – поинтересовался Клокс.

– Не знаю, – чуть ли не с насмешкой посмотрела на Клокса Дора. – Дрохайт хороший город. Здесь можно жить. Байрел сказал, что если я продержусь до пятнадцати лет, он даст мне каморку с кухней. А женихов тут полно. Выбор, правда, не очень, да и рано мне. Грудь еще не выросла.

– Рыжая к несчастью, – скривился Ран. – Если только подстилкой.

– Тебе видней, – равнодушно ответила Дора. – Впрочем, я и сама думаю, что не задержусь в Дрохайте. Может, вернусь еще. Но это потом. Будет попутный обоз в Эайд или Эдхар, попрошусь в нахлебницы. Буду кашу варить на стоянках, за лошадьми смотреть. Я все умею.

– В Эдхар? – удивился Дойтен. – Это ж почти полторы тысячи лиг! И то, если напрямки! Что ты там забыла?

– А куда мне тогда? – как будто с удивлением посмотрела на усача Дора. – В Приют Окаянных? Кому я там нужна? Не окаянная вроде. Да и не жгу и не замораживаю ничего. Вон, Ийле сказала, что я пустая...

– Но ты же сама говорила, что можешь остаться в Дрохайте! – подал голос Тусус.

– Эдхарский мост хочу посмотреть, – понизила голос Дора. – И море. Я моря никогда не видела. Если не теперь, то когда? Как будет оказия, так и отправлюсь. Как раз к лету доберусь. Байрел обещал дать расчет, если я буду хорошо работать. Я уже больше двух месяцев хорошо работаю.

– С ума сошла девчонка, – развел руками Тусус. – Но работает лучше любого мальчишки.

– Она родилась, чтобы помои таскать! – прошипел Ран.

– Жизнь рассудит, – равнодушно бросила девчонка.

– Короткой будет твоя жизнь, – скрипнул зубами Ран.

– Раньше срока не оборвется, – пожала плечами девчонка.

– Хватит уже! – повысил голос Тусус.

– Кто-нибудь может что-то сказать про тот день, когда был убит этот... нюхач? – спросил Клокс.

– Эта Алаин два часа нас вопросами терзала, – надул щеки Мичан. – Ничего мы не знаем. Ну, нюхал он. И каждого из нас. И кое-кого из едоков. Кто ж мог понять, зачем?

– А я и сейчас не понимаю! – добавил Драхт.

– Я говорил с нашими поварами, – вдруг подал голос Ран. – Проткнуть человека или даже не человека насквозь – не каждый мясник сможет.

– А что и как, – Казур сморщил нос, – нас бесполезно спрашивать. Тут и обернуться некогда. Если даже это было перед обедом, мы уже без сил почти. Только и успеваешь бегать. Никто ничего не видел.

– Ладно, – кивнул Клокс. – Идите. Пока все. И вы, Тусус и Типур, тоже. Я тебя понял, Тусус, буду думать, что можно сделать. Но, если что и сладится, придется тебе лет пять служкой при Священном Дворе обретаться, только потом может что-то выгореть.

– Я согласен, – улыбнулся, уходя, Тусус.

– Что скажешь? – спросил Клокс Дойтена, когда в кладовой они остались вдвоем.

– Никто из них, – покачал он головой. – А ты?

– Не знаю, – задумался Клокс. – Я успел перекинуться словом с Тусусом, он и в самом деле толковый парень. Так вот он говорит, что они все детки не простые. Когда такое в жизни происходит, это как после перелома, костная мозоль нарастает. И ты вроде дитенок, а вроде уже и нет. Ран полон ненависти, но не только к имни, а как бы ни ко всем вокруг. Эти кэчские колдуны – мутный народ. Не знаю, как раньше там было, а теперь, говорят, все они под Черным Кругом. К тому же, если отец Рана баловался богопротивной ворожбой, которая в ходу в тех местах, то парень может оказаться с порчинкой. Мичан – трудяга, но не силач, поэтому отстает от прочих. Но рыбак или охотник из него и в самом деле получится. Он обстоятельный и надежный. Драхт – обычный сорванец, хлебнувший лиха. Работает, сцепив зубы. Если не сломается, встанет на ноги. Казур говорит не всё. Мечтает о Приюте Окаянных. Но боится испытания на входе, собирается чуть подрасти. Считает себя пока что недостойным. Девчонка? Характер у нее, что пружина на самостреле. Я, кстати, вот о чем подумал. Если Дора мазалась медом, чтобы ее нюхач не учуял, почему она продолжает мазаться после того, как его убила? Как тебе такой выворот?

– Чтобы умный судья Клокс ее не заподозрил, – со смешком буркнул Дойтен. – Бабы все сызмальства и мажутся, и красятся. Натура такая. Все лучше, чем мочой или потом попахивать. Или ты мальцом веревкой не обвязывался и деревяшку на пояс не цеплял? Думаешь, если

она из всех самая стойкая, да ловко с собственным носом управляется, то и с мечом сладит? Ты чего? Скажи еще, что этот толстяк нюхача убил. На них дунешь, все попадают, может, только этот Ран и устоит. Хотя с ножами, похоже упражняются. Видел взгляд Драхта? Посмотри, все доска, на которой чеснок висит, истыкана. Одно слово – мальчишки... Да и если на то пошло, парень пропал в той деревне. Мадр же все вспомнил по тому донесению. Именем Тис. Чернявый. Сирота. Ученик кузнеца. Может, оттого и два меча в деле? Я бы этого Рана выбрал. А если, он все придумал про Кэчу и потому и бесится, что тайна эта его корежит? Да и нож, получается, он хорошо метал, значит, кое что может. Да и опять же – если речь о ноже идет, одно к одному.

– А Казур нарочно бросал мимо, – задумался Клокс. – И тоже чернявый. И как будто напуган чем-то на всю жизнь. И зачем-то упал в угольную яму. Получил ожог. Если Алаин ищет парня по метке какой и для этого руки проверяет, тогда зачем он получил ожог именно на руке?

– Этого я тебе не скажу, – поплевал на пальцы и подкрутил усы Дойтен. – Может, случайность?

– Да это я так... – отмахнулся Клокс. – Знаешь, что мне Дилб поведал? Точно так же, как и Алаин, поступила местная лекарка Ийле. Это ее Дора упомянула. Я рассказывал – Ийле та самая, к которой приезжал Брайдем и зазывал ее в свой приют наставницей. Звонарка. За несколько дней до нашего прихода, еще и Алаин в Дрохайте не было, она вдруг выбралась из своей башни, явилась к Байрелу и сказала, что нужно проверить детишек, есть у нее сомнения в их здоровье. Но на острове она это сделать не может.

– И что же, потащила их на гать? – спросил Дойтен.

– Нет, – выбрал из корзины морковку почище и начал протирать ее платком Клокс. – Посадила в лодку. Правда, у ворот, то есть, у гати считай. На веслах Дилб и Тупур, лекарка эта на корме, пятерка на носу. Правда, что Ран, что Дора – подальше друг от друга угнездились. Вот так и оплыли весь остров. Доплыли до гати, лекарка помотала головой, мол, все в порядке и пошла к себе.

– Что, так и ни одного слова не произнесла за весь путь? – удивился Дойтен.

– Сказала, – кивнул Клокс, отгрызая морковный кончик. – Вот, на Дору ткнула пальцем и сказала, что девка совсем пустая. Про Драхта и Мичана сказала, что они хорошие мальчишки. А про Казура и Рана – «Ну-ну».

– Что? – не понял Дойтен.

– Ну-ну! – хмыкнул Клокс. – Правда, кроме этого еще попросила показать ей шеи и запястья. Мол, если на ком какие амулеты, рисунки какие вычерчены, то она может и не проглядеть порчу или заговор какой. Ни у кого ничего не оказалось. Тебе не кажется, что с ней надо поговорить?

– Когда я отказывался разговаривать с женщиной? – удивился Дойтен. – Как она на вид-то?

– Заодно и посмотрим, – снова прикусил морковки Клокс. – Ее башня на Кривом мысу. Не ошибешься. Впрочем, о ней потом. Восточнее, между двумя черными башнями в трех шагах от воды лодочник нашел труп одного из возможных помощников нюхача. Успел послать за подмогой, но затем пропал вместе с трупом.

– И что я там буду делать? – спросил Дойтен.

– Просто постой, – отбросил огрызок Клокс и полез за пазуху. – Поверь, иногда это самое главное. Вот, возьми с собой. Это тот мешок, что был в руках у нюхача. Постоишь, подумаешь, может, что в голову придет? У меня после этих мальчишек в голове вообще все перемешалось. Ты ружье хорошо закрыл?

– В личной кладовой Байрела, – показал Клоксу ключ Дойтен. – Что еще?

– Будь осторожен, – попросил Клокс. – Мадр осматривал труп того парня сегодня. Ну, который повесился в голубятне. Вестник из острога. Он не повесился.

– Утопился, что ли? – спрятал мешок за пазуху Дойтен.

– Его повесили, – ответил Клокс. – Придавили пальцами горло, гортань переломили. Судя по всему, железными пальцами. Два из них так и отпечатались. И уже мертвого повесили.

– Зачем же? – остолбенел Дойтен.

– Не знаю, – пробормотал Клокс. – Я вот думаю, а может, это все не охота, а забава такая? Игра?

«Забава такая...» – подумал Дойтен, разминая данный ему Клоксом мешок на северном берегу Дрохайта, стоя между двумя черными башнями, и вдруг замер. Ну точно же! Умар же об этом мешке говорил. Дно в два слоя, шов изнутри обметан суконной восковой ниткой. По канту – витой шнур. Но скотник же не брал в руки мешок. Что он мог увидеть снаружи? Только край шнура, да и то вряд ли? Или он видел другой мешок? Где его скотный двор? Близ островного мыса? Дилб же еще с утра кричал на площади у трактира, что обойдется этот скотник без пакли, если навоз убирать не станет. Воняет, как на Вонючем островке. Туда и переберется, если что, благо всего-то треть лиги. И будет помои в лодке возить. На северном берегу скотного двора нет, значит, он на западном. И недалеко. А что если он спрятал труп и забрал мешок?

Тяжелый удар колокола разорвал озерную тишину и даже как будто подернул рябью черное зеркало. Дойтен вздрогнул и нашел взглядом круглую башню на соседнем мысу. Кажется, и всего ничего высоты в ней, притулилась на каменном огрызке у самой воды, а загудела так, что голова готова расколоться. Если это и есть дом звонарки, ничего удивительного, что, как передал Клокс слова Байрела, ей голову перекосило. Только не в прошлом, а в настоящем.

– У меня бы глаза лопнули от такого звона, – вдруг услышал незнакомый голос Дойтен, обернулся и увидел странного человека с мешком под мышкой, который не менял осанку носильщика, а значит был набит чем-то легким. Человек показался на первый взгляд ни низким, ни высоким, лишь чуть-чуть пониже самого Дойтена. И одет был и не бедно, и не богато, а скорее удобно, да так, что не определишь, откуда он прибыл – и не из Тэра, и не из Сиуина, и не из Блатаны, и одновременно из любого места из перечисленных. И выглядел он как-то неприметно, хотя глаза сияли радостью, на губах играла улыбка, короткие волосы торчали во все стороны как у какого-нибудь рыночного добряка. И даже короткий меч на его поясе казался каким-то шутейным. Может быть, из-за ножен, украшенных шнурками и кистями?

– Неудивительно, что про эту звонарку говорят, будто ей голову перекосило, – радушно улыбнулся незнакомец, перебрасывая и в самом деле легкий мешок под другую руку. – Хорошо хоть, что звонит ее колокольчик всего лишь пару раз в год. Другой вопрос, где она его прячет? Вроде, нет звонницы на башне? А то, что есть, звенеть не может. Впрочем, какая разница? Теперь начнется. Этот звон означает, что в ночь ударит мороз, и озеро встанет. Сейчас вся местная братия помчится готовиться к путине. Места на берегу столбить. Пovýлезают из каменных нор, не протолкнешься на улице. А уж когда еще раз ударит колокол, думаю, при хорошем морозе через пару дней это может случиться, тогда уж ринутся в дело, – словно сам себе рассказывал незнакомец, пока не уперся взглядом в глаза Дойтену. – Не пойму, что за нож у тебя на поясе? Вроде диргский, аковка сиуинская. Железо хоть хорошее?

– Не жалуюсь, – сдвинул к животу нож Дойтен.

– Забавная вещица, – кивнул незнакомец. – Пожалуй, лучше диргского будет. Рукоять так уж точно. Это ты хорошо придумал, усмиритель, что зубила на скобе разместил. Очень хорошо. И по зубам можно съездить, и чужой клинок поймать. Не съедет. Только зря ты так его повесил, народ в городе ушлый, кошель могут и из-под исподнего вырезать, а уж нож-то и делать нечего. А что без ружья?

«Так надо», – подумал Дойтен, но ничего не сказал, потому как холодом обдало его, но не снаружи, а изнутри, да так, что заледенела и спина, и живот, и плечи, и чресла. А ноги он словно вовсе чувствовать перестал.

– Это слайбские ножны, – поймал незнакомец взгляд Дойтена. – Ты же с той стороны вроде, должен знать. Я тоже из тех краев. Потому и о диргах все знаю. Можно сказать, что из черных егерей.

– Поди у тебя и тэрский запяст есть? – неуверенно выговорил Дойтен.

– Да выдали побрякушку, – рассмеялся незнакомец и, тряхнув рукой, сдвинул из-под рукава серебряный браслет к тяжелой ладони. – Только это все обманка. Я из настоящих егерей. Не тех, что прикормлены Тэром, а из тех, что несут службу на западной стороне Черной гряды. Которые сами по себе.

– Я мало знаю про тех егерей, – сказал Дойтен. – Я и с этими, считай, не сталкивался, но те, к которым ты себя причисляешь, в наших краях слыли разбойниками похуже диргов.

– Ну, я представляю, какими разбойниками в рассказах диргов предстают арды из Нечи, – погрозил Дойтену пальцем незнакомец. – Ты ведь Дойтен? Да? А я Дейк. Уверен, что Сничта говорила про меня, хотя мне-то с ней особо поговорить не дали. Осерчал местный бургомистр, что я поклониться его женушке решил. Все-таки великая редкость – майстра. В поколении одна-две бывает на всю Ардану. А то и не одной. Ох, обломится ему еще его неучтивость... Говорила? Нет? Но если она не удостоила тебя разговором, тогда мой здешний приятель Фуар. Или Дилб. Кто-то непременно должен был сказать. Я, конечно, не такой болтун, как Дилб, но слова сплетать люблю. У нас за горами все как-то проще. А тут кругом особые порядки. Иноземцу, который приехал окунуться в черную воду, полазить по топи за кислой ягодой, полюбоваться зимней рыбалкой, когда на лед вытаскивается стеклянная рыба и нарезается тонкой стружкой, что тает во рту, трудно привыкнуть. Но привыкаю понемногу. А вообще городок хороший. Пожить можно. Но скучно! Я здесь уже месяца два. Имею последнюю задачу – дожидаться путины и не сдохнуть от тоски. Хотя, думаю напоследок позабавиться как-нибудь. От всего сердца.

– У тебя столичный говор, – заметил Дойтен.

– Не сразу добрался, пришлось задержаться в Тэре, – улыбнулся Дейк, пустив во взгляд холодные искры. – Я быстро учусь. К тому же очень любопытен. Ты, кажется, тоже? Здесь ведь где-то был убит тот несчастный с мешком? Да, и лодочник, кажется, тоже где-то здесь пропал? В трактирах Дрохайта только об этом и говорят. А ты знаешь, как эти дрохайтцы хоронят мертвых? Смех да и только. Они привязывают им на ноги камень. Но веревка должна быть длиной в четыре локтя. И опускают на глубину. Стеклянная рыбица живет в придонном слое, но не на дне. Чуть повыше! Для нее это лучший прикорм. Так что, и лодочник, и этот несчастный – вполне возможно где-то там... Через неделю и косточек не останется. Там ведь перерывов не бывает. Это здесь зима, а в озере что зимой, что летом – вода одинаково холодна. И мы будем строгать ледяную рыбу, в которой плоть этого мешочника. Представляешь?

Дейк посмотрел на черную воду. И Дойтен посмотрел на черную воду, затем развернулся и пошел прочь, бросив через плечо:

– Пора мне.

За его спиной раздался смех:

– Если по нужде спешишь, то я могу и отвернуться. Мало ли, вдруг ты не тот, за кого себя выдаешь? Доброго здоровья тебе, господин усмиритель. Мое пожелание дорогого стоит, уверяю тебя! А нож у тебя хороший, точно тебе говорю! Я бы не отказался от такого ножа! У Фуара нож похуже будет, хотя он и с историей, и сила в нем немалая! Смотри, не потеряй!

Дойтен вышел по узкой улице прямо к скотному двору через несколько минут. Ошибиться было трудно. На камнях то и дело попадались блестящие жира, раздавленные ободами колес. Затем пахнуло навозом.

Приземистое здание у самой воды не оставляло сомнений в своих обитателях, вряд ли свиньи могли жить где-то еще, хотя стоило задуматься, чем они заслужили внимание, которое Дойтен немедленно обнаружил. Сначала навстречу Дойтену попала Алаин со спутниками. Он ясно разглядел ее только теперь, но спутать кого-то другого с ней было невозможно. Она шла молча, смотря точно перед собой, сияя голубым взглядом, и ее светлые, почти белые волосы развевались на морозном ветру как дирижёрские флажки на разбойничьих шлемах, когда их конница пускается в галоп. Алаин прошла мимо Дойтена как мимо фонарного столба, но ненависть, которая ползла за ней шлейфом, усмиритель почувствовал сразу. Частью этой ненависти были двое – одутловатый тип с клыком и черномастный раздосадованный толстяк со шрамом. Клыкастый подмигнул Дойтену и оскалился в улыбке. Толстяк не удостоил Дойтена взглядом. Затем появились еще трое. Мадр, высокий светловолосый громила средних лет и Дилб. К удивлению Дойтена Дилб сокрушенно молчал, а что-то говорил, размахивая руками, незнакомец. Мадр направился к Дойтену, а Дилб и незнакомец проследовали в сторону трактира.

– Кто это? – спросил Дойтен

– Фуар, – ответил Мадр. – Вынужденный помощник и черная тень Байрела. Как по мне – гнусный тип, но под ним половина города. Ты откуда? Что случилось? На тебе лица нет.

– Забыл надеть, – отшутился Дойтен и показал Мадру мешок. – Ты помнишь разговор во дворе? Скотник расхваливал мешок. Но он не мог увидеть его изнутри. Это он украл тело того бедолаги. И мешок.

– Не угадал, – покачал головой Мадр, доставая из-за пазухи такой же мешок, как и у Дойтена. – Тот мешок, о котором ты говоришь, скорее всего набили камнями или даже песком и привязали к ногам убитого безухого и лодочника. Они тут где-то поблизости. Но мы их не найдем. Лодку пробили и тоже оттолкнули от берега. Может, даже бросили что-то для веса. Теперь, думаю, до весны. Через день-другой встанет лед. К тому же здесь очень глубоко. У тебя мешок нюхача. А этот – мешок третьего. Нюхачу помогали двое, и у каждого тоже был мешок. Но, кажется, что-то у них не заладилось. И мне это очень не нравится. Не люблю я вести дознание и одновременно собирать трупы. И мешки такие собирать – тоже не люблю. Пошли к трактиру.

– Где этот третий? – спросил Дойтен.

– В свинарнике, – обернулся Мадр. – И он, и скотник. Последний, наверное, и прятал его. Может быть, даже за мешок. Там он его и присмотрел. Во всяком случае, я нашел его в вещах скотника.

– Ты говорил с ним? – не понял Дойтен. – Он сам тебе его отдал?

– Их порубили на куски и скормили свиньям, – вытер пот со лба Мадр. – Тем же топором, которым этот Умар туши разделывал. Нет, кости еще остались, но их уже не спросишь.

– Кто это сделал? – спросил Дойтен.

– Не знаю, – пожал плечами Мадр. – Но рубщик был очень силен. Ни единого двойного удара. Силен и спокоен. Возможно тот же, что придушил и повесил паренька из острога. Тот, кто перебил голубей. Может быть, щелчками. И никаких следов. Ни одного свидетеля. И знаешь, я думаю, что Алаин тут не при чем. Она появилась там при мне и явно расвирепела. Я думал, что придушит своих помощников. Ты что-нибудь разузнал?

Дойтен молчал. Только теперь он понял причину, по которой он бросился бежать от двух башен. Только теперь, в эту минуту он ясно осознал, что этот самый Дейк мог убить его голыми руками в одно мгновение. И похоже, что без особых усилий. Может быть, даже щелчком. Если

на кого и стоило обратить внимание храмовым да и любым другим дознавателям, то именно на него. Но еще страшнее было то, что он, Дойтен, не запомнил его лица. И то, что он испугался.

Глава шестая. Ийле

Оступившись из-за выбитого из мостовой камня, Дойтен отстал от Мадра на пару шагов и вдруг подумал, что все в Дрохайте встало бы на свои места, если бы город оказался живым существом. Есть же редкие породы магических тварей, те же игли, из-за которых так опасен Бейнский лес? И некоторые из них, по слухам, сами не только не подвержены магии, но и не терпят ее. Надо бы расспросить об этом Клокса, все-таки старик неделями торчал в тимпалском хранилище древних свитков, должен что-то знать. Интересно, что там написано о Дрохайте? А что если город и в самом деле живой? Ведь долетало что-то из уст припорошенных сединами старых храмовников, что вся Ардана если и не жива, то уж точно обладает или духом, или разумом, или каким-то вполне себе бьющимся сердцем. Мол потому и зло не может овладеть ею, что никак не разыщет это самое сердце. Почему же не может обладать им столь необычный городок? Или его невосприимчивость к магии, нетерпимость к ней всего лишь обратная сторона какого-то древнего и несокрушимого заклатья? И город скрипит каменными зубами от всякой попытки его расколдовать? Дойтен даже похолодел от явственности вставшего у него перед глазами образа. Спаси и сохрани святой Нэйф. Плюнуть, растереть и еще раз плюнуть, как принято в Нечи. Нет. Дрохайт не скрипел зубами, а как будто подрагивал под ногами, но не потому, что каблуки сапог Мадра и Дойтена досаждали ему, а от собственного раздражения. Бред, конечно, мало ли что могло показаться, незнакомый край, непривычные дома, слишком много смертей, хотя случалось в жизни Дойтена тех же смертей и побольше. А может стоит замереть? Забраться на башню повыше, раскинуть руки и затаить дыхание? Прислушаться к самому себе и к городу? И только потом начинать заниматься распутыванием местных загадок? И почему, собственно, все дознаватели храма, все ярлычные колдуны и королевские поверенные не днюют и не ночуют в Дрохайте и не пытаются разгадать его древнюю тайну? А что если в ней секрет власти над колдовством во всей Ардане?

Дойтен тряхнул головой. Все так же были мрачны улицы и черны стены домов. Так же мешался в воздухе уже ставший почти привычным запах нечистот, смешанный с озерным ветром и дымом. Так же пробирало холодом, с детских лет Дойтен знал, что чем ближе к воде, тем страшнее мороз, на море и от легкого «щипалова» можно окоченеть, но вместе с тем город как будто и в самом деле оживал. Скрипел и хлопал дверями, рокотал людским говором, рассыпался топотом, звяканьем, шуршанием, стуком.

– Люди, – обернулся Мадр. – Похоже, в городке и в самом деле скопилось народу за пять тысяч, если не больше. Ты смотри, что делается. Повыползали из нор на звон колокола. Значит, скоро встанет лед, и пойдет и охота, и рыбалка. И забудутся все эти смерти. Плохое быстро стирается из памяти. Но этот твой Дейк, который произвел на тебя впечатление, заслуживает внимания в любом случае. Но об этом уже чуть после.

И в самом деле – вот только появились первые пешеходы на улицах, минута, и на стертой тысячами и тысячами пар сапог мостовой уже образовалась толпа. На ближайшем же перекрестке храмовым старателям пришлось пробираться через вереницы рыбаков и охотников, которые несли к берегу снасти, инструменты и какие-то узлы, и даже испытать несколько не самых дружелюбных тычков. Добыткики волочили по мерзлой мостовой длинные и узкие сани. Лица у них все еще были настороженные, но в глазах уже загорался блеск азарта.

– Мороз ударит уже сегодня ночью или завтра, – объяснил Мадр. – У рыбаков свои приметы. Но главное – удар колокола, который никогда не ошибается. Погода безветренная, значит, лед встанет быстро. Так что черная вода не обманывает. Еще день или два, и как только лед достигнет толщины в штык лопаты – колокол звякнет еще раз, и все эта орда двинется к прикормленным рыбным местам и на тот берег. Но выбраться сначала надо на этот. Ну, чтобы

успеть упаковаться, все проверить, уложить силки, приготовить снасти. Место занять на начало путины! Снег в этом году задержался, но скоро упадет, не сомневайся.

– С рыбаками ясно, а отчего же охотники ждут льда? – поморщился Дойтен. – Ну ладно, в этом году снег задержался, на лыжи не встанешь. А обычно? Им же на тот берег надо. По гати, да по дорогам давно уже добрались бы. Не любят окольных путей?

– При чем тут лыжи? – поднял брови Мадр. – И не в окольных путях дело, хотя и в них тоже. Вот будет снег, будут и лыжи. Главное – лед. Впрочем, сам увидишь. Зрелище еще то. Некоторые в Дрохайт только затем и приезжают, чтобы начало путины посмотреть. А лыжи... Там, на месте, на том берегу каждый охотник сплетет себе из мороженных ветвей да обтянет приготовленными шкурками снегоступы. А кое у кого даже крохотные зимовки с печурками имеются. В укромных местах, так что и летом сыскать не просто. А на льду лыжи не нужны. Да и обычаи нельзя нарушать, тут же у них целое действо. Ты подожди здесь, – Мадр остановился у трактира, возле которого несмотря на мороз тоже галдела толпа. – Клокс должен быть у Байрела, сейчас у него уже и Дилб, радуется происшествием на скотном дворе, но я попробую вклиниться в разговор и рассказать про твоего черного егеря. Я и сам о нем уже кое-что слышал, так что дело важное. Все его видели, но как будто лишь по разу. Ну, может, кроме меня. Станный он какой-то, хотя, говорят, накоротко сошелся с Фуаром, да только тот и сам не подарок. Клокс сейчас выйдет, он собирался взять тебя с собой к этой звонарке-лекарке, может, там и перекусите. Сказал, что рядом с тобой бабы разговорчивее становятся. И ты знаешь, мне кажется, что он прав. Так что подкрути усы, может в них секрет? А я потом наших лошадок проведаю.

– Уходим уже что ли? – удивился Дойтен.

– Не сегодня, но скоро, – кивнул Мадр. – После начала путины тут делать будет нечего. Хотя, и спокойнее станет. А ты что, хотел этого мальчишку поймать? Что ты с ним будешь делать? Спросишь, зачем его ищут? А он знает сам-то? Мне-то вот кажется, что важнее узнать, что же все-таки стряслось в угольном поселке? Я бы об этом спросил Алаин. И от глаз ее бы не отрывался, пока спрашивал. И знаешь, если она уйдет из Дрохайта, нам уж тем более можно будет собирать вещи. Вот увидишь.

Дойтен проводил взглядом напарника, обернулся и едва не столкнулся с только что упомянутым здоровяком Фуаром. Старшина рыбацкой общины окинул усмирителя строгим взглядом, дыхнул морозным парком и снисходительно пожурил:

– Что, храмовник? Засиделся без дела? Не получится у тебя никакого дознания. Еще день или два, и будет вовсе не до тебя. И не до судьи с защитником. И даже не до той погани, что стряслась на скотном дворе. Тут народ непростой собирается, частенько друг друга щекочут острым. Так что без двух-трех-пяти трупов ни одна путина не обходится. Какая разница, за что гибнуть – за бабу, за деньги, за охотничий трофей? Или же за мешок из хорошей ткани? Или ты думаешь, что их живьем рубили? Если только первый удар. Смерть – быстрая штука, ее бояться не надо, поверь мне.

– Однако, пять смертей уже есть, – заметил Дойтен, вглядываясь в странно черные глаза Фуара, зрачки его, казалось, заполняли собой все. – А путина вот только еще подходит.

– Год на год не приходится, – зевнул Фуар. – Но ничего, путина закончится, я через пальцы каждого просею. С ними надо по-другому!

– Это как же? – не понял Дойтен.

– По-другому! – до хруста стиснул кулак Фуар и облизал выступивший над верхней губой пот. – И с рыбаками, и с охотниками, и со всеми остальными!

– А по охотникам кто старший? – спросил Дойтен.

– А если никого? – сдвинул брови Фуар и зарокотал глубинным смешком. – Разве Райди – это старший? Хотя, охотники – глупый народ. И каждый за себя. Вольная вольница без мозгов. Будь я...

– Будь ты что? – спросил Дойтен. – Ты ведь за рыбаков ответ держишь? Даже если и перед самим собой. С ними ведь все в порядке? Выстроены и вышколены? Ты же – вон какой здоровяк, не то что Райди!

– Что есть, то есть, – усмехнулся Фуар. – Только и Райди не промах, старик что твой корень. Гнется и морщится, а попробуешь перерубить, лопату затупишь. Лэн в храме и без него справляется, хоть и коротышка. Скамейку под ноги ставит и ведет службу. А Райди азартный охотник, что его и портит. Надо на других смотреть, а не звериный след выискивать. Байрел хотел Тусуса на его место приспособить, тот тоже любитель в морозном лесу стрелу выпустить или дротик метнуть, неплохой парень вырос, да вот слишком сильно из Дрохайта вырваться хочет. К тому же за Райди опять больше всех шкурок метнули в мешок на последнем сборище, так что он на своем месте.

– Ты ведь тоже? – спросил Дойтен.

– А вот это у людей надо спрашивать, – оскалил зубы Фуар. – Может, я и большего достоин?

– Мне ваши порядки неизвестны, – сказал Дойтен. – Ты о чем спросить хотел? Или так подошел?

– Есть вопрос, – кивнул Фуар. – Надо бы этого нюхача по месту приспособить. Ну, как водится, камень к ногам и в воду. Не будет же он вечно на льду лежать? Я, правда, усомнился, не оскверним ли мы этой пакостью озеро наше, а Райди говорит, что все, что по земле этой ходит, все соизволением творца определено. И что святой Нэйф не делил тварь от твари по морде или по цвету. Так что, все едино. Ты сам как думаешь?

– Не силен я в этих раскладах, – признался Дойтен. – Да и до того ли теперь?

– А вот не знаю, – помрачнел Фуар, с какой-то звериной тоской оглянулся на громаду трактира и постоялого двора и вдруг негромко зарычал, словно не только выдохнуть хотел, но и глотку прочистить. – Ты не подумай чего... Ты из Тимпала ведь? Большой город?

– Побольше Дрохайта, но, пожалуй, пониже, – ответил Дойтен. – Конечно, если Белый Храм не считать.

– Не, мне большой город нужен, – засопел Фуар. – Много больше Дрохайта. Вот, хотел после путины поехать в Тэр, жену найти, надоело в два глаза в небо смотреть, а теперь... Ты сам-то женат?

– Нет, – признался Дойтен и тут же вспомнил свою подругу, словно за спиной его она стояла. Вспомнил и обрадовался, а ведь не задурила голову мастера, не задурила. – Хотел или хочешь? Смотри, это дело такое. Вон наш Клокс тянул с этим делом, тянул, тянул, да только всего и вытянул, что седую бороденку из подбородка. Ты что на трактир косишься? Вот зараза. И ты... Тоже занозу в сердце носишь?

– Тоже? – сдвинул брови Фуар. – Разве еще кто-то оступился?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Дойтен. – Мое сердце занято, а так-то... Жить в одном городе и не сойти с ума по такой женщине? Непосильная задача как по мне.

– Многие и сходили, – медленно проговорил, снова обернувшись к трактиру, Фуар. – Некоторые и по сию пору безумны. Только страсть от времени уходит, остается только похоть. И ненависть. Именно что ненависть, до дрожи, – прошипел он и с хрустом стиснул кулаки. – Время тает, как снег по весне. Годы никого не щадят. Я не о красоте, если что. Для чего женщина нужна? Для естества человеческого. Для духа и тела. Так же как и справный мужик женщине. Но, главное – для детей. Да не для приبلудных безродных последышей, как... а для продолжения рода... вроде того же Тусуса. А вот тут уже нужна молодость, пусть в ней и будут крохи того, что в Сничте водопадом льется. Одна беда, все эти умные мысли похоти не отменяют...

Фуар как будто задумался на мгновение, затем вздрогнул и, словно очнувшись, спросил Дойтена:

– Не слыхивал? Есть в Тэре славные, умные и не вздорные женщины? А то ведь я человек горячий, если что не по мне, могу и не сдержаться, пощекотать острым. Есть ножички, от которых не увернешься. Раздери меня демон! Где он?

– Кто? – спросил Дойтен, глядя, как разъяренный Фуар шарит руками по поясу.

– Нож мой! – прошипел Фуар. – Соладский прямой нож с рукоятью из резного моржового клыка! От медведя и лихого человека первое дело! Шаманская святыня, мать его! Заговоренный!

– Дорогой? – поинтересовался Дойтен.

– Для меня – нет ничего дороже... – побледнел, посмотрев на Дойтена, Фуар. – Для соладов – реликвия. Это же удача моя! Этот нож от того меня, которого уже нет. Из прошлой жизни, которая словно непроглядная ночь. Как льды на севере... Я жизнью рисковал ради этого ножа! Скольких сук я положил за него в схватках... Сколько соладов прирезал, из тех, что пытались отнять его у меня... Украли... Не мог же я его потерять. Кто же это сделал? Кто посмел? Кто?

Фуар закрыл глаза, потер виски и вдруг снова зарокотал смешком, словно разговаривал с самим собой:

– Так это ты, дружище? Поймал меня на слове? И что же ты еще мне предложишь? Еще какое удовольствие или забаву какую? А?

– Ты с кем разговариваешь, Фуар? – спросил Дойтен.

Фуар открыл глаза, мгновение растерянно смотрел на Дойтена, потом погрозил ему пальцем, шагнул к усмирителю и, схватив его за грудки, обнажил стиснутые зубы:

– Чтобы никому. Ни слова. Ни полслова. Ни звука. Чтобы кто-то что-то украл у Фуара? Да не бывать такому. Все одно, меня ему не переплюнуть. Мы еще посмотрим, у кого скорлупа толще!

Оттолкнул Дойтена и зашагал куда в толпу, обвешенную сетями и снастями – на голову выше почти любого охотника и рыболова. Дойтен покачал головой, выдохнул из ноздрей накативший от Фуара запах жареного ореха, одернул котто и восхищенно присвистнул, прежде чем хлопнуть в ладоши:

– Вот тебе и Дрохайт, мать твою. Прямо как на Тэрской ярмарке!

Ножа на поясе не было. Кривого замечательного ножа, выкованного по диргской мерке под руку выходца из Нечи – не было. Драгоценности, за которую Дойтен отвалил жалованье за пару месяцев, и след простыл, а вместо нее из кожаных ножен торчало каменное грузило с обрывком сети. В отчаяние Дойтен покрутил головой и вдруг увидел Алаин. Она, как и Фуар, вышла из трактира и теперь шагала через площадь одна, без сопровождения, и рыбаки расступались перед ней, как разбегаются куры на птичьем дворе председателя Священного Двора при виде птичника с топором в руке. На лице ее, которое Дойтен наконец-то смог рассмотреть, застыла еще большая ненависть, чем та, что усмиритель различил у скотного двора. Большая чем та, что только что исказила лицо Фуара. Она была столь велика, что скрадывала и красоту или уродство женщины, ее возраст и все прочее.

– Дойтен, – услышал за спиной голос судьи усмиритель. – Пошли. Чего застыл как столб? Поедем, редко кого звонарка принимает в своей башне. Потом перекусим. А если не примет нас, так вернемся в трактир и набьем животы сразу.

Идти было недалеко, так что даже скопище рыбаков на улицах не слишком замедлило недолгое путешествие. Куда труднее пришлось уже у самого берега, где сотни, если не тысячи человек расставляли сани, паковали какие-то мешки, корзины, луки, дротики, сети и еще какие-то снасти, словно путина должна была начаться с минуты на минуту.

– Ты чего? – в который раз оглянулся Клокс. – Чего по поясу шарить? Кошелек, что ли, срезали? Или еще чего?

– Еще чего, – зло буркнул Дойтен, не зная, горевать или смеяться над самим собой. – Нож вытащили из ножен. Тот, за который я... Да ты знаешь. Вот, какую-то пакость вставили. А я даже не заметил...

– Помню твой нож, – кивнул с усмешкой Клокс. – Хороший он был, не спорю. Ты меч проверь. Меч-то на месте? Главное, чтобы меч не пропал. И ружье. А вставили тебе в ножны не пакость, а каменное грузило. Хорошее грузило. Но оно под летнюю ловлю. Сейчас без надобности. Хотя, если ты захочешь остаться в Дрохайте...

– Судья, мать твою... – покачал головой Дойтен. – Не рви мне нутро. Увижу наглеца... Надо будет ружье забрать у Байрела. Черный егерь. Точно он. Больше некому. Или Фуар? Но у того руки были заняты. Не этим же он... Черный егерь тогда. Или Фуар? Но когда?

– Так тот или другой? – поднял одну бровь Клокс. – А ведь егерь-то был у Байрела. Как раз перед Мадром. В гости к Байрелу пожаловал. Подарок принес.

– Подарок? – не понял Дойтен.

– Да, – кивнул Клокс. – Но не Байрелу, а брату его. Не успел Фуар выйти, как в палаты нос сунул этот... Дейк. Мне Тусус шепнул. Поклонился и мешок бросил Дилбу. Мол, вот подарок от тэрской короны за гостеприимство и все прочее. Для тепла и уюта, а то холодно на тебя смотреть, болтун Дилб. Так и сказал. Поклонился, и был таков.

– Что в мешке? – спросил Дойтен.

– Не видел, – пожал плечами Клокс. – Дилб не показал. Распустил завязи, сунул руку внутрь, пощупал, осветился улыбкой и побежал прочь. Порозовел от счастья. Кажется, одежда какая-то.

– Да, – согласился Дойтен. – Кожушок у него не лучшего вида.

– Только не в Дилбе дело, – хмыкнул Клокс. – Алаин там же была.

– Я ее разглядел на площади, – заметил Дойтен. – Что с ней не так?

– Видел, как ее перекосило? – спросил Клокс. – Как увидела этого... черного егеря, так с лица спала. И до того была не слишком радостна, а тут вовсе побелела как мел. А он ей подмигнул, бросил ласково – «привет, сестричка», и был таков. А?

– Сестричка? – удивился Дойтен. – Мать же у них вроде разная?

– Ну, не знаю, – развел руками Клокс. – По виду они друг друга стоят. Сразу же после этого она шагнула ко мне, прошипела, что ждет завтра до полудня, иначе разминемся, уходит она из города, и пошла прочь. Что-то не так с этой бабой. Если и в самом деле случаются на этой земле майстры, то должны быть и настоящие ведьмы. Так вот Алаин из таких. Байрел посылает с нами Дилба, обещает, что для присмотра, болтать тот не будет. Посмотрим. В крайнем случае заьем ему в рот рукавицу.

– О чем мы с ней будем говорить? – спросил Дойтен.

– Не знаю, – признался Клокс. – Нет у меня большой охоты с ней разговаривать. Но выслушать ее надо. А там видно будет.

– Как Байрел? – спросил Дойтен. – Я насчет вестей со скотного.

– Раздосадован, – ответил Клокс. – Думает, что делать.

– А что он говорит о Дейке? – спросил Дойтен. – Тебе Мадр сказал о нем? Провалиться мне на этом самом месте, если Дейк не тот, кто мог убить и одним пальцем. Приглядеться бы к нему.

– Мне тоже так показалось, – кивнул Клокс. – Только сделать с ним ничего нельзя. Даже если все это его забавы. Ну, то есть и скотный двор, и безухий, и висельник. Да и лодочник тоже. Байрел сам его на подозрении держит, мы об этом черном егере еще с утра говорили. Вот только за руку его никто не ловил. У него ведь и в самом деле представление от тэрского короля. Пергамент даже поважнее того, что эта Алаин при себе имеет. Полномочный и всевластный посылный. Чуть ли не второй вельможа при дворе. А знаешь, Байрел-то ведь считает, что если

кто-то хочет вычистить из Дрохайта всю мерзость и поступает так, как поступает, то путь он выбрал верный. Даже действенный. Другой вопрос, что ему это не нравится.

– И что же? – спросил Дойтен. – И лодочник, и этот Умар тоже достойны очистки?

– Не знаю, – зло сплюнул, увернувшись от какого-то неловкого рыбака с жердиной, Клокс. – Но если этот нюхач зло, то Дейк очень похож на его противника. Хотя и сам не красавец. Или ты вдруг решил, что я сторону этого черного егеря взял? Думаешь, если два бешеных волка в чаще друг другу в глотки вцепятся, кто-то из них зло, а кто-то добро? Оба – еще та пакость.

– А мальчишка? – поинтересовался Дойтен. – Он-то зло или как? А жители той деревни под Слаутом? А угольщики?

– Не морочь мне голову, – поморщился Клокс. – И так не знаю, в какую сторону пригибаться. Может, надо переговорить и с этим Дейком? Где его найти только... Приходит, когда хочет. Уходит неизвестно куда. Лица его никто не помнит. Я вот, кстати, тоже уже вспомнить не могу! Весь город в лигу поперек, но никто не знает, где он остановился. Хотя лошадь его на конюшне. Еще и Алаин здесь со своими поганцами. Байрел так вообще только и ждет, когда все они разом или по отдельности из города уберутся.

– Нас он тоже уже за напасть числит? – спросил Дойтен. – И какое нам дело до тэрского короля? У нас свой король, сиуинский. Да и то, постольку поскольку мы под властью Священного Двора. Что тебя смущает?

– Смущает? – удивился Клокс. – Злит! Если тэрский король стал такими ярлыками разбрасываться, тогда или его дурят, или он сам сдурел, да не будет проклят мой рот за эти слова.

– Да что с тех ярлыков? – воскликнул Дойтен. – Мало ли какие грамоты сиуинский король раздает? При каждом дворе у канцелярии свои резоны, всюду чин на чине и чином погоняет! У кого в руках королевская печать, тот и на коне!

– Не знаю – не знаю, – пробурчал Клокс. – Но одно тебе скажу точно, если все это колдовство какое... Не здешнее, нет, а в Тэре кто-то решился колдовство к королевской особе применить, то темные времена грядут, Дойтен. Ты это... Не тормози меня пока. Мне нужно все в голове уложить. А тут еще разговор с этой лекаркой-звонаркой... Еще день или два тяжело нам придется. Вон, Байрел боится, что вся зима кувырком пойдет. Я просил послать с нами к этой Ийле кого-нибудь из его мальчишек или Дору, а он им настрого запретил из трактира выходить! И даже в нужник без того же Тусуса отлучаться не велит! Хотя, я смотрю, этот Ран уже вещички собирает. А к Ийле Байрел мог с нами хотя бы Типура послать. Знаешь, думаю, из него толк будет со временем, потому как Тусус слишком честен для того, чтобы своего отца заменить. Кстати, я ведь и в самом деле решил похлопотать за Тусуса в Тимпале. Не знаю, как дальше пойдет, но в охране парень с головой и с совестью лишним не будет.

– К тому же вдруг и его мать приедет сына проведать? – предположил Дойтен.

Клокс покосился на усмирителя, не увидел на его лице насмешки и прошептал:

– Лучше бы не надо.

– Вроде пришли, – остановился Дойтен.

– Это точно, – кивнул Клокс.

Башня лекарки была не так уж и высока. Пожалуй, даже ниже трактира Байрела, вздумай она перебраться на верхушку городского холма. Но она стояла на узком мысу, как бы собранном из черных валунов, между которыми застыл лед, была странно одинока, и поэтому казалась выше своих, судя по окнам, четырех ярусов.

– Маяк, – пробормотал Клокс. – Провалиться мне на этом месте, маяк. Похожий стоит у Эдхарского моста. Да точно такой же!

– Только тот выше в два раза, – заметил Дойтен. – Или даже в три.

– Да, – почесал затылок, сдвинув шапку, Клокс. – Ну так и этот не ниже. Он просто обрублен над четвертым ярусом.

– Может, достроить не успели? – предположил Дойтен.

– Тысячу лет назад? – удивился Клокс и заковылял по ледяным камням вдоль основания маяка. – Кто достроить не успел? Даже хроник никаких не осталось. Что застыл? Иди за мной. Дверь должна быть с северной стороны. А ведь этот маяк сшибает с ног посильнее всего города... Поверить не могу. Почему я не заинтересовался им в прошлый раз? Интересно, где там у нее колокол. Не может же он так звенеть через стекла? Как она только ноги себе не переломала здесь еще? Вроде есть ступени под камнями, зачем их завалили? Ну что, так и будем стоять или войдем внутрь? Байрел не уверен, что она нас примет, говорит, что звонарка себе на уме, но, кажется, вся эта история ее и в самом деле зацепила. Не просто же так она мальцов на лодке вокруг острова катала. Нужно дверь толкнуть. Если откроется, можно заходить. А если не откроется, разворачиваемся и уходим. Стучать бесполезно. А ну-ка...

Выбравшись на словно поднимающиеся из прибрежного льда черные ступени, Клокс оказался перед тяжелой, украшенной бронзовым литьем железной дверью. Приготовившись надавить на нее всем телом, он коснулся ее пальцами, толкнул и едва не упал внутрь. Дверь легко подалась вперед.

– Не отставай, – обернулся Клокс. – Похоже, нас уже ждут.

Выдохнув облачко морозного пара, хозяйка башни приняла их на первом этаже, на котором кроме пустой коновязи, сеновала, ящиков с углем и заиндевевших стола со скамьей, судя по всему для перевязки увечных и приема больных, ничего не оказалось. Махнула рукой, приглашая следовать за ней и пошла по узкой лестнице, что винтом заворачивалась вдоль стены вверх. Пошла, не оглядываясь и немало не беспокоясь о том, что двое повидавших кое-что в своей жизни храмовников не сводят глаз с ее стройной, пусть и очерченной платьем из грубой ткани фигуры, потому как лица звонарки-лекарки они рассмотреть не успели. Второго яруса в башне вовсе не было, потому как он оказался частью первого, на третьем в таком же холоде царил запустение и высилась поленница дров, окружая подвешенный под потолком на балках огромный, но разошедшийся, и поэтому исполосованный трещинами деревянный колокол, а на четвертом дохнуло теплом и обнаружился закуток с большим окном на северной стороне, со столом, лавками, затхлой лежанкой и небольшой снокской печью, в которой потрескивал уголь. Впрочем, лестница на этом не останавливалась и уходила еще выше, чтобы оборваться на уровне потолка, прикрывшись чудным люком, отлитым из той же бронзы с вставленным в нее толстым стеклом. За стеклом клубилось серое небо. На печи исходил паром небольшой котел.

– Дыма не было! – прошипел, показав на печь и на уходящую в потолок трубу, Дойтен. – Дыма не было над башней!

– Брось, – отмахнулся Клокс, – может не рассмотрел, – и повернувшись к хозяйке, которая взяла черпак и принялась наполнять каким-то варевом глиняные плошки, спросил. – Не протекает крыша-то?

– Святой Нэйф спасает, – услышали оба сухой и как будто насмешливый голос и наконец разглядели лицо Ийле.

Она была пострижена коротко, как мальчишка. Светлый чуб съезжал на бок, худое лицо от этого казалось странным, но ни хитринки, ни другого изыска в нем не было. Серые глаза смотрели чуть устало, но спокойно, острые скулы блестели, губы были почти неподвижны, и, судя по отсутствию морщин на лице, спокойствие его не покидало. Или же время было над ней не властно. «Сколько же ей лет?» – сам себя спросил Дойтен и не смог ответить, потому как явно немолодая хозяйка странной башни была подвижна как юная арданская девчонка из какой-нибудь прибрежной деревни под Нечи.

– Глаза не ломай, – равнодушно проговорила Ийле. – Ровесники мы с тобой. Хотя, может, я и постарше тебя года на два – на три.

Ийле поставила тарелки на стол, сдернула льняной платок с блюда со слегка подсохшими снокскими булочками, придвинула к себе одну из тарелок и начала понемногу прихлебывать, сдувая поднимающийся над горячим напитком пар.

– А ну-ка? – наклонился Клокс. – Никак риннский бальзам? А какой аромат! Давай, Дойтен, прикладывайся. Еще добавки будешь просить. Редкая радость в наших краях. Лучшее ашарское, с десяток трав, патока, фрукты, и вот даже жуткий холод за стенами и одиночество превращаются в добрый уют и уединение. Пробуй.

Дойтен послушно подхватил горячую посудину, втянул носом и в самом деле манящий запах, подул на темно-красную, почти черную гладь, на мгновение представил, что у него в руках крохотная порция чидской черноты и где-то в глубине ее болтаются в четырех локтях над дном мертвецы, сделал один глоток, другой и замер. Конечно не такой же напиток, но очень похожий разливался в студеные зимние дни на набережной Нечи, и он, Дойтен, еще молодым стражником менял медяки на терпкость, сладость и жар лета из жестяных кружек среди приморской стыни.

– Хорошо! – крикнул Клокс, вытирая губы. – Вот удружила, так удружила. Послушай, Ийле. Это ведь ты? Доброго здоровья тебе, хозяйка морского маяка, который за каким-то демоном располовинен на берегу этого острова. Я – судья Клокс. Со мной усмиритель Дойтен. Спасибо за гостеприимство и за угощение. Порадовала. Знал бы, с гостинцами заявился. Ну, может, не в последний раз видимся. Тепло тут у тебя. А почему колокол деревянный? Если я, конечно, ничего не путаю. Деревянный, да еще весь в трещинах. И отчего у тебя голова не раскалывается, когда он гудит?

Она посмотрела на Клокса так, словно он говорил на чужом языке, потом обняла себя за плечи, перевела взгляд на Дойтена, снова посмотрела на судью и с каким-то как будто невольным безразличием проговорила:

– Зачем тебе колокол? Колокол – чтобы слушать, а не для того, чтобы смотреть... Значит, судья и палач или усмиритель... Защитника только нет... Весь в хлопотах, наверное. Храмовая троица, которая словно ладонь храмового предстоятеля, чтобы прикладывать то к голове, то к губам, то к рукам Арданы, дабы вовремя почувствовать, что больна эта земля неизлечимой болезнью... Не излечить, так хоть поостеречься. И чего суетиться? Давно уже все ясно. Вам нравится ваша служба? Путешествия? Люди? Разговоры? Происшествия? С кем вы успели переговорить?

– С тобой еще не успели, – помрачнел от слов звонарки Клокс, но Дойтен отчего-то почувствовал укол в сердце и перечислил.

– Кто с кем, но с Байрелом, с Дилбом, со Сничтой, с Лэном, с трактирными служками и детьми Байрела разговор был. Ну и перекинулись несколькими словами со многими. С Фуаром, с Умаром, когда еще он был жив, слышала или нет, что стряслось на скотном дворе? С Райди, с... неким Тогхаем, с Дейком...

– С Алаин завтра будем говорить, – добавил Клокс. – Не очень хочется, но надо.

– Кому надо? – холодно спросила Ийле. – Тебе или ей?

– Даже не знаю, что и сказать, – растерялся Клокс. – Может, и никому. А может, каждый свою пользу извлечет. Но на встрече она настаивает.

– Ты знаешь, кто она? – спросила Ийле.

– Нет, – признался Клокс. – Я, правда, слышал, что она дознаватель вроде нас от Храма Присутствия. Но точно не знаю. С другой стороны, не спрашивать же подорожную у каждого, с кем разговор держишь? Ты-то сама имеешь что сообщить храмовым старателям?

– Сообщить? – она подняла брови, перевела взгляд на Дойтена, который старательно подкручивал усы, и прищурилась, словно попыталась взглядом содрать с него кожу. – Давайте

уж сначала вы. Сразу все... спрашивайте. Когда человек задает много вопросов, он порой сам и отвечает на некоторые из них.

– Так это, – принялся озираться Дойтен. – Нам только дай волю. И на ответы времени не останется. Только приехали в Дрохайт, а уже все в непонятном. Да и насмотрелись разного. И егеря, сваренного в котле целиком видели, хорошо хоть без сапог. Хотя, какая разница. И разговор странный с каким-то умельцем через дверь держали. Потом нюхач этот. Любопытно, конечно, что ты про это все думаешь.

– Ничего, – сдержанно произнесла Ийле. – Я ничего об этом не думаю.

– Кто ты? – спросил в повисшей паузе Клокс. – Почему тебя зывали в Приют Окаянных наставником? К чему ты можешь наставить отроков? И как ты узнала четыре года назад, что тот колдун кошек режет на крыше трактира? С твоей башни ту крышу никак не разглядишь.

– И кто спит у тебя? – хмыкнул Дойтен. – Как ни смотрю, но не могу сложить твое ложе и тебя. Кто-то другой тут ночует, это точно.

– Другой, – кивнула Ийле и снова посмотрела на Клокса. – Это все?

– Зачем ты сажала в лодку ребятишек из трактира? – вспомнил Клокс. – Что вызнать хотела? Почему Дора пустая?

– Почему магия в Дрохайте словно камень в черной воде тонет? – вдруг брякнул пришедшие ему в голову слова Дойтен и развел руками на колючий взгляд Клокса. – Не, ну если спрашивать, так обо всем!

– Ты сам это почувствовал или сказал кто? – посмотрела она на усмирителя в упор. – Ты ведь не колдун?

– Нет, конечно, – пожал плечами Дойтен. – Куда мне? Обычный деревенский парень из-под Нечи. Да и какая разница здесь-то, колдун я или кто? И кто мне что мог сказать? Тут и говорить не нужно, если кто-то колдует, а колдовства не случается, это ведь не значит, что его нет? Ну вот если ты бросишь в окно камень, а из-за окна ни всплеска, ни стука не донесется, это же не будет значить, что ты его не бросала?

Клокс, подняв брови, сначала с удивлением уставился на Дойтена, потом посмотрел на окно и, наконец, перевел взгляд на Ийле, зацепив глазом неубранное ложе. Она сидела, закрыв глаза и приставив к вискам пальцы, словно прислушивалась к чему-то.

– Это ведь *он* здесь ночует? – тихо проговорил Клокс. – Этот... Дейк? Я, когда его увидел в трактире Байрела, сразу подумал, что он может открыть любую дверь. Выходит, твоя дверь ему поддалась? А ты-то куда деваешься? Я бы в одной комнате с таким... человеком и глаз бы не смог сомкнуть.

– Я уйду, – не открывая глаз, ответила она столь же тихо, но тут же добавила. – Куда – не скажу. Если я чего-то не говорю, значит, у меня есть на то причины. Ты спросишь, почему я не отказала ему? Не все причины я могу назвать, но одна из них в том, что меня тут некому защитить. Я, конечно, могу защитить себя сама. Но что делать, если мне нужно защищать нечто большее?

Она открыла глаза. Клокс и Дойтен сидели молча, даже сдерживали дыхание.

– Но все кончено. Сегодня он не придет. Не должен прийти. Хотя... я готова к его приходу. А завтра его уже не будет в городе.

– Кто он такой? – прошептал Дойтен. – И зачем он был здесь? Ведь он убийца!

– Один из самых страшных, – кивнула она и тут же улыбнулась. – Но здесь он был не за этим. И убийце нужно убежище.

– И ты дала его, – понял Дойтен.

– Убежище? Дала, – кивнула Ийле. – Но если бы встретила Дейка на пустынной дороге, может, и убила бы. И он это знает. Его это бодрит, как он сказал.

«Убила бы», – в мгновение уверился Дойтен.

– Что это – нечто большее? – еще тише пробормотал Клокс. – И зачем здесь ты?

Он говорил так тихо, что сразу после его «ты» в башне наступила полная тишина, в которой Дойтен различил и потрескивание углей в печи, и шелест ветра за окнами и даже как будто дрожь замерзающей воды за толстыми стенами.

Ийле медленно встала, подошла к лестнице, ведущей на крышу и замерла, ухватившись за потертый поручень. Замерла так, словно собралась подняться на следующий, несуществующий ярус, на самый верх башни, недостроенной или разобранной сотни лет назад, пройти в ту ее часть, где продолжает висеть не деревянный, а настоящий колокол. Замерла, но никуда не пошла. Застыла, и время, казалось, потекло вокруг нее бурным потоком, как вокруг каменного утеса. Оглянулась, поймала взгляд Клокса:

– Ты не все знаешь про майстру, – сказала она. – Не знаю, что тебе говорила Сничта, если, конечно, она говорила с тобой, но есть то, что ты должен знать. Существует другая магия. Не наведенная, не наговоренная, не пришедшая извне, а изначальная. Та, что пронизывает все. Которая была в Талэме еще тогда, когда не было ничего. Которая, может быть, и не магия вовсе, но сила. Для нее и Дрохайт не помеха, чем бы ни объяснялось это слепое пятно. И майстра – это отголосок именно такой магии. И, как и у каждой магии, у этой имеется оборотная сторона. Майстра не способна любить сама.

– Подожди, – как будто потерял голос Клокс, потому что вместо него издал только хрип. – Но как же... А Байрел? А ее дети?

– Она добрая... – выдохнул Дойтен и тут же понял, почему его молочница, сама того не зная, уберегла его от наваждения – в ней было то, чего не было в Сничте. – Она даже сказала мне, что нужно кого-то спасти... Разве кого-то спасают без любви?

– Спасают, – кивнула Ийле. – И без любви. И без ненависти. Хотя порой с изрядной неприязнью. Но Сничта и в самом деле добрая. И Байрелу повезло. Он получил доброту и собственную неугасимую страсть. Да и дети есть дети. Любовь к собственным детям никуда не денется, хотя, может быть, отличается от обычной любви. Но это не та любовь, о которой я говорю. Майстра никогда не будет сгорать от любви, если она майстра. И Сничта это понимает, пусть и не чувствует на своей шкуре. Иначе и быть не может, все, что происходит вокруг нее, разорвало бы ей сердце, но... нет. Она даже не может огорчиться по этому поводу. Заметьте, все это не исключает ту же доброту, верность, разум, но в этом нет того, что, к примеру, поддерживало тебя, судья, все эти годы.

– Не говори мне об этом, – опустил голову Клокс.

– И еще, – Ийле посмотрела на Дойтена. – Если она кого-то хочет спасти, значит, она и в самом деле хочет кого-то спасти. Помоги ей, если попросит, но не слишком рассчитывай на свои силы. Это особенный город. От отличается от всех прочих.

– Чем же? – спросил Дойтен и сам засмеялся собственному вопросу.

Она улыбнулась, вернулась за стол, снова глотнула из чаши. Дойтен взялся за свою и с удивлением понял, что она холодна.

– Ты ведь знаешь Брайдема, Клокс? – спросила Ийле.

– Да, – кивнул судья. – Приходилось и в трактире вместе сживать, да и великую беду вместе переживали. Я в Гаре, он в Тимпале.

– Это еще не великая беда была, – прикрыла глаза Ийле. – Лишь предвестие ее. Ладно. Не все, но кое-что скажу вам. Но сразу отмечу, что в свои отчеты вы это не вставите, потому как не для отчетов будут мои слова. Брайдем поминал тебя, Клокс. Так и сказал, что если стрясется что-то в Дрохайте, да пришлют сюда старателей, верить можно только Клоксу. Ну и, наверное, тем, кто с ним придет.

– Низкий поклон ему, – крикнул судья. – Только я ведь простой храмовник. Лгать не приходилось пока, это да, ну так, может, просто жизнь меня еще не шибко ломала?

– Ломала, – покачала головой Ийле. – Как и каждого. Куда ни помотришь – все надломанные. Тот же Байрел. Он же не понимает, но чувствует. Чувствует, что не ревность кипит в нем, а жажда. Потому как он пытается пить из чаши, в которой нет воды.

– А я бы согласился, – вдруг брякнул Клокс.

– А я нет, – прошептал Дойтен. – Можно мне еще этого божественного напитка? А то он или стынет мгновенно, или мы времени не замечаем.

– Край Дрохайта словно край котла, – она улыбнулась. – Еда запекается у края быстрее, порой пригорает. Но и остывает в первую очередь. Наполни все чаши, Дойтен. Какая бы беда ни чернела за спиной и ни разгоралась впереди, это не повод отказывать себе в удовольствии. Вот, что я могу вам сказать. Деревянный колокол был вырезан много лет назад, когда этот маяк лишился части своей высоты вместе с настоящим колоколом. Он не звенит, но дрожит, когда раздается настоящий звон. Откуда берется звук? Считай, что долетает из прошлого. Я не предсказываю, когда лед встает на озере, сам лед напоминает о себе этим звоном. И это не большее чудо, чем отсутствие магии в Дрохайте. И голова у меня не раскалывается от звона, здесь его почти не слышно. Что из этого вы сможете вставить в свои отчеты?

– Ничего, – со вздохом развел руками Клокс.

– Загадки Дрохайта манят не только вас, – задумалась Ийле. – Четыре года назад ты это уже ведь понял, Клокс? Да, город действительно напоминает темный омут, в котором тонет всякая сотворенная магия. Но бездонных омутов не бывает, поэтому...

Она замолчала.

– Поэтому они проверили его на обыденную магию, на воплощение имни, – кивнул Клокс. – Затем использовали магию наведенную, принесли в жертву кошку, да не одну. И, наверное, убедились, что дна у этого омута все же нет.

– Не уверена, – качнулась Ийле. – Вряд ли они останутся так просто. Возможно, что они не спешат или у них не было оказии. Но следующая проба должна быть с человеческой жертвой. Причем им потребуется колдун... Надеюсь, что это произойдет не скоро.

– Кто пойдет на это? – вскочил с места Дойтен. – Это же наказывается смертью!

– Когда это останавливало хотя бы кого-то? – спросил Клокс.

– Этот город несет в себе проклятие прошлого, – продолжила Ийле. – Но кто его проклял, почему и в чем природа этого проклятия я вам не скажу. Точно так же, как не скажу, и почему в этой башне всегда был, есть и будет звонарь или звонарка. Который даже не притрагивается к колоколу. Даже если этот маяк вовсе рухнет.

– Святые угодники, – выдохнул Дойтен, снова опускаясь на место.

– Это моя присказка, Дойтен, – проворчал Клокс.

– Прости, – щелкнул пальцами Дойтен, вызвав улыбку Ийле.

– Почему меня призывал в наставники приюта Брайдем, я вам не скажу, тем более, что не Брайдем меня призывал, потому как не он набирает наставников, и не он покровительствует приюту, – продолжила Ийле. – Но не пошла я только потому, что не за себя одну отвечаю, да и некем меня заменить тут. Пока, во всяком случае. Но, думаю, замену мне скоро будут искать. А что я здесь делаю, вам знать не нужно.

– Почему? – прошептал Дойтен.

– Чтобы сна не лишиться, – на мгновение скривилась в гримасе боли женщина.

– Вот я его, кажется, и лишился, – покачал головой Дойтен.

– То, что затеял... Брайдем в Стеблях... – Ийле на мгновение задумалась, – или не Брайдем – обеспокоило кое-кого. Хотя тут в Дрохайте мы привыкли и к собственным бедам. Ведь четыре года назад, Клокс, ты не просто так приезжал сюда дважды. Или думаешь, что мало кого интересует это слепое пятно на лице Арданы? Вы могли бы жить здесь, разбирательств бы хватило. Но нынешние беды в основном связаны именно со Стеблями. Думаю, дело в ребенке. В ребенке, который или должен, или не должен попасть в Приют Окаянных.

– И который имеет собственные понятия об этом? – спросил Клокс. – И о тех, кто хочет его остановить, и о тех, кто хочет остановить тех, кто чинит ему препятствия?

– Не знаю, – пожалала она плечами. – У меня есть некоторые предположения, возможно я узнаю что-то в ближайшие дни или часы, но надо признать, что ребенка этого с полной уверенностью я не определила, чем немало удивлена. Не думала, что такое возможно. Выходит, есть надежда, что его не найдет и Алаин. Хотя, если бы я нашла его, все равно не сказала вам, но скажу честно, не нашла. Хотя кое-что и разглядела. Вот, отметила девочку, потому что это великая редкость – магическая пустота. Изредка рождаются дети вовсе без магического проблеска, но магия, которая всюду, рано или поздно пропитывает их. Пустота Доры, возможно, обратная сторона ее стойкости, тоже своеобразный талант. Или же она как черный омут вроде маленького Дрохайта. А так-то... И Ран, и Казур одарены, но они не настолько яркие, чтобы из-за них устраивать блокаду Дрохайта и преследование их. Хотя, великие костры всегда разгорались из крохотных искр. Впрочем, и невеликие тоже.

– Ты не могла ошибиться? – спросил Клокс.

– Могла, – скривила она губы. – Магию можно скрыть, умалить, затаиться в ее тени. И Ран, и Казур, да и еще кто-нибудь вполне могут быть скрыты не только амулетами, но и собственным умением, рисунками на теле, заговоренной одеждой. Особенно в Дрохайте. Выходя из тьмы на свет, на какое-то время становишься слепым. Да и не прорицательница я. Но одно точно – и те, кто пытается остановить этого ребенка, и те, кто защищает его от первых – они враги. Но не враги друг другу. Их противостояние – это... так. Мелкие распри.

– А чьи они тогда враги? – вытер пот со лба Клокс.

– Враги этой земли, – понизила она голос. – Мои враги. Ваши враги. Враги этого города. Если угодно – враги святого Нэйфа.

– Черный Круг? – прошептал Клокс.

– Скорее всего, – она задумалась. – Чтобы это ни значило. Хотя нужно помнить, что Черный круг – это оружие, а не воин. Вы понимаете меня?

– Не вполне, – прошептал Клокс. – Впрочем...

– Но разве Тэр подчиняется Черному Кругу? – спросил Дойтен. – Где он вообще, этот Черный Круг? Он ведь... легенда? Кучка безумцев из старых сказок, что служат то ли какому-то богу, которого нет, то ли демону?

– Все меняется, – прошептала Ийле. – После того, что случилось в Гаре, все начало меняться. Не мне вам говорить об этом. Или вы не получили в результате той беды нового Ату?

– Подожди, – замотал головой Клокс, – но если этот ребенок так их интересует... Даже если они противостоят друг другу... Но если ребенка защищает враг города и враг святого Нэйфа, значит, ребенок опасен? Да хоть для того же Приюта Окаянных! Надо же предупредить Брайдема, что...

– Он знает, – кивнула Ийле. – Или даже так, тот, кто должен знать, знает. Это ничего не изменит. Ребенок остается ребенком. В любом случае. Зло не может быть изначальным и непреодолимым. Даже если оно таким и окажется. Предопределенности нет. Я это точно знаю, потому что испытала на собственной шкуре. И не только на своей. Это все, что я могу вам сказать. Не нужно искать ребенка. Даже пытаясь защитить его, мы только подвергаем его большей опасности. Об этом говорить нечего. Разговоры вообще бессмысленны.

– Подожди! – попросил Дойтен. – Прости, что настаиваю, но хотя бы об этом Тогхае! Кто это? И эти смерти? Вокруг Дрохайта! Шипы? Зачем?

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Все, что я могу предположить, так это то, что у них что-то не складывается. Возможно, они и сами потеряли этого ребенка. Утратили с ним связь. Я же не могу его найти? Поддались панике. Убоялись того, что вмешалась неизвестная сторона, которая укрыла ребенка непроницаемым пологом, хотя ее и не должно быть. Неоткуда ей взяться. Но они испуганы. Даже те, что вели ребенка к Приюту, полагая его будущим ядови-

тым жалом в чужой плоти. Во всяком случае, то, что происходит в Дрохайте, свидетельствует, что ребенок имеет собственную волю. Он играет в свою игру или в ту игру, которой его кто-то научил. Кто-то мудрый.

– А людей в угольном поселке поубивал тоже кто-то мудрый? – спросил Дойтен.

– Обычно смерти – это поиски силы, – ответила Ийле. – И чем больше смертей, тем больше силы. А уж если они устроены каким-то особым образом или по какому-то особому обряду, они могут послужить силе почти неисчерпаемой.

– Силы для кого? – спросил Клокс. – Или для чего? Да и какая сила может происходить от смерти?

– Самая большая, – прошептала Ийле. – Но не для таких как мы. Тогхай – не человек. Впрочем, это же не имя. Это что-то вроде чина.

– Вот! – поднял палец Дойтен.

– Демон? – замер Клокс.

– Нет, – засмеялась Ийле. – Пожалуй, это было бы не так страшно. Хотя и достаточно для того, чтобы лишиться сна. Я думаю, что Тогхай – это крупица не просто зла, а зла перво-родного, отзвук его, но отзвук оглушительный и беспощадный. Хотя и не безумное божество, поднимающее небо и проламывающее землю. Но, вполне возможно, его оружие, влекомое его тенью.

– Нож, – выдохнул Дойтен.

– Да, – кивнула Ийле. – Может быть и нож, хотя древние уложения упоминают и другие предметы похожей силы. Но если это нож, то это нож Дайреда. Только он не был утрачен за последние тысячи лет и он вполне может иметь собственную волю, которая пробуждается от крови, пролитой им. Обратись к пергаментам, Клокс. Вернешься в Тимпал, обратись к пергаментам. К самым древним и самым страшным. Открой историю Дайреда.

– Святые угодники, – пролепетал Клокс. – Кто ты? Имни? Кто-то из мудрых? Или же...

– Ийле, – улыбнулась Ийле. – Разве имени недостаточно? У вас остался день или два. Послезавтра будет еще удар колокола и начнется путина. Я буду рада увидеть вас у себя. Только отсюда можно разглядеть все в деталях. Послезавтра все встанет на свои места. Они прекратят и поиски, и защиту ребенка. Конечно, если кто-то из них не захлебнется злобой. Но дальше все будет в руках самого ребенка. Впрочем, он уже и теперь все держит в своих руках. На удивление твердо, хотя, возможно, рыдает в бессилии по ночам. Но кто он – я не знаю. Или не скажу.

– Ты чувствуешь его, – прошептал Дойтен. – Но не уверена в своих ощущениях. Или боишься навредить ему.

Она улыбнулась и прошелестела чуть слышно:

– Его может вовсе не быть в городе. А что если нюхача убил Дейк? Он мог сделать это и на коленях. Даже лежа. Чтобы позабавиться. Поиздеваться. К тому же, если он здесь, чтобы защитить этого ребенка, прикрыть его от нюхача, от его подельников-мешочников, провести невредимым в Приют Окаянных, именно так он и должен был бы поступить.

Дойтен и Клокс в недоумении переглянулись. Ийле рассмеялась.

– Ладно. Я ведь тоже могла бы сделать это. Хотя не делала и не собиралась. И вот еще. Здесь никто не знает такую травку, но в уложениях вашего храма она должна быть описана. Когда вернетесь в Тимпал, разыщите это описание. Она называется закатник тенистый. Вы будете очень удивлены.

– У Фуара расширены зрачки, – прошептал Дойтен. – И от него пахнет жженым орехом.

– Фуар сходит с ума, – кивнула Ийле. – Два месяца назад Дейк угостил его диргской травой, ты ведь слышал о ней, Дойтен? И Фуар пристрастился, хотя он был безумцем и него-дямем и до встречи с Дейком. Но, пока Дейк здесь исправить, ничего нельзя. Когда Дейк уйдет из города, Фуара нужно будет закрыть в темнице на месяц. Он сильный, есть надежда, что он выживет. Конечно, если не разобьет голову о стены. Я уже предупредила Дилба. Он займется

этим, когда начнется путина. Иначе – беда. А теперь мне нужно остаться одной. К тому же Дейк все же может заявиться. Я сказала вам все, что могла.

– Последний вопрос, – попросил Клокс. – Мне показалось, что ты сочувствуешь этому ребенку. Почему?

– Потому что он ребенок, – пожала плечами Ийле. – Этого недостаточно? А если я скажу, что я ни на минуту не забываю о материнстве, которого лишила меня судьба? Этого тоже мало?

– Есть что-то еще, – прошептал Клокс.

– Хорошо, – задумалась Ийле и отошла к окну, чтобы произнести несколько слов только через пару минут. – Есть человек, который чувствует чуть лучше меня. Который, слабее меня, но все еще подсказывает мне, как поступить, помогает увидеть то, что мне недоступно. Именно она... он увидел того колдуна на крыше – с кошками и сажеей. И именно он увидел этого ребенка. Но не сказал о нем даже мне, поскольку не хочет подвергнуть этого ребенка опасности. Но он объяснил мне то, что меня беспокоит, и от чего я мучаюсь бессонницей уже много недель.

– Что же это? – спросил Дойтен.

– Этому ребенку очень больно, – ответила Ийле. – Каждую секунду его бытия пропитана невыносимой болью. Он словно объят пламенем.

Они вышли на улицу из башни уже в сумерках и снова недоуменно переглянулись. Время пролетело незаметно. Дойтен хлопнул себя по поясу и с досадой вспомнил о пропавшем ноже. Клокс поежился от холодного ветра и повернулся к Дойтену:

– А ведь я вспомнил, где я слышал имя того человека, которого ищет Дора. Гантанас. Так зовут старшего наставника в Стеблях. Думаю, он и есть глава приюта. Он, а не Брайдем, хотя тот и настоящий смотритель со всеми полномочиями и соответствующей головной болью. Надо сказать об этом Доре. Хотя, конечно, мало ли Гантанасов в Ардане? Я не знаю, что думать о словах Ийле, но этот ребенок в городе. Все прочие исходы слишком сложны. Еще Эгрич учил меня – не ищи сложности, ищи простоты. В ней истина. Но этот ребенок – не Дора.

– Почему? – не понял Дойтен.

– Потому что если бы она была тем ребенком и искала Гантанаса, чтобы попасть в Приют Окаянных, она бы никому не назвала это имя.

– Если бы она знала, что он – в Стеблях, – поправил Клокса Дойтен. – Да и вообще, кто тебе сказал, что она старается для себя? И что она понимает, что делает?

– Она вообще девочка, – буркнул Клокс. – Худая, сопливая девчонка. А не мальчишка. И не убийца. К тому же дети, которым очень больно, не ковыряют в носу. Они плачут. Надо искать того, кто плачет.

– Или не надо искать, – проговорил Дойтен.

Глава седьмая. Алаин

Дойтен проснулся от холода. С вечера в комнате, в которой уже посапывал Мадр, было натоплено до такой жары, что Клокс, раздраженно шипя, даже грозился открыть окно, но теперь это самое окно потеками покрывал лед, а угли в камине обратились в золу. Дойтен потянулся за одеялом, закричал, обнаружив, что ни Клокса, ни Мадра в постелях уже нет, поднялся и, подхватив из медного таза пригоршню холодной воды, умылся. За окном явно похолодало. Дойтен поскоблил пальцем ледяные подтеки, ничего не разглядел за мутным стеклом, махнул рукой и принялся натягивать верхнюю одежду, чтобы спуститься вниз, оправиться, набить живот тем, что пошлет благословенная кухня Байрела, да заняться тем, что определит судья Клокс. Прихватывая бечевой порты, Дойтен закрыл глаза и вспомнил недавний сон. Уже это было странным, обычно сны не возвращались к нему после умывания. Они неохотно разжимали объятия при пробуждении и быстро истаявали, ускользая и из памяти. Теперь же он явственно увидел черное, слегка прикрытое утренним туманом зеркало воды, затянутый сизой дымкой противоположный берег, который наяву видеть никак не мог, серое небо и на нем проявляющиеся бледными силуэтами у горизонта – Рэмхайнские горы. Мгновение Дойтен вглядывался в явившийся ему пейзаж, затем опустил взгляд и с ужасом понял, что стоит на воде. Сапоги его попирали водную черноту, не погружаясь в нее ни на палец, словно вода окаменела или всегда и была камнем, или замерзла наконец, оставаясь черной и гладкой. Выходит, не туман клубился над угольной гладью, а поземка завивалась от ветра? И почему же тогда подрагивает эта чернота под ногами, блестит, шевелится и начинает затягивать в себя, расчерчивая мрак прорезями диковинных окон, внутри контуров которых блестит только что пролитая кровь?

– Дойтен, мать твою! – рявкнул над ухом Клокс. – Если встаешь, так вставай. Какой толк спать сидя?

Дойтен открыл глаза и обнаружил самого себя с бечевой в руках на том самом месте, куда он присел, приводя в порядок одежду. Рядом стоял Клокс, судя по покрасневшим щекам, только что пришедший с улицы, и растирал озябшие ладони.

– Поспеши, – притопнул Клокс. – Тебе ж еще и в рот надо будет что-то бросить? А нам к Алаин пора идти. Ее клыкастый приходил с утра в трактир, прошипел, что ждать не будет она, если не явимся в течение часа. Мол, кому этот разговор больше нужен ей или нам? Может, послать ее куда подальше? Как думаешь? Мадр говорит, нельзя посылать. Если она и в самом деле от Храма Присутствия, еще не раз можем пересечься. А если самозванка какая – тем более! Приглядеться к ней надо. Одно неясно, мы-то ей зачем?

– Вы чего так рано повскакивали? – пробормотал Дойтен, поднимаясь, но одновременно жмурясь и пытаясь ухватить ускользающее сновидение, которое все еще продолжало стискивать ужасом его сердце.

– На берег я ходил, – ответил Клокс. – Морозец прихватил воду. Ступать еще нельзя, но, если холод не ослабнет или прибавит еще, то к завтрашнему дню озеро вовсе встанет. Замерз как собака!

– Любопытство обуяло? – сунул ноги в сапоги Дойтен и потянул со скамьи котто. – Думаешь, без тебя озеро льдом не покроется?

– Не в том дело, – тоже подошел поскоблить лед на окне Клокс. – Похоже, всплыли лодочник и тот бедолага... Или не бедолага, а гнус, который поделом схлопотал... Торчат маковки над водой. Сотни три шагов от берега. Лед пока тонок, конечно, но Байрел приказал готовить дощатые щиты – под вечер попробуют добраться до мертвых. А там, может, завтра с утра и просто ногами дойдут. Но вырубить да достать их нужно раньше, чтобы путину не омрачать.

– Так точно маковки и торчат? – усомнился Дойтен, навешивая на пояс меч. – Обычно покойники не так всплывают. Дейк этот, случаем, не выходил на берег полюбоваться на эти поплавки? Не заводил с тобой веселого разговора? И где Мадр?

– Мадр весь в заботах, – процедил сквозь зубы Клокс. – Но скоро будет. Беспокоит его что-то... Да здесь всё беспокоит! А Дейк на берегу не появлялся. Говорят, что забрал лошадь и рано утром покинул город на радость Байрела. Кстати, прятал лицо, так что, может то и не Дейк был. Хотя, лошадь его, ножны меча – его, да и одежда его... Давай-ка поторопись, братец! Ружье брать не будем, вряд ли оно нам пригодится. Все ж не в глухом лесу или в чужом краю, до Храма Присутствия от трактира только площадь перейти. Он же, считай, напротив хозяйства Райди. Так что – спускаемся, Дора уже должна была накрыть тебе стол. Что еще? Теперь только дожждаться Мадра. Но чую, что он придет ни с чем. Не медли, мать твою!

– Да что ты как укушенный! – обозлился Дойтен. – Что случилось-то? Ну переговорим мы с этой Алаин, не развалимся. Трупы изо льда вырубят, или ты думал, что живы эти нырляльщики? Дейк этот поганый из города уехал, лед встал, мороз ударил, значит, завтра-послезавтра путина. А там, глядишь, и призванная Байрелом подмога прибудет в город. И отправимся мы восвосяси короткой дорогой, не думая ни о Тогхае, ни об этом умельце, что проткнул нюхача. Или еще что стряслось?

– Дилб пропал, – процедил сквозь зубы Клокс.

– Как пропал? – не понял Дойтен.

– А кто его знает, – пробормотал Клокс. – Был и нету. Или ночью, или с вечера. И Казур, кстати. Байрел уже весь город на голову поставил! Лучшим своим воинам велел в доспехи одеться. Райди десятерых стражников на ворота отправил. Молодых, крепких парней... Тоже говорит, что чует плохое. Сейчас воины Байрела мечутся по городу, обыскивают каждый угол. Хорошо еще, что все по этим углам сидят, потому как мороз жуткий, уши отваливаются от холода. Так что на улице – ни души, да и в трактире пока никого. Но Дилба нет, поэтому Байрел отправляет с нами Фуара, чтобы заодно и Храм Присутствия осмотреть. Да еще даст кого-нибудь из сыновей. Рычит, что не выпустит Алаин, пока не убедится, что она не скрывает мальчишку. Какие бы ярлыки у нее не имелись. Тут ему бы поосторожнее себя вести, даже если у нее ярлыки ненастоящие, один демон королевский дом Тэра может оскорбиться...

– А где Ран? – спросил Дойтен.

– Где-то возле этой ведьмы, – поморщился Клокс. – Вместе с вещичками. Ожидает отбытия. Получил расчет, утеплился по возможности и с утра пораньше ушлепал к храму. Мечтает о стезе тэрского колдуна. Больше и слышать ни о чем не хочет. Ты сам-то вчера говорил с этим Казуром? Или нет? Я же вроде видел вас двоих у стойки? Забыл, что ли? Вечером уже. Ничего не сказал он тебе? Может, в Приют Окаянных подался?

– Да чего я там говорил? – пробурчал Дойтен. – И кто я этому Казуру? Попечитель, что ли, чтобы он со мной сокровенным делился? Думаю, куда важнее, что Дейк уже отбыл. Хотя, если какую пакость или забаву он и готовил, то все уже сделано. И эти всплывшие мертвецы точно его рук дело.

– Ага! – прошипел Клокс. – Встал ночью, пробил лед, нырнул на три сотни локтей, перерезал веревки, заставил трупы всплыть. Думай, что говоришь! Пошли уже...

Отчего-то этот образ – плывущий подо льдом Чидского озера Дейк – не оставлял Дойтена. Ни пока он спускался в действительно пустой зал, ни когда отошел к нужнику, чтобы в темном коридоре вдруг представить того же Дейка, стоявшего на коленях и пронзающего грудь поспешившему за ним нюхачу. Поспешившему за ним или все же за каким-то мальчишкой? А что, если Дейк охранял именно Казура? И не следует ли связать исчезновение последнего с уходом из города черного егеря? И кто видел Дейка на воротах? Не лежало ли поперек лошади странного воина спеленатое детское тело? Или по весне всплывет где-то в окрестностях Дро-

хайта еще один утопленник – хрупкий, остроносый, со слипшимися черными волосами? А может, и уже всплыл и бултыхается под черным тонким льдом?

– Так о чем ты вчера с ним говорил? – спросил Клокс, когда Дойтен вернулся в зал и присел перед приготовленными для него кушаньями.

– Да не о чем, – буркнул Дойтен. – Ты же просил, чтобы я Дору нашел? Или сам запамятовал? Сказал, чтобы я передал самой Доре или через кого-нибудь о том, что ты вспомнил имя этого... наставника из Стеблей. А ее не было, отлучилась куда-то. Ну я и поймал Казура за шиворот, когда он мимо с подносом пробежал, и сказал ему, чтобы он передал ей это известие. Мальчишка, кажется, не сразу меня понял, а потом уверил, что передаст, но беспокоиться не следует, потому как Дора давно знает об этом Гантанасе, и он, конечно же, вовсе не тот Гантанас, который ей нужен, потому как никакой не охотник. Тезка, скорее всего. Иначе она бы уже давно стучалась в двери Приюта, где ей делать нечего, потому как пустота она и есть пустота.

– Не самое веселое дело, понимать такое о самой себе, – покачал головой Клокс. – Жалко девочку. Ладно бы еще хоть красавицей была.

– Ну, это ты зря, – глотнул вина Дойтен. – Главное, что не уродина какая-нибудь. Добрый взгляд, здоровая кожа, и распоследняя дурнушка может оказаться миленькой торговкой, симпатичной стряпухой или приятной швеей. Поверь мне, судья, хороший запах, улыбка, нежность куда важнее, чем правильный овал лица. Какие ее годы? Все еще образуется, не беспокойся.

– А мне-то чего о ней беспокоится? – не понял судья. – Пусть о ней Байрел беспокоится. Или его сыночек. Мне другое интересно, откуда она прознала про Гантанаса?

– Алаин ей сказала, – ослабил бечеву на портах Дойтен. – Казур рассказал, что когда она их опрашивала, то едва не пронзила Дору взглядом, услышав это имя. Тут же и спросила, не в Приют ли Окаянных та торит дорожку, мол, есть там такой наставник. А вот откуда Алаин про этого Гантанаса знает, если ты о нем едва вспомнил, да и то по знакомству, вот это большой вопрос. Судя по рассказу Казура Алаин этот Гантанас и все с ним связанное очень интересовали! Как ни крути, вся эта заварушка, похоже, замыкается на Стебли.

– И как же Дора? – напрягся Клокс. – Устояла перед Алаин? И бровью не повела? Или сидела и ковыряла в носу?

– Я о том же Казура спросил, – кивнул Дойтен. – Нет. Повела себя как живой человек. Заплакала. Поначалу вспыхнула от радости, а когда поняла, что Гантанас никакой не охотник, а Приют Окаянных – выгородка для храмовых колдунов – заплакала. Как положено, с соплями и рыданиями. Похоже, и в самом деле ищет своего знакомца.

– Это все? – спросил Клокс.

– Нет, – зевнул Дойтен и тут же передернул плечами, зябко было сидеть в огромном зале, в котором никого больше не наблюдалось кроме него и судьи. – Еще он мне рассказал какую-то чушь. Точнее, у меня стал спрашивать об этой чуши. Ну, мол и пока добирался сюда, и уже здесь собирал всякие рассказы о Дрохайте. Он же и в самом деле себя колдуном числит, и мечтает о том, чтобы попасть в Приют Окаянных, да вот только в Дрохайте этом никакое колдовство у него не ладилось. Думаешь, просто так он побрел в угольный поселок?

– И что же? – поторопил Дойтена Клокс.

– Вроде бы есть одна легенда, которую тут не любят, – объяснил Дойтен. – Ну, все о ней знают, но не говорят. Будто Дрохайт – это могильник для тех, кого нельзя убить.

– А подробнее? – снова напрягся Клокс.

– Помилуй меня, – поморщился Дойтен. – Тебя что, детские страшилки интересуют? Один демон, я этому Казуру ничего пояснить не смог. Ладно, изволь. Тысячи лет назад страшный бог-демон Дайред решил завоевать всю Ардану и даже весь Талэм. Извел кучу народу, но ничего не добился, потому как самые страшные его воины, что страшнее демонов и самых черных егерей, не смогли пробиться сюда. Или пробились, но увязли. Земля прогибалась под их ногами. Вот тут они и провалились. Те герои, что защищали Талэм, усыпили их, потому как

убить их нельзя, засыпали камнями, а вокруг вырыли глубокое озеро. И запрудили Чид, чтобы наполнить его водой. А поверх груды камней построили Дрохайт. Но однажды, когда Дайред вернется, эти чудовища проснутся, и не будет от них спасения. Ну бред же?

– Нож Дайреда и воины Дайреда, – прошептал Клокс. – Может и бред, но кроме всего прочего и объяснение тому, что здесь делает Ийле, и почему она не схватилась с Дейком.

– Ты знаешь, – наклонился к столу Дойтен и понизил голос, хотя никто не мог его услышать кроме Клокса, – я вот не верю во всю эту чушь. И знаешь, почему? Потому что то, что происходит на самом деле, может быть, не столь таинственно, но куда страшнее.

– Стрешнее? – ударил кулаком по столу Клокс. – Сказал бы я тебе про страшнее...

– Так скажи, – усмехнулся Дойтен и обернулся на топот. – Вот где этот мальчишка? Что еще стряслось? Дора? Почему бегом? Народу же нет в трактире!

– Ничего, – пролепетала взопревшая девчонка, которая бежала с кухни с пустым подносом. – Просто нас трое осталось. Ран уже ушел к этой ведьме, Казура нет, ну, вы знаете, может, решил все-таки в Стебли податься, благо лед схватился, обойти можно ворота, а вечером будет большой пир перед началом путины. Надо все приготовить, да и разносить потом будем, пока не попадаем все. Говорят, даже Типур и Тусус будут подавать еду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.